экслибрис
83 6/146

ЗАПИСКИ

Георгія Гапона.

(Очеркъ рабочаго движенія въ Россіи 1900-хъ годовъ).

МОСКВА.

1918 г.

83 6/146

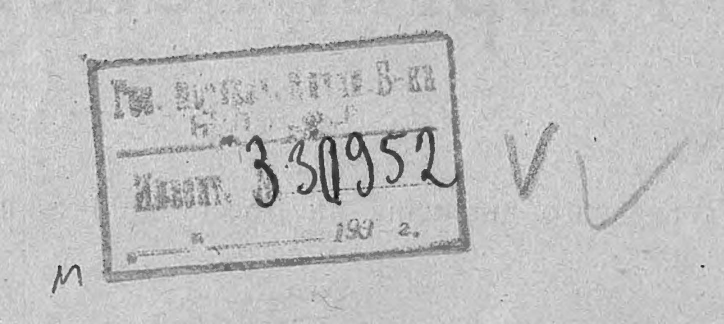
ЗАПИСКИ
Георгія Гапона.

(Очеркъ рабочаго движенія въ Россіи 1900-хъ годовъ).

12044

МОСКВА.

1918 г.

Типографія Вильде, преемн. К. К. Гаусманъ. Брестскій пер.. д. № 2.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Имя священника Георгія Гапона стало хорошо извѣстнымъ широкой публикѣ съ 1904-го года, когда онъ сталъ во главѣ рабочаго движенія на Петроградскихъ заводахъ. Организація рабочихъ производилась имъ съ согласія правительства, которое думало найти въ немъ второго Зубатова. Предчувствуя неизбѣжность рабочаго движенія, правительство задумало взять его въ свои руки. Для этого оно разрѣшило рабочимъ соорганизоваться въ союзы и для того, чтобы успѣшнѣе осуществить свою идею, правительство при всякихъ недоразумѣніяхъ на фабрикахъ и заводахъ всегда принимало сторону организованныхъ рабочихъ противъ работодателей. Тамъ же, гдѣ недоразумѣнія происходили между работодателями и неорганизованными рабочими, тамъ правительство становилось на сторону работодателей. Такой кажущейся заботой о рабочихъ, правительство думало привлечь на свою сторону всю рабочую армію и тѣмъ избѣжать опаснаго для нея съ ней столкновенія.

Георгій Гапонъ весьма успѣшно осуществилъ задачу правительства и сплоченіе рабочихъ произошло исключительно на экономической почвѣ, всякая политическая тенденція была исключена. Можетъ быть оно еще долго оставалось бы такимъ, если бы 9 е Января 1905 г. не открыло глаза рабочимъ. По иниціативѣ Гапона вся масса петроградскихъ рабочихъ рѣшила идти къ Царю съ петиціей, въ которой они высказывали свои нужды и желанія. Но подъ давленіемъ царедворцевъ и министровъ царь отказался принять и выслушать рабочихъ и четыре потока рабочихъ, направлявшихся къ Зимнему дворцу, были встрѣчены ружейными залпами и пулеметнымъ огнемъ. Царь скрылся въ Царское Село, а усмиреніе рабочихъ взялъ на себя одинъ изъ великихъ князей.

Движеніе было подавлено, но не убито, какъ мы это видѣли въ концѣ 1905 г. и какъ это видимъ теперь. Гапону, какъ организатору этого выступленія рабочихъ, пришлось бѣжать за границу, гдѣ въ Англіи онъ и продалъ свои воспоминанія журналу „Страндъ Магазинъ" откуда и былъ сдѣланъ этотъ переводъ.

Послѣ 17-го Октября 1905 г., когда была объявлена амнистія всѣмъ политическимъ, Гапонъ вернулся въ Россію. Характеръ его дѣятельности по возвращеніи въ Россію подалъ поводъ предполагать, что онъ вошелъ въ сношеніе съ Витте, отъ котораго онъ получилъ значительную сумму на возстановленіе закрытыхъ отдѣловъ рабочаго Союза.

28-го Марта 1906 г. тотъ самый инженеръ Рутенбергъ, который спасъ Гапона 9-го Января и далъ ему возможность бѣжать заграницу, пригласилъ Гапона, подъ предлогомъ секретныхъ переговоровъ, въ пустую дачу въ Озеркахъ. Тамъ Рутенбергъ заставилъ Гапона признаться въ полученіи имъ денегъ отъ Витте и тамъ же онъ былъ найденъ повѣшеннымъ. Въ организаціи Гапона принималъ участіе Азефъ.

По цензурнымъ условіямъ переводъ этотъ, хотя и былъ набранъ въ типографіи, но не могъ появиться въ печати въ 1906 году полностью и въ газетахъ печатались только незначительные отрывки изъ воспоминаній Гапона.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Аллегорія.

Я видѣлъ сонъ: свора свирѣпыхъ собакъ различныхъ породъ и размѣровъ безпощадно терзала неподвижное тѣло великана, лежавшее въ грязи, въ то время какъ псарь стоялъ и наблюдалъ за ними, натравливалъ ихъ. Собаки впивались зубами въ тѣло великана, его нищенская одежда была уже разорвана въ клочки; съ каждой минутой собаки все тѣснѣе обступали его, онѣ уже почти лизали его кровь. Стая вороновъ кружилась надъ нимъ, спускаясь все ниже и ниже, въ ожиданіи добычи. Вдругъ свершилось чудо: каждая капля крови, сочившейся изъ тѣла великана, превращалась въ орловъ и соколовъ, взвивавшихся въ высь, чтобы защитить великана и крикомъ своимъ побудить его собраться съ послѣдними силами и отразить враговъ.

Долго лежалъ великанъ въ оцѣпенѣніи, но наконецъ застоналъ, пріоткрылъ въ полуснѣ глаза и сталъ прислушиваться, еще не сознавая ясно, что происходитъ съ нимъ, но недовольный тѣмъ, что крикъ птицъ мѣшалъ ему спать и звалъ его на смертный бой съ собаками и воронами, на бой безпощадный, но далеко не равный... Великанъ не понималъ даже, кто его друзья и кто враги.

Наконецъ онъ очнулся, расправилъ свои члены, всталъ во весь свой богатырскій ростъ и съ пустыми руками, въ лохмотьяхъ всталъ передъ собаками и псаремъ. Тогда псарь свистнулъ и появилось новое лицо—хорошо вооруженный и вымуштрованный солдатъ и по командѣ выстрѣлилъ въ широкую, беззащитную фигуру великана, затѣмъ, по второй командѣ, онъ бросился на него. Великанъ, серьезно раненый, зашатался, но схватилъ оружіе и отбросилъ его. Затѣмъ взоръ великана затуманился, и грудь его задрожала. Подавленный горемъ, онъ закрылъ лицо

рукамии стоялъ, какъ олицетвореніе страданія: въ солдатѣ онъ узналъ своего сына, плоть отъ его плоти, кровь отъ его крови, обманутаго, обмороченнаго и вовлеченнаго въ отцеубійство.

Молчаніе длилось недолго, великанъ вспомнилъ, что у него есть другой сынъ-скромный, но честный землеробъ, тотъ не оскорбитъ отца. Но гдѣ же онъ? почему онъ не пришелъ защитить своего отца? Великанъ, оглядываясь, искалъ его и увидѣлъ въ отдаленіи своего сына-дюжаго, добродушнаго парня, прекраснаго въ своей простотѣ, но прикованнаго къ своему плугу, грязнаго и оборваннаго, какъ и его отецъ, темнаго и голоднаго и, какъ рабъ, работающаго на господина; онъ не поможетъ ему—во всякомъ случаѣ не въ настоящую минуту. Снова задрожала грудь великана, и жгучія слезы, подобно алмазамъ, потекли по его широкому, скорбному лицу. Я взглянулъ въ лицо и на фигуру великана; тѣло его говорило о его громадной силѣ и одновременно о его безпомощности, красота его была скрыта подъ слоемъ грязи, въ членахъ его, созданныхъ для великихъ дѣлъ, не было нервовъ, убитыхъ вѣчнымъ гнетомъ и презрѣніемъ. Я взглянулъ на струйку крови у его ногъ и на голодную свору, стоявшую вокругъ съ оскаленными, острыми зубами, взглянулъ и на трусливаго псаря, и увидѣвъ все это, сердце мое облилось кровью. Въ великанѣ я узналъ мою дорогую родину и ея народъ. И чувство нестерпимой муки, подобно змѣѣ, стало закрадываться въ мою душу, обвило ее, сжало стальными кольцами; я не могъ больше выносить этой муки и проснулся.

Увы, мнѣ не стало легче, мой сонъ не былъ кошмаромъ, онъ былъ реальной дѣйствительностью. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ моя родина, эта страна съ ея громадными рѣками, непроходимыми дремучими лѣсами, зелеными степями, весною прекрасными, какъ улыбка младенца, и столь же необъятными, какъ душа моего народа съ ея неисчерпаемыми богатствами, развѣ ее вѣками не расхищала кучка жадныхъ, отъ мала до велика, чиновниковъ? Развѣ мой народъ, изъ котораго вышли Толстой, Достоевскій, Верещагинъ, Антокольскій, столько ученыхъ, философовъ-идеалистовъ, которые всю жизнь отдали служенію человѣчеству и идеѣ, развѣ его не обманывали, не угнетали жестокіе, корыстные правители? Развѣ нашъ народъ, имѣющій такой богатый языкъ и такой великодушный, націо-

нальный характеръ, не былъ лишенъ свѣта просвѣщенія нашимъ темнымъ и алчнымъ духовенствомъ, подобно тому, какъ стая воронъ заслоняетъ свѣтъ солнца? Развѣ сыны народа не были натравлены на тысячи мужчинъ и женщинъ и дѣтей, которые, въ своей наивной вѣрѣ въ доброту Царя, пришли къ нему съ просьбой о помощи.

Да, все это была правда, сама дѣйствительность, но въ картинѣ была и другая сторона: Петербургская стачка и событія въ Январѣ были молніей, озарившей темноту русской жизни. Долгія страданія Россіи не прошли для нея даромъ—они собрали запасы электричества въ нравственной атмосферѣ націи, такъ что, когда произошла стачка, достаточно было одной искры, чтобы зажечь весь этотъ горючій матеріалъ. Какъ послѣ грозы дождь поитъ землю, такъ и страшныя событія, о которыхъ я буду говорить, имѣли свои благодѣтельныя послѣдствія. Была пролита кровь, и эта кровь, подобно теплому дождю, упала на замерзшую почву русской жизни. Провидѣніе избрало меня орудіемъ въ развитіи этихъ событій. Но, чтобы быть этимъ орудіемъ, необходимы были свѣдѣнія и опытность, и какимъ образомъ я ихъ пріобрѣлъ, лучше всего будетъ объяснить, разсказавъ мою жизнь. Я только одинъ изъ многихъ, и другой, какъ и я, могъ явиться въ данный моментъ и при данныхъ обстоятельствахъ, но такъ какъ это былъ я, а ни кто другой, то понятно, что люди хотятъ свѣдѣній отъ меня, вотъ почему я и рѣшилъ разсказать о моей жизни.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Начну съ характеристики моихъ родителей, которымъ я столь многимъ обязанъ. Отецъ и мать мои, были простые крестьяне изъ села Бѣляки, Полтавской губерніи, отцу приблизительно 70 лѣтъ, а матери около 60-ти.

Все свое образованіе отецъ мой получилъ отъ пономаря, познанія котораго были весьма ограничены, но это не мѣшало отцу моему имѣть массу свѣдѣній обо всемъ, что касалось крестьянской жизни, и простой и опредѣленный взглядъ на вещи. Это человѣкъ исключительной и педантичной честности, необыкновенно ровнаго характера,

добрый и привѣтливый ко всякому и неспособный убить даже мухи. Его уважаетъ и любитъ вся округа и никогда не называетъ по имени только, а прибавляетъ и отчество— Аполлонъ Григорьевичъ. Тридцать пять лѣтъ подъ-рядъ его выбирали волостнымъ писаремъ... Мѣсто это доходное, но отецъ мой никогда не бралъ взятокъ ни деньгами, ни натурой и, окончивъ службу, оказался бѣднѣе, чѣмъ былъ раньше. Вопреки крестьянскому обыкновенію, отецъ никогда не билъ дѣтей. Изъ его разговоровъ я узналъ о всѣхъ несправедливостяхъ, сдѣланныхъ властью по отношенію крестьянъ, узналъ о томъ, какъ каждый вершокъ Украйны, теперь отданный Правительствомъ разнымъ тунеядцамъ, былъ политъ кровью казаковъ, сражавшихся за свободу и народное благо, и служившихъ оплотомъ западному христіанству противъ турокъ и татаръ съ востока. Какъ-то случилось, что, когда мы всѣ сидѣли на призбѣ, и проѣзжалъ богатый помѣщикъ, отецъ смѣясь указалъ мнѣ на него и сказалъ: „смотри, какъ онъ гордо глядитъ, а вѣдь его коляска и все, что онъ имѣетъ, досталось ему нашимъ трудомъ“. Менѣе снисходительный, чѣмъ отецъ, я бросилъ камень вслѣдъ проѣзжающей коляскѣ. Отъ отца я узналъ, какъ унизительно положеніе крестьянъ въ земствѣ Въ дѣйствительности они не имѣютъ голоса въ земскихъ дѣлахъ, т. к. при всякомъ непріятномъ заявленіи съ ихъ стороны, *немедля* находятъ предлогъ засадить ихъ въ холодную. Помню, что, когда мнѣ было 12 или 13 лѣтъ, я пошелъ однажды въ волость повидать отца. Онъ сидѣлъ въ волостномъ садикѣ со старшиной и его ближайшими помощниками. Выбирали гласныхъ отъ 10-ти тысячнаго населенія и разговаривали о томъ, какъ было въ прежнія времена и какъ теперь. „Въ прежнія времена, говорилъ одинъ изъ нихъ, власть чиновниковъ была такъ велика, что, чтобы доказать, что они могутъ дѣлать съ выборными отъ крестьянъ все, что они хотятъ, они заставляли старшинъ становиться передъ всей деревней на четвереньки и лаять по собачьи“. Въ то время, какъ разсказывавшій это выражалъ удовольствіе, что эти времена прошли, послышался звукъ колокольчика, и старшину и его собесѣдниковъ охватилъ страхъ при мысли, что это ѣдетъ чиновникъ, который ихъ всѣхъ арестуетъ. Старшина направился въ волостную избу, а его собесѣдники пошли за нимъ, крадучись за кустами. Наивно я спросилъ отца, почему же онъ не уходитъ, и

на мой вопросъ онъ отвѣтилъ добродушной улыбкой. Въ другой разъ помню, я узналъ отъ отца, что одного изъ крестьянъ нашей деревни будутъ сѣчь. Наказаніе это считалось такимъ унизительнымъ, что бывали случаи, когда наказуемый предпочиталъ кончить самоубійствомъ. Для меня, котораго даже дома никогда не сѣкли, вѣсть эта была особенно ужасна, и хотя отецъ и успокаивалъ меня, что выборныхъ не сѣкутъ, но я не могъ спать отъ мысли, что и отца моего могутъ когда-нибудь высѣчь.

Несмотря на разницу въ возрастѣ, отецъ относился ко мнѣ, какъ къ другу, никогда не былъ суровъ и даже не проявлялъ снисходительности старшаго къ младшему. Вотъ одна изъ причинъ, почему несмотря на долгіе годы труда и горя, я чту мои воспоминанія о немъ. Что съ нимъ теперь, я не знаю. Можетъ быть полиція его схватила, или онъ какимъ-либо другимъ образомъ пострадалъ, благодаря мнѣ. Когда я думаю о немъ, я вижу его среди лѣсовъ и полей моей родины, вижу состарившимся, съ потухшими глазами, и вспоминаю его надежды, что я, какъ старшій сынъ, буду ему опорой, и что я закрою ему глаза; я не стыжусь признаться, что меня охватываетъ невыразимое волненіе. Таково было на меня вліяніе отца; что касается моей матери, то ей я обязанъ больше всего моими религіозными взглядами. Сама она была безграмотна, но отецъ ея умѣлъ читать и, какъ человѣкъ чрезвычайно религіозный, большую часть времени проводилъ за чтеніемъ Житія Святыхъ. Дѣдъ часто разсказывалъ мнѣ о прочитанномъ, и это оказывало такое вліяніе на мое воображеніе, что будучи только 7-ми или 8-ми лѣтнимъ мальчикомъ, я часами простаивалъ передъ иконами и, обливаясь слезами, молился о своихъ воображаемыхъ грѣхахъ. Нѣкоторые же разсказы дѣда производили совсѣмъ другое впечатлѣніе. Помню, какъ меня поразилъ случай изъ жизни св. Іоанна, епископа Новгородскаго, когда онъ усердно молился, а злой духъ, всѣми способами стараясь смутить его, прыгнулъ въ чанъ съ водою, стоявшій въ кельѣ, а святой мужъ поспѣшилъ перекрестить чанъ и тѣмъ закабалилъ чорта. Чортъ взмолился, чтобы его выпустили и обѣщалъ сдѣлать все, что пожелаетъ св. Іоаннъ. Епископъ пожелалъ быть немедленно перенесеннымъ въ Іерусалимъ, и въ ту-же ночь они съѣздили туда и обратно, и святой освободилъ чорта. Разсказъ этотъ произвелъ на меня большое впечатлѣніе, я заплакалъ, но въ то же

время желалъ, чтобы и мнѣ представился такой же случай поймать чорта. Духъ религіи, несмотря на фантастичность тѣхъ формъ, въ которыхъ онъ мнѣ являлся, имѣлъ на меня сильное и хорошее вліяніе. Жизнь святыхъ и анахорстовъ производила на меня глубокое впечатлѣніе, и я мечталъ о томъ днѣ, когда и моя жизнь станетъ такою же. Мать моя усердно поддерживала это во мнѣ; потому что вѣрила, что ея собственное освобожденіе отъ мученій ада зависитъ отъ того, спасетъ ли она насъ. Какъ бы я ни былъ голоденъ, придя домой никогда бы я не рѣшился взять что-нибудь безъ спросу, хотя бы даже никого не было въ комнатѣ, но въ углу висѣлъ образъ Спасителя, глаза котораго, казалось, всюду слѣдили за мной. Ни за что на свѣтѣ, не взялъ бы я въ пятницу молока въ ротъ изъ боязни, что у меня выростетъ рогъ на лбу. Моя мать была строгая женщина, и, какъ бы холодна ни была погода, какъ бы скудна ни была наша одежда, мы должны были ходить въ церковь и пѣть на клиросѣ, хотя бы зубъ на зубъ не попадалъ отъ холода. Но наступило время, когда я возсталъ противъ деспотизма моей матери. Однажды, когда рѣка вышла изъ береговъ, я нарочно бросился въ воду, чтобы не идти въ церковь. Несомнѣнно, что религіозность моей матери была искренняя, но это не мѣшало ей во время семейной молитвы замѣчать все, что происходитъ вокругъ, и если въ это время свинья заходила въ огородъ, она бросала молитву и бѣжала за ней. Иногда ей хотѣлось послушать Житіе Святыхъ, и т. к. я одинъ умѣлъ читать, то и долженъ былъ долгіе часы проводить за этой драгоцѣнной и святой книгой. Однажды я забылъ, что была пятница, и меня поймали, какъ я поѣдалъ хлѣбъ съ молокомъ. Послѣ того, какъ мать наказала меня, въ моемъ дѣтскомъ мозгу невольно зародилась мысль о противорѣчіи между формой и содержаніемъ религіи. Несомнѣнно, что пѣвчіе пѣли громко и хорошо, несомнѣнно также, что это было необходимо для спасенія души, а всетаки это не мѣшало имъ въ промежуткахъ болтать и шалить. Неужели же дѣйствительно Богу было угодно, чтобы меня высѣкли? Мать моя была истинно добрая женщина. Будучи сама только бѣдной крестьянкой, она часто помогала другимъ, еще болѣе бѣднымъ, а въ нашей округѣ было много такихъ, у которыхъ не только не было земли, но которые въ отношеніи крова и пищи всецѣло зависѣли

отъ щедротъ своихъ сосѣдей. Мать помогала имъ больше, чѣмъ позволяло наше скудное хозяйство. Мать казалась мнѣ добрымъ созданіемъ, запутавшимся какъ птица въ тенетахъ религіознаго формализма.

Эти два противоположныя вліянія на меня отца и матери смягчались и получали поэтическую окраску отъ окружающей природы, заслужившей Украйнѣ названіе Русской Италіи. Въ долгіе осенніе вечера, когда насъ дѣтей посылали спать, и мы укладывались кучей на полу подъ самодѣльнымъ войлочнымъ одѣяломъ, женщины садились за пряжу, причемъ пѣли пѣсни, или разсказывали былины. Мать моя знала много народныхъ пѣсенъ и хорошо пѣла ихъ. Подолгу вслушивался я въ ихъ печальный, но чудный напѣвъ и въ простыя слова, описывающія или горе дѣвушки, оставленной любовникомъ казакомъ, ушедшимъ на войну, или историческіе подвиги какого-нибудь народнаго героя прежнихъ временъ, или, наконецъ, преданіе объ одномъ изъ моихъ предковъ Гапонѣ-Быдакѣ.

Деревня Бѣляки раскинулась по обоимъ берегамъ Ворсклы и извѣстна какъ районъ многихъ сраженій съ татарами въ тѣ далекія времена, когда стремленіе Россіи на югъ и на востокъ только что начиналось. Холмы вокругъ деревни покрыты лѣсомъ изъ тополей, дубовъ и другихъ деревьевъ. Наслушавшись разсказовъ о казацкихъ подвигахъ, я воображалъ себѣ, что и теперь лѣсъ полонъ казацкихъ дружинъ. Темно-синій сводъ украинскаго неба, осыпанный звѣздами, способствовалъ развитію моихъ фантазій.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Возвращаясь къ прозѣ моей будничной жизни, я снова вижу себя мальчикомъ босоногимъ, простоволосымъ, помогающимъ, или вѣрнѣе вынужденнымъ помогать трудящейся семьѣ, въ качествѣ пастуха нѣсколькихъ овецъ или свиней, а иногда даже цѣлаго стада телятъ. Въ особенности я любилъ своихъ гусей, не только потому, что интересно было наблюдать, какъ маленькіе, желтенькіе комочки превращались въ бѣлыхъ птицъ, но главное по-

тому, что я выдрессировалъ гусака, который могъ побить любого деревенскаго гусака.

Съ семи лѣтъ я сталъ посѣщать начальную школу и дѣлалъ такіе успѣхи, что священникъ сказалъ моимъ родителямъ, что я долженъ продолжать ученіе. Но какъ и зачѣмъ? Къ какой карьерѣ мнѣ готовиться? Два обстоятельства рѣшили этотъ вопросъ. Первое—это поговорка: „Попъ—золотой снопъ", второе—то, что если я сдѣлаюсь священникомъ, то не только попаду на небо, но и всѣмъ своимъ помогу попасть туда. И такъ рѣшено было отправить меня въ Полтавское Духовное училище. Мнѣ предстояло 4 года ученія, но т. к. я сдалъ хорошо вступительный экзаменъ, то мнѣ разрѣшили поступить прямо во 2-ой классъ Въ крестьянской одеждѣ и съ мужицкими манерами, я вначалѣ чувствовалъ себя тамъ чужакомъ, такъ какъ всѣ ученики были сыновьями священниковъ, дьяконовъ, и смотрѣли на меня свысока, какъ на неравнаго. Свою силу они выказывали обычнымъ мальчишескимъ способомъ, но я былъ еще слишкомъ застѣнчивъ, чтобы отвѣчать имъ тѣмъ же. Когда я сталъ дѣлать быстрые успѣхи, враждебность ихъ стала выказываться еще яснѣе. Но когда мнѣ представился случай отплатить имъ ихъ же монетой, то отношенія установились сносныя, хотя первые годы я все же былъ почти одинокимъ.

Когда мнѣ было 15 лѣтъ и я былъ въ послѣднемъ классѣ училища, одинъ изъ учителей—Трегубовъ далъ мнѣ прочесть нѣкоторыя сочиненія Толстого, которыя оказали громадное вліяніе на мое мышленіе. Въ первый разъ мнѣ стало ясно, что суть религіи не въ внѣшнихъ формахъ, а въ духѣ. не въ обрядностяхъ, а въ любви къ ближнему. Я пользовался каждымъ случаемъ, чтобы высказывать эти новыя для меня идеи, въ особенности у себя въ деревнѣ во время праздничныхъ вакацій.

Боюсь, что моя умственная незрѣлость высказывалась и въ менѣе серьезныхъ вещахъ, чѣмъ богословскія пренія. Нашъ школьный дворъ былъ отдѣленъ отъ архіерейскаго сада высокимъ заборомъ, мы, школьники, продѣлывали въ немъ отверстіе и опустошали садъ въ тѣ часы, когда весь домъ спалъ. Иногда насъ ловили садовники, и тогда мы силой прокладывали себѣ дорогу, стараясь быть неузнанными. Объ этомъ періодѣ моей юности я вспоминаю со стыдомъ. Вскорѣ я сталъ лицомъ къ лицу съ серьезными явленіями жизни. Смерть моей младшей сестры раз-

граничила мое дѣтство отъ зрѣлаго возраста. Мнѣ было 16 лѣтъ, а ей только 11. Эту малютку, съ ея золотистыми волосами, я очень любилъ, и охотно часами игралъ съ нею въ полѣ.

Когда я поступилъ въ семинарію, то и тамъ, подъ вліяніемъ одного Толстовца—Фейермана, я продолжалъ открыто порицать окружающее меня лицемѣріе, пока одинъ изъ священниковъ и одинъ изъ наставниковъ не донесли на меня семинарскому начальству, что я развращаю товарищей, насаждая сѣмена ереси. Въ результатѣ послѣдовала угроза лишить меня правительственной стипендіи, на что я отвѣтилъ, что и самъ не желаю ее получать. Чтобы содержать себя, я сталъ давать уроки въ богатыхъ сосѣднихъ домахъ и у мѣстнаго духовенства. Иногда мнѣ приходилось жить лѣтомъ въ домахъ моихъ учениковъ, и это дало мнѣ случай познакомиться съ внутренней стороной жизни русскаго духовенства. Я видѣлъ священниковъ, приносящихъ Святые Дары въ нетрезвомъ видѣ, и это, какъ и еще многое другое, убѣдило меня, что среди нихъ много фарисеевъ. Они не только не поступались своими удобствами ради блага народнаго, но часто уподоблялись пьявкамъ для своихъ прихожанъ. Кругомъ была нищета, болѣзни, гнетъ: на 20 верстъ въ округѣ былъ всего одинъ врачъ, а въ нашемъ селѣ былъ только фельдшеръ. Съ другой стороны я все яснѣе видѣлъ противорѣчіе между Евангельскимъ ученіемъ и обрядностями и догматами Церкви. По мѣрѣ того, какъ я вникалъ въ эти мысли, все большее и большее отвращеніе овладѣвало мною. Цѣлый годъ переживалъ я эту душевную муку, пока не заболѣлъ тифомъ и воспаленіемъ мозга. Я болѣлъ долго, и когда отецъ пріѣхалъ навѣстить меня въ лазаретѣ, то сначала не узналъ меня.

По мѣрѣ того, какъ возстановлялось мое здоровье, во мнѣ все болѣе зрѣло убѣжденіе, что я не могу быть священникомъ. Въ виду этого, я сталъ менѣе посѣщать лекціи въ семинаріи и все свое свободное время посвящалъ босякамъ и больнымъ въ окрестностяхъ и помогалъ имъ, какъ могъ, и говорилъ съ ними объ ихъ жизни. Семинарское начальство, хотя повидимому и не препятствовало моему образу жизни, но готовило мнѣ наказаніе. Когда, по окончаніи семинаріи, возникъ вопросъ о моемъ поступленіи въ Духовную Академію, я сказалъ, что предпочитаю поступить въ Университетъ, но когда я получилъ

свой аттестатъ, то увидѣлъ, что поведеніе мое аттестовано такъ дурно, что о поступленіи въ Университетъ нечего было и думать. Этимъ способомъ въ Россіи клеймятъ „козлищъ“, чтобы въ зародышѣ погасить тѣ независимые умы, которые впослѣдствіи создаютъ такъ называемые „университетскіе безпорядки“ и сѣятъ смуту. Для меня это было равносильно гибели всей моей карьеры и всего, что привлекало меня въ жизни. Этотъ ударъ ошеломилъ меня, и когда я обсудилъ все, что произошло—въ мозгу моемъ зародилась мысль о мщеніи, но къ счастью въ городъ пріѣхалъ мой отецъ, и его доброе лицо, тѣ страданія, что онъ вынесъ, смягчили мое сердце. Нѣкоторое время я жилъ уроками и занятіями статистикой въ земствѣ; занятія эти еще больше подтвердили мои свѣдѣнія о бѣднотѣ крестьянъ. Теперь я увидѣлъ ее въ цифрахъ и данныхъ, собранныхъ съ большихъ площадей, чѣмъ доступно частнымъ наблюденіямъ, и это еще болѣе укрѣпило во мнѣ желаніе посвятить свою жизнь служенію рабочему классу и первымъ дѣломъ-крестьянамъ. Мнѣ казалось, что будь у меня свидѣтельство, открывающее мнѣ двери въ Университетъ или если бы можно было сдать экзаменъ, минуя справку о моемъ пребываніи въ семинаріи, я поступилъ бы на медицинскій факультетъ, окончивъ который я вернулся бы къ крестьянамъ докторомъ, чтобы врачевать ихъ души и тѣла. Мой умственный кругозоръ значительно расширился подъ вліяніемъ всего, что я слышалъ и читалъ о революціонерахъ. Изъ запрещенной литературы, впервые попавшей мнѣ въ руки, а также изъ разсказовъ о тѣхъ ужасахъ, которые творятся въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ, я узналъ, что давно уже въ Россіи есть люди независимаго ума, которые всѣ свои способности, все благосостояніе и даже жизнь, отдавали на служеніе народу. Несмотря на скудость свѣдѣній объ этомъ просвѣщенномъ и самоотверженномъ меньшинствѣ, я уже уважалъ его.

Пока я лелѣялъ свои мечты, случились обстоятельства, измѣнившія всѣ мои планы и все мое будущее. Дочь одного изъ состоятельныхъ полтавцевъ, въ домѣ котораго я давалъ уроки, была дружна съ одной хохлушкой, дочерью мѣстнаго купца. Она окончила гимназію, была очень умна отъ природы, красива, мила, хорошо воспитана. Я сразу обратилъ на нее вниманіе, и постепенно мы сходились все ближе и ближе на почвѣ взаимныхъ за-

нятій и желанія служить народу. Она кое-что знала и о революціонныхъ идеалахъ, но это не мѣшало ей быть религіозной. Я часто разговаривалъ съ нею, и когда она узнала о моихъ планахъ на будущее, она высказала свое мнѣніе, что положеніе священника далеко лучше положенія доктора для осуществленія тѣхъ цѣлей, которыя были мнѣ такъ дороги. „Докторъ, говорила она, лечитъ тѣло, а священникъ, если онъ достойно носитъ это званіе, укрѣпляетъ душу, а въ послѣднемъ люди нуждаются гораздо больше, чѣмъ въ первомъ". Когда я возразилъ ей, что мои принципы противорѣчатъ ученію православной церкви, она отвѣтила, что этого мало, т. к. главное дѣло—это быть вѣрнымъ не православной церкви, а Христу, который есть идеалъ служенія человѣчеству, что касается догматовъ и обрядностей, то они и останутся только догматами и обрядностью. Это убѣдило меня, и я рѣшилъ сдѣлаться священникомъ, и она рѣшилась выйти за меня замужъ, но осуществить этотъ бракъ было далеко нелегко. Однажды я попросилъ позволенія у ея родителей придти къ нимъ, но мать ея высказала такое недоброжелательство ко мнѣ, что просила меня больше вовсе не бывать. Моя невѣста сказала тогда своимъ родителямъ, что лучше бы они дали свое согласіе, т. к. она не примирится съ ихъ отказомъ. Я же тѣмъ временемъ подошелъ къ епископу Илларіону, разсказалъ ему сердечную тайну, свое намѣреніе сдѣлаться священникомъ и желаніе получить приходъ, если возможно, у себя на родинѣ. Архіерей, всегда относившійся ко мнѣ доброжелательно и на этотъ разъ былъ весьма добръ. Онъ призвалъ къ себѣ мать моей невѣсты и сказалъ ей, что она неправа препятствуя этому браку, сказалъ, что знаетъ меня и будетъ покровительствовать мнѣ, когда я буду священникомъ. Это рѣшило дѣло, мы женились, и годъ спустя, я былъ рукоположенъ въ священники, пробывъ предварительно дьячкомъ, а затѣмъ одинъ день дьякономъ. Архіерей сказалъ, что ему нужны такіе люди, какъ я, и не захотѣлъ отпустить меня въ деревню. Итакъ я остался въ Полтавѣ священникомъ кладбищенской церкви и все это время моего священничества я былъ чрезвычайно счастливъ, не только потому, что въ женѣ своей я нашелъ вѣрнаго друга и сотрудника, но и потому, что мнѣ нравилось мое положеніе духовнаго наставника. Мнѣ казалось, что всѣ эти угнетенные судьбою бѣдняки, не находящіе ни въ

чемъ отрады, найдутъ себѣ утѣшеніе въ моихъ проповѣдяхъ и въ моей искренней вѣрѣ. Во время принесенія св. Даровъ на литургіи, когда меня охватывало сознаніе истиннаго значенія жертвы, принесенной Христомъ, мной овладѣвалъ священный восторгъ, но при этомъ неизбѣжно била меня по нервамъ церковная рутина. Этотъ звонъ денегъ при покупкѣ свѣчей и сборъ съ тарелками, разстраивалъ меня, да и дьяконъ мой былъ истиннымъ бичемъ для меня. Бывшій фельдшеръ, онъ принялъ духовное званіе только изъ алчности, т. к. самъ не вѣрилъ даже въ безсмертіе души. Чрезвычайно большого роста и глупаго вида, съ хриплымъ голосомъ, грязными сапогами и одѣяніемъ, доходившимъ только до колѣнъ, онъ былъ прямо неприличенъ. На прихожанъ онъ смотрѣлъ только какъ на доходную статью, и въ концѣ-концовъ, алчность его стала такъ откровенна и нагла, что я, хотя и не имѣлъ на это права, но запретилъ ему всякое участіе въ богослуженіи.

Я проповѣдывалъ откровенно, что не обрядности и не приношенія, а добрая жизнь и любовь къ ближнему существенны для человѣка. Мало по малу народъ сталъ ко мнѣ собираться, и, хотя кладбищенская церковь и не имѣла прихода, но молящихся приходило столько, что церковь не могла всѣхъ вмѣстить. Архіерей продолжалъ относиться ко мнѣ доброжелательно, но зато второй священникъ сталъ завидовать мнѣ. Я не обращалъ на это никакого вниманія и хлопоталъ образовать кружокъ доброхотныхъ жертвователей для оказанія помощи бѣднымъ. Это въ свою очередь породило зависть окрестныхъ священниковъ, распустившихъ слухъ, что я отбиваю отъ нихъ прихожанъ. Свою жизнь и поступки я старался согласовать съ тѣмъ, что я говорилъ въ своихъ проповѣдяхъ, на свое призваніе я смотрѣлъ не какъ на способъ наживаться, и довольствовался тѣмъ, что мнѣ давали, и этого одного, не говоря о другихъ причинахъ, было достаточно, чтобы привлечь ко мнѣ народъ. По мѣрѣ того, какъ росла моя репутація, росла и зависть сосѣдняго духовенства. Ихъ жалобы побудили духовную Консисторію оштрафовать меня за то, что, не имѣя прихода, я исполнялъ требы за тѣхъ, кто ихъ имѣлъ. Но я все-таки продолжалъ это дѣлать. Что же тутъ было дурного? Однажды ко мнѣ пришелъ старикъ и просилъ меня отслужить панихиду по его умершей женѣ. Будучи уже разъ оштрафованъ за это,

я сталъ осторожнѣе и спросилъ старика, къ какому онъ принадлежитъ приходу, и почему онъ не обращается къ своему священнику. Онъ отвѣтилъ, что священникъ потребовалъ съ него за это 7 р., а онъ не можетъ ихъ заплатить. На мой вопросъ, почему такъ много, онъ объяснилъ, что за похороны жены онъ заплатилъ только 3 руб., священникъ остался этимъ недоволенъ и теперь требуетъ заплатить ему за оба раза. Кромѣ того старикъ сказалъ, что онъ слышалъ мои проповѣди и его болѣе влечетъ ко мнѣ, чѣмъ къ своему приходскому священнику, и, упавъ на колѣни, онъ просилъ меня пойти съ нимъ. Какъ же я могъ отказаться? Послѣ панихиды обыкновенно бываетъ поминальный обѣдъ, и когда я сѣлъ на концѣ стола и сталъ говорить собравшимся на разныя религіозныя и нравственныя темы, внезапно растворилась дверь и въ комнату ворвался приходскій священникъ, пьяный, растрепанный, небрежно одѣтый, и набросился на меня съ бранью и упреками, что я краду у него его хлѣбъ. Присутствующіе были такъ возмущены, что только благодаря моему вмѣшательству, дѣло не окончилось для него плохо. И снова я былъ оштрафованъ. Женатъ я былъ 4 года, а священникомъ былъ два года. У насъ было двое дѣтей—дѣвочка и мальчикъ. Послѣ рожденія мальчика, жена моя серьезно заболѣла. Она не хотѣла умирать. Какъ женщина религіозная, вѣрящая въ милосердіе и всемогущество Бога, она молилась о сохраненіи ей жизни, не желая разстаться съ дорогими ей существами. Но жизнь ея все гаела и гасла, и она умерла на моихъ рукахъ. И прежде и теперь я вѣрю въ безсмертіе души, но со смертью моей жены и сопровождавшаго эту страшную потерю, періода угнетенности, я пережилъ нѣчто, что пополнило мои прежнія вѣрованія. Такъ, напримѣръ, за мѣсяцъ до своей кончины, жена моя видѣла, или ей казалось, что она видѣла сонъ, какъ ее хоронятъ. Проснувшись, она немедленно разсказала мнѣ все подробно, кто что говорилъ, кто служилъ, какъ я себя велъ и буквально все сбылось. Затѣмъ однажды, заработавшись до часу ночи, я прилегъ и думаю, что не спалъ. Вдругъ я вижу, что моя покойная жена входитъ въ комнату, наклоняется ко мнѣ, какъ бы намѣреваясь поцѣловать меня. Я вскочилъ, сбросилъ одѣяло и въ это время увидѣлъ въ концѣ коридора тѣнь. Я бросился туда и засталъ, что горитъ занавѣска въ сосѣдней комнатѣ. Очевидно вслѣдствіе не-

2586

брежности прислуги, лопнула лампадка передъ образами и зажгла занавѣску. Стояло лѣто, домъ былъ деревянный, и если бы я не пришелъ во-время, случилось бы большое несчастіе. Затѣмъ я видѣлъ сонъ, что меня преслѣдуетъ и хватаетъ кто-то, и этотъ кто-то, какъ я чувствовалъ, была моя судьба. Съ тѣхъ поръ я повѣрилъ въ предопредѣленіе и нѣкоторую связь между живыми и умершими.

Послѣ смерти моей жены мнѣ казалось, что все свѣтлое отлетѣло изъ моей священнической жизни. Несомнѣнно, что близость могилы моей жены, которую я постоянно посѣщалъ, дѣйствовала на меня подавляюще. Я былъ такъ удрученъ, что сталъ опасаться за свои мозги. Мнѣ представлялся случай перемѣнить мѣсто и, можетъ быть, начать новую жизнь, но я рѣшилъ сдѣлать попытку поступить въ Духовную Академію въ Петербургѣ. Я сообщилъ о своемъ намѣреніи Архіерею и тотъ одобрилъ меня и сдѣлалъ все, что могъ, чтобы помочь мнѣ. Затрудненіе заключалось въ томъ, что поступающіе должны имѣть отличный аттестатъ о поведеніи въ семинаріи. Снова всплыло клеймо, наложенное на меня семинарскимъ начальствомъ, но Архіерей написалъ черезъ Побѣдоносцева письмо въ Комитетъ Святѣйшаго Синода, прося, чтобы меня допустили къ экзамену, безъ представленія аттестата о поведеніи изъ семинаріи, причемъ прибавилъ, что два года знакомства съ моей дѣятельностью убѣдили его, что я заслуживаю ихъ милостиваго вниманія.

Мнѣ оставалось только два мѣсяца подготовиться къ экзаменамъ, и затѣмъ я поѣхалъ въ Петербургъ.

О томъ, какъ я видѣлся съ Побѣдоносцевымъ и его помощникомъ Саблеромъ, о томъ, какъ я поступилъ въ Академію, мечтая попасть въ самое святилище науки и что изъ этого вышло, я разскажу въ слѣдующихъ главахъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Я поѣхалъ въ Петербургъ, чтобы поступить въ Академію, но по дорогѣ туда, я заѣхалъ въ Сергія-Троицкую лавру, знаменитый монастырь, куда ежегодно стекаются сотни тысячъ богомольцевъ со всѣхъ концовъ Россіи, и гдѣ покоятся мощи основателя монастыря преподобнаго Сергія

Радонежскаго. Я это сдѣлалъ по просьбѣ епископа Илларіона, который желалъ, чтобы я поклонился мощамъ Святого Сергія. Въ то время я уже не вѣрилъ въ нетлѣнность тѣлъ святыхъ мужей, но тѣмъ не менѣе я чувствовалъ благоговѣйное побужденіе преклонить колѣна передъ святымъ, жизнь котораго представлялась мнѣ идеаломъ, къ которому я стремился всѣмъ сердцемъ. Преподобный Сергій жилъ всегда согласно тому, какъ онъ проповѣдывалъ. Онъ не былъ изъ числа тѣхъ святыхъ, которые удаляются въ пустыни и боятся соприкосновенія съ грѣховнымъ міромъ. Онъ проповѣдывалъ любовь къ ближнему, и самъ любилъ его и, отдавая ближнему все, что имѣлъ, самъ жилъ очень скудно. Онъ проповѣдывалъ прощеніе, самъ прощалъ. Несмотря на свою святость, онъ былъ большой патріотъ и за это я еще больше любилъ его. Когда Дмитрій Донской шелъ на битву съ татарами, чтобы освободить страну отъ татарскаго ига, онъ благословилъ его и далъ ему въ помощь двухъ иноковъ, которые оказались храбрѣйшими воинами того времени.

Когда я подъѣзжалъ къ монастырю, торжественно звонилъ колоколъ, величайшій въ Россіи, наполняя воздухъ и потрясая, какъ мнѣ казалось, даже землю божественнымъ призывомъ. Я вошелъ въ церковь съ чувствомъ любви и благоговѣнія къ мѣсту покоя святого Сергія — этого проповѣдника любви и смиренія. Я спѣшилъ къ ракѣ преклониться передъ нею, какъ вдругъ въ церковь вошелъ московскій митрополитъ Владимиръ въ сопровожденіи цѣлой свиты архимандритовъ и монаховъ низшихъ ранговъ. Самъ онъ выглядѣлъ просто, но видъ жирныхъ и упитанныхъ монаховъ и духовныхъ лицъ, непріятно поразилъ меня. Митрополитъ служилъ всенощную, т. к. на другой день праздновалась память святого Сергія. Духовенство и монахи съ буквальной точностью подражали митрополиту: одновременно съ нимъ крестились и кланялись, причемъ я замѣтилъ, что, когда они не крестились и не кланялись, то обмѣнивались замѣчаніями и шутками и вели себя не такъ, какъ подобаетъ въ такомъ святомъ мѣстѣ. Церковная служба очевидно не имѣла для нихъ значенія. Ихъ лицемѣріе въ домѣ проповѣдника правды святого Сергія наполняло меня негодованіемъ, и я ушелъ, не дождавшись конца всенощной и не преклонивъ колѣнъ передъ мощами, т. к. считалъ богохульствомъ сдѣлать это на глазахъ этихъ фарисеевъ.

Когда я вернулся въ свою комнату, меня ожидала телеграмма, извѣщавшая, что мою просьбу о поступленіи въ Академію, учебный комитетъ святѣйшаго синода будетъ разсматривать черезъ два дня, такъ что я долженъ былъ выѣхать не медля.

Видъ столицы очень поразилъ меня. Я ожидалъ увидѣть большой мрачный городъ, окутанный дымомъ и туманомъ, населенный блѣдными, худыми, нервными, благодаря ихъ нездоровой и неестественной жизни, людьми. Но стоялъ іюль; день выдался свѣтлый, солнечный, городъ показался мнѣ въ самомъ лучшемъ видѣ, всюду слышался веселый шумъ и кипѣла оживленная дѣятельность. Народъ, который я встрѣчалъ, вовсе не казался мнѣ угнетеннымъ, мрачнымъ, напротивъ того, онъ былъ энергичнѣе, здоровѣе, чѣмъ обитатели мирной и поэтичной Полтавы. Зато дома показались мнѣ однообразной архитектуры и походили на большія казармы. И дѣйствительно, среди построекъ много казармъ, т. к. городъ переполненъ военными и полиціей.

Въ моей судьбѣ принималъ участіе не одинъ епископъ Илларіонъ, но еще и одна дама, очень богатая полтавская помѣщица, которая предложила мнѣ остановиться въ ея изящномъ домѣ на Адмиралтейской набережной и написала обо мнѣ Саблеру, могущественному помощнику оберъ-прокурора. Саблеръ не медля принялъ меня, очевидно въ виду переданнаго ему мною рекомендательнаго письма. Это былъ высокій, сѣдой мужчина, съ умильной улыбкой и милостивыми манерами. Онъ выказалъ мнѣ особое расположеніе, пригласилъ меня завтракать и обѣщалъ похлопотать о моемъ поступленіи въ Академію.

„Вы должны побывать у отца Смирнова, предсѣдателя учебнаго Комитета, сказалъ онъ, разскажите ему вашу исторію и потомъ идите къ Побѣдоносцеву, который слышалъ о васъ отъ вашего архіерея".

Отъ Саблера я пошелъ въ синодъ, видѣлся съ отцомъ Смирновымъ, толстымъ, болтливымъ, чваннымъ священникомъ, оттолкнувшимъ меня своимъ высокомѣріемъ. Онъ благословилъ меня, хотя, не состоя въ высшемъ рангѣ духовенства, онъ не имѣлъ права благословлять священника. „Право, не знаю, можете ли вы поступить въ Академію, сказалъ онъ, мой другъ, профессоръ Щегловъ, говорилъ мнѣ о томъ, какъ вы спорили съ нимъ о Естествѣ Христа. Вы заражены новыми идеями, а нашей Церкви такіе

люди не нужны. Долженъ признаться, что мое сердце скорбитъ при мысли о вашемъ поступленіи въ Академію...“

Этотъ разговоръ меня обезкуражилъ, и я рѣшилъ немедленно повидать Побѣдоносцева. Я поѣхалъ въ Царское село, гдѣ въ это время жилъ Побѣдоносцевъ въ царскомъ дворцѣ. Со мною вмѣстѣ въ вагонѣ ѣхалъ одинъ очень почтеннаго вида господинъ, съ которымъ я познакомился. Какъ оказалось, это былъ чиновникъ при Побѣдоносцевѣ, который, узнавъ, что я изъ Полтавы, отнесся ко мнѣ особенно внимательно. Онъ былъ какъ-то съ Побѣдоносцевымъ въ Полтавѣ и съ удовольствіемъ вспоминалъ о кухнѣ епископа Илларіона. Онъ разсказалъ мнѣ, что Побѣдоносцевъ часто бываетъ въ дворцовой церкви и гуляетъ въ дворцовомъ саду съ молитвенникомъ въ рукахъ, шепча молитвы, и при этомъ сказалъ, что едва ли мнѣ удастся сегодня увидѣть Побѣдоносцева, т. к. онъ не принимаетъ духовенства въ своей лѣтней резиденціи и сегодня обѣдаетъ у царя, по случаю пріѣзда болгарскаго князя (Бориса). Тѣмъ не менѣе мой спутникъ обѣщалъ мнѣ попытаться устроить мое свиданіе съ Побѣдоносцевымъ, который въ общемъ относится очень сурово къ духовенству, но, можетъ быть, сдѣлаетъ исключеніе для меня, какъ рекомендованнаго преосвященнымъ Илларіономъ, къ которому онъ особенно расположенъ. Когда мы пріѣхали въ Царское Село, чиновникъ сдержалъ свое обѣщаніе, и меня допустили въ пріемную Побѣдоносцева. Здѣсь я долженъ былъ ожидать человѣка, который имѣлъ власть разбить всѣ мои надежды, уничтожить всѣ мои планы. При этомъ я невольно задумался о печальной судьбѣ русской Церкви, всецѣло зависѣвшей отъ одного человѣка, человѣка свѣтскаго и правительственнаго чиновника. Русская Церковь не автономна. Святѣйшій Синодъ, управляемый Оберъ-Прокуроромъ, состоитъ изъ епископовъ, которые, принадлежа къ черному духовенству, неизбѣжно далеки отъ знакомства съ народною жизнью и ея нуждами. Каждый епископъ полновластный хозяинъ въ своей епархіи. Онъ назначаетъ священниковъ, никѣмъ не обязанный сообразоваться съ нравственными и умственными качествами кандидатовъ. Если ему угодно, онъ можетъ возвести въ санъ священника кого захочетъ, онъ можетъ уволить и наказать любого священника своей епархіи, не оставляя ему права обжаловать это рѣшеніе. Если же священникъ рискнетъ пожа-

ловаться на епископа Синоду, тотъ немедля препроводитъ жалобу епископу на его личное усмотрѣніе. Священники же—полные хозяева церковныхъ дѣлъ и имуществъ въ своихъ приходахъ, т. к. прихожане не имѣютъ голоса. Въ силу этого Церковь лишена жизненности и превращена въ религіозно-бюрократическій департаментъ, подъ управленіемъ Побѣдоносцева.

„Что вамъ угодно?“ внезапно раздался сзади меня голосъ.

Я оглянулся и увидѣлъ великаго инквизитора, подкравшагося ко мнѣ черезъ потайную дверь, замаскированную занавѣскою. Онъ былъ средняго роста, тощій, слегка сгорбленный и одѣтъ въ черный сюртукъ.

„Я пришелъ къ Вашему Превосходительству, просить разрѣшенія держать конкурсный экзаменъ въ Академію“, сказалъ я.

Побѣдоносцевъ пытливо посмотрѣлъ на меня.

„Кто вашъ отецъ? Вы женаты? Есть у васъ дѣти?“ Вопросы сыпались на меня, причемъ голосъ его звучалъ рѣзко и сухо.

Я отвѣтилъ, что у меня двое дѣтей.

„А, воскликнулъ онъ, мнѣ это не нравится, какой изъ васъ будетъ монахъ, когда у васъ дѣти. Несчастный, я ничего не могу для васъ сдѣлать“, сказалъ онъ и быстро отошелъ отъ меня. Его манера говорить, мысль, что всѣ мои надежды рушатся, вызвали во мнѣ негодованіе и протестъ. „Но, Ваше Превосходительство, крикнулъ я, вы должны меня выслушать, это для меня вопросъ жизни. Единственное, что мнѣ теперь остается—это затеряться въ наукѣ, чтобы научиться помогать народу. Я не могу примириться съ отказомъ“. Очевидно, въ моемъ голосѣ было что-то, что остановило его. Онъ повернулся ко мнѣ, съ удивленіемъ слушая меня, и, пристально глядя мнѣ въ глаза, вдругъ сдѣлался милостивъ ко мнѣ.

„Да, епископъ Илларіонъ говорилъ мнѣ о васъ, хорошо, идите къ отцу Смирнову на домъ, онъ живетъ теперь въ Царскомъ Селѣ, и скажите ему отъ меня, что онъ долженъ прислать благопріятный докладъ въ Святѣйшій Синодъ“. Затѣмъ онъ исчезъ.

На другой день я снова видѣлъ отца Смирнова и на этотъ разъ онъ рѣшительно обѣщалъ мнѣ прислать благопріятный докладъ въ Св. Синодъ. Я принялся готовиться къ экзаменамъ, т. к. оставался всего одинъ мѣсяцъ для

занятій. Я работалъ по 18 часовъ въ сутки, но и то мнѣ удалось прочесть только по одному разу то, что я долженъ былъ знать. Наканунѣ экзамена мои нервы совсѣмъ разстроились, руки дрожали до того, что я не могъ держать пера. Когда я захотѣлъ провѣрить, знаю ли я предметы, то къ ужасу своему увидѣлъ, что не знаю ни одного слова. Въ отчаяніи я легъ на постель и заснулъ. Снова мнѣ явилась моя жена и поцѣловала меня, и отчаяніе мое прошло. Вставъ на другое утро, утѣшенный и спокойный, я пошелъ на экзаменъ, который и выдержалъ блестяще, и получилъ лучшую стипендію, которая предоставляется наиболѣе успѣшнымъ и старательнымъ студентамъ.

Такимъ образомъ я сталъ студентомъ Петербургской Духовной Академіи и поселился въ зданіи Академіи. Здѣсь, думалъ я, я найду отвѣтъ на столь мучившій меня вопросъ о смыслѣ жизни. Я думалъ, что въ этомъ святилищѣ науки, тѣмъ или другимъ путемъ я пріобрѣту то, что поможетъ мнѣ служить правдѣ и народу. Но надежды мои совсѣмъ не оправдались. Вскорѣ я убѣдился, что подавляющее большинство студентовъ столь же мало интересуются религіозными и нравственными истинами, какъ и преподававшіе имъ профессора. Ученье было только формальное и схоластическое. Не духъ, а буква священнаго писанія изучалась. Только профессоръ Исторіи Церкви Болотовъ составлялъ исключеніе. Это былъ серьезный и очень умный человѣкъ, остальные вовсе не соотвѣтствовали своему назначенію. Такъ напримѣръ, профессоръ, читавшій о божественности Христа, молодой человѣкъ, приходилъ на лекціи съ краснымъ лицомъ и опухшими глазами. Студенты, знавшіе его, говорили, что онъ проводитъ ночи въ пьянствѣ и безобразіяхъ, и послѣ этого онъ могъ приходить и говорить о Святомъ Семействѣ съ такой фамильярностью, какъ будто онъ былъ въ близкомъ родствѣ съ Нимъ. Какъ могло не возмущать меня все это?

Однажды петербургскій архіерей Веньяминъ, слышавшій обо мнѣ отъ преосвященнаго Илларіона, пригласилъ меня принять участіе въ Миссіи для рабочихъ классовъ, центръ которой былъ въ церкви на Боровской улицѣ. Фабричные рабочіе, мужчины, женщины и дѣвушки должны были собираться въ этой церкви, и миссіонеры должны были говорить съ ними для того, чтобы поднять ихъ

нравственность. Первое собраніе этой миссіи, на которомъ я присутствовалъ, произвело на меня глубокое впечатлѣніе. Я увидѣлъ толпу блѣдныхъ, угрюмыхъ мужчинъ и женщинъ, плохо одѣтыхъ, съ печатью безконечнаго страданія на лицахъ, но въ глазахъ ихъ я прочелъ страстное желаніе услышать правду. Миссіонеръ говорилъ имъ о заповѣдяхъ и о страшномъ судѣ. Я чувствовалъ, что подобная рѣчь не могла удовлетворить слушателей, имъ нужна была поддержка, они нуждались въ прощеніи и христіанской любви. Когда пришла моя очередь говорить, я постарался убѣдить ихъ, что они и сами въ силахъ улучшить свою жизнь, но я сознавалъ, что не сказалъ имъ всего, что думаю, что я не указалъ имъ пути къ дѣйствительному улучшенію ихъ судьбы. Я чувствовалъ, что миссія не сочувствуетъ моимъ взглядамъ, и что я не могу ничего сдѣлать народу, который призванъ наставлять. Въ отчаяніи, я оставилъ миссіонерство. Я сталъ мечтать о мирной жизни въ одномъ изъ монастырей, гдѣ бы на лонѣ природы я могъ молиться, не смущаемый житейскими грѣхами. Мое настроеніе и мое здоровье пошатнулись, и серьезно обезпокоенные друзья мои сдѣлали подписку, къ которой присоединилась и Академія, чтобы отправить меня куда-нибудь, гдѣ бы я могъ совершенно поправиться. Я поѣхалъ въ Крымъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Ложные пастыри.

Пріѣхавъ въ Крымъ и остановившись въ предмѣстьѣ Ялты, Чукурларъ, я занялся возстановленіемъ своего здоровья. Чукурларъ расположенъ у подножія скалы, и я большую часть времени проводилъ, любуясь чуднымъ моремъ и наслаждаясь солнцемъ и живительнымъ воздухомъ. Мои частыя посѣщенія Ялты препятствовали моему выздоровленію. Ялта — модное мѣсто, посѣщаемое богатыми людьми, которые пріѣзжаютъ сюда не для того, чтобы лечиться, а для того, чтобы бросать деньги и наслаждаться. Съ отвращеніемъ смотрѣлъ я на безсмысленное и безнравственное швыряніе денегъ, денегъ заработанныхъ трудомъ бѣдныхъ крестьянъ, нужду которыхъ я такъ хорошо зналъ. Рядомъ съ роскошными домами,

въ которыхъ царили богатство и величіе, въ городѣ были тысячи несчастныхъ существъ, голодныхъ, холодныхъ и безпріютныхъ. И дѣйствительно, городъ поражаетъ человѣка впечатлительнаго контрастомъ между роскошными дворцами центра и ужасными лачугами предмѣстьевъ. Какъ въ городѣ, такъ и его окрестностяхъ, находятся дворцы и имѣнія царя, и видъ этой вопіющей бѣдности у самаго порога дворцовъ и на границахъ имѣній наполнялъ невыразимой горечью мое сердце и отравлялъ мнѣ наслажденіе природой, которая такъ хороша здѣсь.

Счастливая случайность столкнула меня съ отцомъ Николаемъ, епископомъ Таврическимъ. Въ его епархіи его не любили за его гордость и высокомѣріе, но ко мнѣ онъ былъ очень добръ, и когда узналъ, что я студентъ Академіи, сталъ относиться еще дружелюбнѣй и предложилъ мнѣ жить въ Георгіевскомъ монастырѣ. Я съ радостью принялъ предложеніе.

Монастырь этотъ съ его чудными окрестностями расположенъ на высокихъ горахъ, господствующихъ надъ Чернымъ моремъ. Свѣжій воздухъ и видъ громаднаго водного пространства укрѣпили мое здоровье. Я любилъ смотрѣть на море, и мнѣ казалось, что оно дышетъ какъ живое. Спокойствіе, силы и вѣра въ свои планы стали возвращаться ко мнѣ, и на мое намѣреніе поступить въ монастырь я сталъ смотрѣть иначе, чѣмъ смотрѣлъ, когда былъ боленъ и удрученъ.

Вскорѣ я увидѣлъ, что мѣстныя, природныя богатства остаются неиспользованными, и монахи, избѣгая настоящей работы, все время проводятъ въ прислуживаніи пріѣзжающимъ въ монастырь и останавливающимся въ гостинницѣ которая была всегда полна праздной и богатой публики, среди которой было много и молодыхъ женщинъ, и отношенія между монахами и ими не всегда были подобающія. Большинство монаховъ жило праздно и весело на счетъ доходовъ съ гостинницы, а около 2-хъ тысячъ десятинъ великолѣпныхъ виноградниковъ, принадлежащихъ монастырю и могущихъ давать по 200 руб. съ десятины, оставались въ то же время заброшенными. Это противорѣчіе между благочестивыми словами и неблагочестивымъ поведеніемъ убило во мнѣ мало-по-малу охоту къ монашеской жизни.

Во время моего пребыванія въ монастырѣ я встрѣчался со многими интересными личностями, изъ которыхъ

тремъ я обязанъ своимъ рѣшеніемъ вернуться въ міръ. Наиболѣе извѣстный изъ трехъ—это великій художникъ Василій Верещагинъ. Онъ жилъ около насъ, ближе къ морю, въ маленькомъ домикѣ, съ двоими дѣтьми, которыхъ онъ нѣжно любилъ. Это былъ суровый и даже рѣзкій человѣкъ, съ твердой волей, но великодушный. Его умные глаза смотрѣли изъ-подъ густыхъ бровей, и все его строгое, окаймленное бородой лицо, говорило о сильномъ характерѣ. Въ своемъ искусствѣ онъ видѣлъ миссію, и этотъ взглядъ отражался во всѣхъ его произведеніяхъ. Помню, какъ однажды, когда онъ работалъ при свѣтѣ заходящаго солнца, его старый школьный товарищъ, адмиралъ С. пришелъ повидаться съ нимъ. Верещагинъ работалъ и не хотѣлъ никого видѣть. Адмиралъ просилъ позволенія сказать ему пару словъ, но художникъ остался твердъ, и адмиралу осталось только уйти. „Конечно, сказалъ мнѣ потомъ Верещагинъ, мнѣ пріятно было бы поговорить со старымъ знакомымъ, но работа прежде всего. Я не могу по желанію чувствовать вдохновеніе и находить подходящее освѣщеніе, и потому не могу пренебрегать ими“. Онъ былъ человѣкъ добрый, несмотря на рѣзкость его рѣчи. Его живость и доброта были заразительны. Мы часто гуляли по горамъ и на взморьѣ, и я помню многое изъ его разговоровъ. Я всегда уважаю человѣка, который откровенно высказываетъ свои убѣжденія, не оглядываясь на послѣдствія. „Я ясно вижу, что и вы пережили какую-то драму, и хочу вамъ сказать, что я объ этомъ думаю. Сбросьте рясу Не надо ея. Въ свѣтѣ такъ много работы, требующей затраты всей нашей энергіи“, говорилъ Верещагинъ. Онъ былъ реалистъ въ искусствѣ. Онъ считалъ только то произведеніемъ искусства, что вполнѣ вѣрно отражало правду. Задача художника въ томъ, чтобы въ природѣ и жизни находить подходящіе сюжеты, въ которые онъ могъ воплотить свои идеи. Онъ осуждалъ знаменитаго художника Иванова за его картину „Явленіе Христа“, въ которой онъ изобразилъ Христа, возвращающимся изъ пустыни съ суровымъ лицомъ, въ растрепанной одеждѣ и съ гладко причесанными волосами. „Какъ могъ кто-нибудь, говорилъ Верещагинъ, возвращаться изъ пустыни съ гладко причесанными волосами?“

Я прожилъ почти годъ въ Крыму, бывалъ иногда въ Балаклавѣ и въ сосѣднихъ монастыряхъ, которые всѣ про-

изводили то же тяжелое впечатлѣніе: всюду заброшенныя богатства и праздная, и даже непорядочная жизнь. Съ каждымъ днемъ я все болѣе убѣждался, что всѣ эти тысячи монастырей только питомники порока и разсадники народнаго суевѣрія. А какую бы пользу могли они принести народу! Лучшія мѣста въ Крыму, а также и въ другихъ мѣстахъ Россіи, принадлежатъ монастырямъ и не только не приносятъ пользы, но даже дѣлаютъ зло народу. Придетъ время, когда все это измѣнится.

Здоровье мое совсѣмъ поправилось, и я съ новыми силами и надеждами вернулся въ Петербургъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Я рѣшилъ продолжать свои занятія въ Духовной Академіи съ тѣмъ, чтобы, получивъ тамъ ученую степень, поступить на такое мѣсто, которое позволило бы мнѣ всецѣло посвятить себя пропагандѣ среди рабочаго класса столицы. Занятіямъ въ Академіи я рѣшилъ отдавать ровно столько времени, сколько необходимо, чтобы выдержать экзамены, а остальное время посвящать сближенію съ рабочими.

Услышавъ о моемъ пріѣздѣ, Саблеръ (помощникъ Побѣдоносцева), пригласилъ меня участвовать въ братской миссіи той церкви, въ которой онъ былъ старостой. Церковь эта называется Скорбящей Божьей Матери и находится въ Галерной Гавани. Галерная Гавань, расположенная въ низкой части города, часто подвергается наводненіямъ, причиняющимъ большія бѣдствія живущимъ тамъ бѣднякамъ. Въ этомъ же кварталѣ находятся и Балтійскія верфи, много заводовъ и мельницъ.

Здѣсь я проповѣдывалъ о долгѣ, о счастьи, и вскорѣ моя паства настолько увеличилась, что зданіе не могло вмѣстить ея. Часто собиралось болѣе 2-хъ тысячъ народу слушать меня. Я познакомился со многими рабочими, посѣщая ихъ на Балтійской верфи и вступая съ ними въ разговоры. Они вѣрили мнѣ, и даже признавались, что увлекаются политическими идеями. Въ то время я еще не думалъ о необходимости политическихъ реформъ и говорилъ рабочимъ, что трудовой организаціей они добьются

лучшихъ результатовъ для себя, чѣмъ столкновеніемъ съ правительствомъ. Я искренно сочувствовалъ ихъ тяжелому положенію. Однажды, когда я проходилъ по плавильному отдѣленію, одинъ изъ рабочихъ спросилъ меня: „развѣ въ аду хуже, чѣмъ здѣсь?“ и когда я въ отвѣтъ упомянулъ имя Бога, онъ крикнулъ: „здѣсь нѣтъ Бога, я тысячу разъ молилъ Его избавить меня отъ этого ада, въ которомъ мы мучаемся ради куска хлѣба, но Онъ не услышалъ моей молитвы“.

Когда я былъ на второмъ курсѣ Академіи, мнѣ предложили мѣсто исправляющаго должность главнаго священника во второмъ пріютѣ Синяго Креста. Пріютъ этотъ также находится въ рабочемъ кварталѣ. Одновременно меня пригласили проповѣдывать Священное Писаніе въ Ольгинскомъ домѣ для бѣдныхъ, состоящемъ подъ покровительствомъ императрицы.

Чтобы попадать на мѣсто моей службы, я долженъ былъ проходить громадное поле, называемое Гаваньская Площадь. Это большое открытое пространство могло бы быть использовано какъ мѣсто для дѣтскихъ игръ, а между тѣмъ оно является очагомъ заразы, служа свалочнымъ пунктомъ и мѣстомъ сборищъ босяковъ, жизнь и страданія которыхъ такъ хорошо описаны Максимомъ Горькимъ. Часто на своемъ пути я останавливалъ этихъ несчастныхъ, знакомился и разговаривалъ съ ними и помогалъ имъ чѣмъ могъ. Ихъ печальная судьба глубоко меня трогала. Задача, какъ помочь имъ, все болѣе и болѣе охватывала мои мысли. Чтобы добраться до корня вопроса, я сталъ посѣщать частные ночлежные дома, которые въ Петербургѣ, какъ и въ другихъ городахъ, служатъ дополненіемъ къ одинаково несущественнымъ городскимъ учрежденіямъ этого рода. Во многихъ ночлежныхъ домахъ санитарныя условія были ниже критики, а воздухъ такъ тяжелъ, что по простонародному выраженію въ немъ можно было топоръ повѣсить. Вначалѣ я переодѣвался, чтобы ночевать въ этихъ ночлежкахъ, но потомъ, когда хорошо познакомился съ ихъ посѣтителями, сталъ приходить по вечерамъ уже въ священнической рясѣ и, найдя себѣ помощника среди развитыхъ рабочихъ, правилъ тамъ небольшія богослуженія. Вскорѣ бѣдняки стали собираться ко мнѣ и разсказывать о своей жизни. Они нашли во мнѣ друга, я же нашелъ, что даже на этомъ „днѣ“, гдѣ все человѣческое было забито и искажено, сила искренняго

доброжелательства могла возродить даже тѣхъ, кто считался безвозвратно потеряннымъ. Среди отверженныхъ, съ которыми мнѣ приходилось сталкиваться, я встрѣчалъ, къ великому моему удивленію, лицъ дѣйствительно одаренныхъ, встрѣчалъ людей, занимавшихъ раньше высокое положеніе, офицеровъ, адвокатовъ и даже членовъ аристократическихъ семей. Мнѣ было ясно, что многіе изъ нихъ могли бы быть полезными членами общества, если бы попали въ лучшія условія и обрѣли въ себя вѣру.

Я написалъ обширный докладъ на тему о вознагражденіи этихъ несчастныхъ посредствомъ устройства цѣлаго ряда рабочихъ домовъ въ городахъ и рабочихъ колоній въ деревняхъ, въ основѣ которыхъ лежалъ бы принципъ труда, т. к. трудъ есть цѣль жизни, и каждый обязанъ трудиться.

Я познакомилъ генерала Клейгельса съ содержаніемъ моего доклада, дополнивъ его критикой существующихъ работныхъ домовъ, доказавъ ихъ полную несостоятельность, какъ средства развить волю человѣка и хотя сколько-нибудь обезпечить его жизнь. Копію съ доклада я послалъ генералу Максимовичу, завѣдывающему всѣми работными домами, состоящими подъ покровительствомъ императрицы. Повидимому, докладъ мой ему понравился, т. к. онъ отнесся сочувственно къ моимъ планамъ. Максимовичъ приказалъ напечатать мой докладъ и одинъ экземпляръ его отправилъ къ генералу Танѣеву, большому любимцу государя, начальнику собственной его величества канцеляріи, на положеніи министра, вице-президенту Комитета Работныхъ домовъ, президентомъ котораго состоитъ императрица. Танѣевъ сказалъ о моемъ докладѣ императрицѣ, которой, какъ мнѣ извѣстно, онъ также понравился, и она пожелала, чтобы онъ былъ обсужденъ въ комитетѣ въ ея присутствіи, причемъ предполагалось пригласить и меня для объясненій. Успѣхъ моего доклада такъ ободрилъ меня, что я хотѣлъ посвятить разработкѣ этого вопроса всю свою жизнь. Но радость моя была преждевременна. Проходилъ мѣсяцъ за мѣсяцемъ, и комитетъ не созывался. Генералъ Максимовичъ, который дѣлалъ видъ, что очень интересуется этимъ вопросомъ, утѣшалъ меня, говоря то, что императрица больна, то она уѣхала и т. д. Очевидно бюрократія рѣшила замолчать мой проектъ. Тѣмъ не менѣе слухъ о моемъ докладѣ распространился въ обществѣ, и нѣкото-

рые аристократы заинтересовались имъ, и попутно мною. Меня стали приглашать въ салоны титулованныхъ особъ, близкихъ къ придворнымъ сферамъ, гдѣ я вскорѣ совсѣмъ освоился. Въ это время я познакомился съ различными представителями придворной сферы. Чаще другихъ, я бывалъ у Хитрово, умной женщины, вдовы покойнаго гофмаршала Хитрово, бывшаго русскимъ посланникомъ въ Японіи. Тамъ я имѣлъ случай наблюдать жизнь высшаго общества и нашелъ ее далеко незавидной. Какъ въ разговорахъ своихъ, такъ и въ поступкахъ люди эти никогда не были искренни. Вся жизнь ихъ была искусственна, скучна и неустойчива. Ихъ интересъ къ благотворительности былъ порывистъ и поверхностенъ. Сначала я вѣрилъ ихъ добрымъ намѣреніямъ, и когда меня просили собрать свѣдѣнія о томъ или другомъ семействѣ, я, не щадя времени, а иногда и денегъ, исполнялъ эти порученія, тщательно изслѣдовалъ дѣло и докладывалъ о немъ. Вскорѣ я убѣдился, что усердіе мое было неумѣстно, все ограничивалось одними разспросами, ни настоящаго участія, ни желанія помочь бѣдѣ не было. Имъ нужно было только новое развлеченіе. Ту же самую искренность я замѣтилъ въ нихъ и по отношенію религіи. Они часто высказывали большой интересъ къ жизни Христа и просили меня разсказывать имъ о ней, но потомъ я убѣдился, что интересуетъ ихъ нѣчто совсѣмъ другое. Тѣмъ не менѣе, въ обществѣ этомъ была женщина, которую я глубоко уважалъ. Это была Елизавета Нарышкина, старшая гофмейстерина при императрицѣ, дама высшаго аристократическаго круга, весьма любимая царемъ и императорской фамиліей. Женщина добрая и умная, она была основательницей многочисленныхъ благотворительныхъ учрежденій, вполнѣ удовлетворявшихъ своему назначенію. Она часто приглашала меня къ себѣ, и мы подолгу разговаривали. Благодаря ей, я сталъ идеализировать императора Николая II. Она разсказывала мнѣ, что когда онъ былъ ребенкомъ, она носила его на рукахъ, и на ея глазахъ онъ выросъ; она увѣряла меня, что знаетъ его, какъ своихъ дѣтей, и отзывалась о немъ, какъ о дѣйствительно добромъ, честномъ человѣкѣ, но къ сожалѣнію совершенно безхарактерномъ и безвольномъ. Въ моемъ воображеніи создался образъ идеальнаго Царя, не имѣвшаго только случая показать себя, но отъ котораго только и можно было ожидать спасенія Россіи. Я думалъ, что,

когда наступитъ моментъ, онъ покажется въ настоящемъ своемъ свѣтѣ, выслушаетъ свой народъ и сдѣлаетъ его счастливымъ.

Въ то время я служилъ въ Ольгинскомъ пріютѣ и Синяго креста. Въ пріютѣ Синяго Креста я былъ избранъ завѣдующимъ. Когда объ этомъ было доложено моему Академическому начальству и Митрополиту Антонію, послѣдній былъ этимъ очень доволенъ. Какъ завѣдующему пріютомъ, мнѣ пришлось столкнуться съ предсѣдателемъ комитета всѣхъ пріютовъ, Аничковымъ, бывшимъ одновременно и гласнымъ городской думы. Онъ оказывалъ мнѣ большое, но своеобразное расположеніе: въ состояніи опьяненія, онъ открывалъ мнѣ свою душу и разсказывалъ о своихъ похожденіяхъ. Говорилъ о многихъ безчестныхъ продѣлкахъ, въ которыхъ онъ участвовалъ вмѣстѣ съ городской управой. Часто приглашая меня къ себѣ, онъ угощалъ меня всевозможными водками, которыя, по его словамъ, были украдены его дядей, завѣдывавшимъ хозяйственною частью въ Зимнемъ дворцѣ. Разсказывалъ много страннаго изъ области дворцоваго хозяйства. Количество дворцовой прислуги громадно, однихъ поваровъ около 70, и каждый изъ нихъ крадетъ сколько можетъ, и, вообще, воровство тамъ нѣчто обычное. Съ глубокимъ огорченіемъ слушалъ я эти разсказы и думалъ, какъ хорошо было бы, если-бы вмѣсто того, чтобы расточать такъ непроизводительно народныя деньги, царь подавалъ бы своему народу примѣръ умѣренной жизни. Считая Аничкова добродушнымъ и искреннимъ человѣкомъ, я откровенно говорилъ съ нимъ о томъ, какъ темна наша народная масса и какъ ее эксплоатируютъ. Но скоро я узналъ, что его кажущаяся дружба ко мнѣ была только ширмой для предательства, чтобы лучше погубить меня. Думаю, что главной причиной его коварства, было мое критическое отношеніе въ моемъ докладѣ, къ организаціи пріютовъ. Въ докладѣ своемъ я доказывалъ, что пріюты, находившіеся въ вѣдѣніи Аничкова, Витте и другихъ высокопоставленныхъ лицъ, содержались плохо и совсѣмъ не соотвѣтствовали своему назначенію. Чтобы дискредитировать меня, Аничковъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ распространять различныя сплетни изъ моей прошлой жизни, уснащая ихъ имъ же выдуманными подробностями. Единственно чего я могъ бояться—это была моя искренняя дружба съ бѣдными и отверженными. Рабочимъ все болѣе и болѣе нравилось

мое служеніе, и они тысячами наполняли церковь. Иногда я говорилъ имъ о тяжести ихъ положенія, о гнетѣ, который они терпятъ и весьма вѣроятно, что употреблялъ при этомъ неосторожныя выраженія. Сблизившись съ рабочими, я изучилъ условія ихъ жизни и находилъ, что дѣйствительно они очень тяжелы.

Въ Петербургѣ числится свыше 200 тыс. рабочихъ, большая часть которыхъ работаетъ въ ткацкихъ мастерскихъ и на механическихъ заводахъ, и сосредоточена въ рабочихъ кварталахъ города. Заработокъ ихъ равняется 14 руб. въ мѣсяцъ и больше, и только самые лучшіе рабочіе получаютъ до 35 руб. Мастера часто относятся къ нимъ грубо и несправедливо, вымогая взятки подъ угрозами разсчета, и оказываютъ предпочтеніе своимъ родственникамъ и друзьямъ. Въ случаяхъ недоразумѣній между мастерами и рабочими, фабричные инспектора становятся почти всегда на сторону хозяевъ, всѣми силами стараясь принудить рабочихъ къ уступкѣ. Даже фабричные доктора, оплачиваемые хозяевами, ихъ вѣрные слуги, и при несчастныхъ случаяхъ даютъ такія свидѣтельства, которыя лишаютъ потерпѣвшихъ рабочихъ права на вознагражденіе. Такое отношеніе къ рабочимъ со стороны хозяевъ, начальства и полиціи, которые дѣйствуютъ сообща, чтобы помѣшать имъ добиться справедливости, все болѣе и болѣе озлобляетъ рабочихъ. Тогда я понялъ, что если сплотить всю эту массу рабочихъ и научить ее, какъ отстаивать свои интересы, то какое громадное вліяніе это оказало бы на улучшеніе условій труда въ Россіи.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Когда я состоялъ священникомъ въ Ольгинскомъ пріютѣ и во второмъ Синемъ Крестѣ, неожиданная интрига едва не прекратила моей дѣятельности. Княгиня Лобанова-Ростовская предложила мнѣ быть священникомъ въ Красномъ Крестѣ. Я рѣшилъ оставить Ольгинскій пріютъ и принять предложеніе; Митрополитъ въ принципѣ одобрилъ мое рѣшеніе. Это было въ началѣ 4 го и послѣдняго года моего пребыванія въ Академіи. Попечительному совѣту пріюта это не понравилось; онъ опасался вліянія

этого перехода на многочисленную паству, собранную мною въ пріютѣ Ольги. Подстрекаемый Аничковымъ, попечительный совѣтъ послалъ докладъ объ этомъ епископу Инокентію, въ то время замѣщавшему митрополита Антонія, и въ результатѣ, я оказался уволеннымъ изъ Академіи и устраненнымъ отъ исполненія моихъ обязанностей.

Одновременно Аничковъ донесъ на меня, какъ на революціонера, въ охранное отдѣленіе, и ко мнѣ явился одинъ изъ высшихъ чиновъ этого отдѣленія—Михайловъ, чтобы допросить меня. Я разсказалъ ему все откровенно, и онъ отнесся ко мнѣ съ большимъ вниманіемъ и дружелюбіемъ, высказавъ при этомъ свое сочувствіе освободительному движенію. Вѣроятно, подъ вліяніемъ отчета Михайлова своему начальнику, митрополитъ Антоній, тѣмъ временемъ вступившій въ отправленіе своихъ обязанностей, принялъ меня и возстановилъ меня въ званіи священника и ученика Академіи, и я снова сталъ принимать у себя своихъ друзей рабочихъ, и разговаривать съ ними объ ихъ нуждахъ. Теперь я разскажу о томъ странномъ случаѣ, благодаря которому я впервые получилъ поддержку со стороны русской полиціи.

Однажды Михайловъ пріѣхалъ ко мнѣ въ Академію и сказалъ, что одно лицо желаетъ со мною познакомиться и просилъ меня не медля ѣхать къ нему. Я согласился и онъ привезъ меня къ зданію на Фонтанкѣ, на которомъ была краткая, но многозначительная надпись „Департаментъ Полиціи". Тамъ мы прошли черезъ рядъ большихъ комнатъ, наполненныхъ маленькими черными ящиками, въ которыхъ, какъ я узналъ впослѣдствіи, содержатся біографіи и фотографіи политически неблагонадежныхъ лицъ со всѣхъ частей Имперіи. Коллекція эта извѣстна въ Россіи подъ названіемъ „Книги судебъ".

„Вы сейчасъ увидите Зубатова, сказалъ мнѣ Михайловъ. Я въ то время ничего не зналъ о Департаментѣ Полиціи, ни о Зубатовѣ, этомъ всесильномъ начальникѣ политическаго отдѣленія. Мое любопытство было сильно возбуждено. Мы вошли въ великолѣпную пріемную комнату и я былъ представленъ Сергѣю Васильевичу Зубатову, мужчинѣ около 40 лѣтъ, крѣпко сложенному, съ каштановыми волосами, проницательными глазами и простыми манерами.

„Мой коллега Михайловъ", сказалъ Зубатовъ съ привѣтливымъ движеніемъ руки, хорошо отзывался о васъ.

Онъ говоритъ, что вы въ постоянномъ общенiи съ рабочими, имѣете свободный къ нимъ доступъ и оказываете на нихъ большое влiянiе. Вотъ почему я такъ радъ познакомиться съ вами. Я самъ ставлю единственною цѣлью своей жизни помощь рабочему классу. Вы, можетъ быть, слышали, что я сперва пробовалъ это сдѣлать при помощи сторонниковъ революцiи, но скоро убѣдился, что это былъ ложный путь. Тогда я самъ сталъ организовывать рабочихъ въ Москвѣ и думаю, что я успѣлъ. Тамъ у насъ организацiя твердая. Они имѣютъ свою библiотеку, чтенiе лекцiй и кассу взаимопомощи. Доказательствомъ того, что мнѣ удалась организацiя рабочихъ, служитъ то, что 50 тыс. рабочихъ возложили 19-го февраля вѣнокъ на пямятникъ Александру II. Я знаю, что и вы интересуетесь этимъ дѣломъ, и хотѣлъ бы работать вмѣстѣ съ вами". При этомъ онъ пригласилъ меня прiѣхать къ нему на слѣдующiй день.

Упоминанiе о вѣнкѣ меня непрiятно поразило, т. к. отъ самихъ рабочихъ я слыхалъ, что это была только комедiя вѣрноподданничества. Рабочiе понимали всю несостоятельность реформы освобожденiя. Тѣмъ не менѣе, интересуясь слышать, что дальше будетъ говорить Зубатовъ, я обѣщалъ ему прiѣхать.

„Между прочимъ, сказалъ Зубатовъ, я пришлю къ вамъ одного изъ нашихъ организаторовъ, рабочаго Соколова, отличный парень".

Отвозя меня обратно въ Академiю, Михайловъ спросилъ, какъ мнѣ нравится Зубатовъ. „Кто онъ, невинно спросилъ я: сыщикъ?" „Едва ли его можно такъ назвать, отвѣтилъ Михайловъ. Онъ сочувствуетъ революцiонному движенiю и часто помогаетъ деньгами революцiонерамъ. Какъ вы сами видѣли, онъ настоящiй государственный человѣкъ и спецiально занятъ улучшенiемъ быта рабочихъ, въ чемъ вы и сами убѣдитесь"...

Въ тотъ же вечеръ Соколовъ пришелъ ко мнѣ. Человѣкъ этотъ былъ въ рукахъ Зубатова и правительства сильнымъ орудiемъ въ дѣлѣ организацiи Союза Московскихъ рабочихъ подъ наблюденiемъ и управленiемъ тайной полицiи, и въ Петербургѣ онъ былъ виднымъ дѣятелемъ на томъ же поприщѣ. Я убѣжденъ, что, не смотря на свою связь съ тайной полицiей, онъ искренне вѣрилъ, что работаетъ въ пользу своихъ товарищей. Онъ казался мнѣ умнымъ и честнымъ малымъ. Разговаривая со мною, онъ

съ гордостью разсказывалъ о томъ образованіи, которое получаютъ примкнувшіе къ „Московскому Союзу рабочихъ“, какія лекціи имъ читаютъ ученые и профессора, и при этомъ вручилъ мнѣ листокъ Льва Тихомирова, литографированный на подобіе революціонныхъ прокламацій, въ которомъ тотъ хвалилъ рабочихъ за то, что они возложили вѣнокъ на память Александру II. Соколовъ съ восторгомъ говорилъ объ этомъ дорогомъ вѣнкѣ. Я возразилъ ему, что мнѣ кажется достойнымъ сожалѣнія организація Союза не для самозащиты, а для траты трудовыхъ денегъ на подобныя цѣли. „Да, сказалъ Соколовъ, но это понравится царю, а если онъ будетъ доволенъ нами, то исполнитъ наши просьбы“. Соколовъ говорилъ также объ организаціи Петербургскаго Союза, въ которой принимали участіе нѣкоторые профессора Духовной Академіи, и при этомъ сказалъ, что ближайшее собраніе состоится на-дняхъ, и что рабочіе были бы очень рады, если бы я совершилъ богослуженіе, обычное въ подобныхъ случаяхъ. Я обѣщалъ.

На другой день я поѣхалъ къ Зубатову на его квартиру въ Департаментъ полиціи. Онъ крайне любезно принялъ меня, и мы проговорили до 3-хъ часовъ. Онъ долго развивалъ свои взгляды на политическіе и соціальные вопросы и свое мнѣніе о способахъ улучшенія быта рабочихъ классовъ. „Наше счастіе въ томъ, сказалъ Зубатовъ, что у насъ самодержецъ, онъ выше всѣхъ классовъ и сословій и, будучи совершенно независимъ на этой высотѣ, онъ можетъ быть противовѣсомъ власти. До сихъ поръ царя окружали люди высшихъ классовъ, которые вліяли на него въ свою пользу. Намъ же надо организовать такъ, чтобы и народъ могъ влiять на царя и быть противовѣсомъ вліянію высшихъ классовъ, и тогда царствованіе его будетъ безпристрастно и благодѣтельно для націи“. Все это казалось правдоподобнымъ, но я не могъ не предложить ему вопроса: „зачѣмъ же тогда вы желаете сохраненія самодержавія? Не лучше ли и не безопаснѣе ли для царя будетъ, если онъ предоставитъ политическимъ партіямъ самимъ бороться между собою, какъ это дѣлается въ Англіи и Франціи? Мнѣ кажется, если ваша теорія вѣрна, то конституціонный режимъ былъ бы гораздо полезнѣе“. „О да“, отвѣтилъ Зубатовъ. „Къ этому я и стремлюсь. Я самъ конституціоналистъ, но видите ли, сразу этого сдѣлать нельзя, Левъ Тихомировъ, напримѣръ, стоитъ за

сохраненіе самодержавія и доказываетъ, что оно въ настоящее время выгоднѣе для нашего дѣла, чѣмъ конституціонный режимъ, и потому мы должны организовать рабочій классъ безъ участія интеллигенціи, которой такъ боится наше правительство. Когда мы это сдѣлаемъ, мы можемъ вступить на болѣе логическій путь". Говоря это, Зубатовъ вручилъ мнѣ памфлетъ, изданный Тихомировымъ въ то время, когда онъ отрекся отъ революціонной партіи и въ которомъ онъ старался объяснить: „Какъ онъ пересталъ быть революціонеромъ". Съ самаго начала я рѣшилъ быть осторожнымъ и, боясь, что можетъ быть, я былъ слишкомъ откровененъ, и что Зубатовъ арестуетъ меня, когда я выйду изъ его гостепріимнаго дома, я прибавилъ, что лично никакъ не могу назвать себя конституціоналистомъ, и что я разсуждалъ съ его точки зрѣнія и весьма заинтересованъ его мыслями". „А я конституціоналистъ", повторилъ Зубатовъ, но боюсь примѣшивать студентовъ и интеллигенцію къ рабочему движенію и охотно предпочту сотрудничество такого человѣка, какъ вы. Интеллигенція агитируетъ только въ пользу своихъ политическихъ цѣлей. Она нуждается въ рабочихъ только какъ въ орудіи для пріобрѣтенія политической силы себѣ, и мы должны бороться противъ такого эгоизма и обмана простого народа". Снова я не могъ не возразить: „но развѣ доктора не работаютъ самоотверженно среди народа, а интеллигенція, студенты и революціонеры развѣ не жертвовали своею жизнью ради своихъ идеаловъ?" „Да, сказалъ Зубатовъ, они жертвовали собою, но что-же изъ этого вышло? Они убили Александра II. Онъ былъ уже готовъ дать серьезныя реформы, но послѣ подобнаго факта, правительство вернулось къ прежнему и наступилъ періодъ реакціи. Революціонерамъ мы и обязаны, что организація рабочихъ была отложена надолго".

Я не сталъ болѣе возражать изъ боязни выдать свое сочувствіе къ героямъ революціи, о дѣятельности которыхъ я много слышалъ отъ моихъ рабочихъ. Въ концѣ разговора Зубатовъ спросилъ меня: „Ну, какъ же вы думаете? Хотите ли присоединиться къ намъ и помогать намъ?" „Я подумаю, отвѣтилъ я, сразу я не могу рѣшиться. Я поѣду въ Москву на рождественскіе праздники и тамъ на мѣстѣ познакомлюсь съ дѣятельностью рабочихъ союзовъ, и тогда рѣшу".

Еще одно обстоятельство изъ этого свиданія осталось

у меня въ памяти. Во время нашего разговора одинъ изъ чиновниковъ тайной полиціи вошелъ съ таинственнымъ видомъ въ комнату и вручилъ Зубатову маленькую папку, въ которыхъ обыкновенно пересылаются для безопасности бумаги по почтѣ, при этомъ онъ шепнулъ нѣсколько словъ на ухо Зубатову, который сталъ поспѣшно срывать оболочку и вытащилъ тонкій листъ бумаги; прочитавъ его, Зубатовъ остался видимо очень доволенъ. Затѣмъ онъ вытащилъ изъ свертка копію съ запрещеннаго изданія Соц.-Револ. партіи „Революціонная Россія". Лицо Зубатова положительно сіяло отъ восторга, и я понялъ, что очевидно онъ сдѣлалъ полезную находку. Я не могъ не сопоставить того благодушія, съ какимъ онъ говорилъ о народномъ дѣлѣ, съ той алчностью, съ какою онъ смотрѣлъ на участь тѣхъ несчастныхъ, которые посмѣли провезти въ Россію изданіе, несомнѣнно болѣе правдивое, чѣмъ тѣ, которыя проходятъ черезъ цензуру.

„Вотъ ядъ, который они распространяютъ въ народѣ", сказалъ Зубатовъ, ударяя рукой по бумагѣ, при этомъ онъ выдвинулъ ящикъ изъ стола и показалъ мнѣ кипу этого яда. Я взялъ первый попавшійся мнѣ номеръ, если не ошибаюсь, написанный Крапоткинымъ, и наивно спросилъ, не могу ли я взять его съ собой, чтобы просмотрѣть дома.

„Конечно, возьмите", сказалъ Зубатовъ, и я всю ночь съ увлеченіемъ знакомился съ Крапоткинымъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Я замѣняю Зубатова.

Спустя нѣсколько дней я поѣхалъ въ Москву, гдѣ сталъ собирать свѣдѣнія относительно дѣятельности Зубатова по рабочему вопросу. Вскорѣ мнѣ стало ясно, что все это было только умной ловушкой, устроенной полиціей съ цѣлью отдѣлить рабочихъ отъ интеллигенціи и тѣмъ убить политическое движеніе. Я вернулся въ Петербургъ уже болѣе опытнымъ и тотчасъ же написалъ докладъ Зубатову, въ которомъ доказывалъ, что его политика плохо обоснована и можетъ только деморализовать участниковъ рабочаго движенія, и что единственный путь, который можетъ дѣйствительно улучшить условія рабочаго класса, есть тотъ, который усвоенъ въ Англіи, т.-е.,

создать организацію совершенно независимыхъ и свободныхъ союзовъ. Докладъ этотъ я послалъ также Клейгельсу и митрополиту Антонію, причемъ въ послѣднемъ высказалъ свое мнѣніе, что участіе духовенства въ томъ движеніи только дискредитируетъ Церковь. Клейгельсъ и митрополитъ Антоній оба высказались противъ политики Зубатова; послѣдній, очевидно, узналъ объ этомъ, т. к. сталъ еще болѣе стараться заручиться моимъ сотрудничествомъ. Его агентъ Соколовъ часто приходилъ ко мнѣ, все стараясь убѣдить меня. Однажды Зубатовъ устроилъ свиданіе со мною въ домѣ одного изъ своихъ друзей, гдѣ я познакомился со многими лицами, игравшими видную роль въ политическомъ движеніи послѣднихъ двухъ лѣтъ. Марія Вильбушевичъ и докторъ Шаевичъ, очевидно, находившіеся подъ покровительствомъ Зубатова, были основателями такъ называемаго „Свободнаго Союза Русскихъ рабочихъ" на тѣхъ же основаніяхъ какъ и въ Москвѣ. Докторъ Шапиро былъ вожакомъ Сіонистскаго движенія. Зубатовъ несомнѣнно помогалъ имъ матеріально, и его политика была основана на принципѣ „раздѣли и царствуй", (Divide et impera). Очевидно, онъ хотѣлъ организовать еврейскихъ рабочихъ подъ знаменемъ сіонизма и тѣмъ отвлечь ихъ отъ революціонныхъ партій, тогда какъ рабочихъ христіанъ онъ вербовалъ якобы для борьбы за улучшеніе ихъ экономическихъ условій, но также съ цѣлью парализовать политическое движеніе. Все это доказывало умъ Зубатова, и я, вѣря, что организація рабочихъ была необходимымъ условіемъ для будущаго рабочихъ классовъ, не могъ не удивляться изобрѣтательности и мужеству, съ какимъ онъ велъ это дѣло. Но тутъ мнѣ впервые пришла мысль, возможно ли, сдѣлавъ видъ, что я примкнулъ къ Зубатовской организаціи, достигнуть собственной цѣли въ дѣлѣ организаціи рабочихъ/ но я очень боялся запятнать себя этимъ и потому, на вновь предложенный вопросъ о моемъ сотрудничествѣ, я снова отвѣтилъ, что долженъ подумать.

Наконецъ, организація Петербургскаго Союза рабочихъ была формально утверждена, и я присутствовалъ на собраніи при открытіи, но не въ ризѣ священника, т. к. я не могъ участвовать въ богослуженіи, которое меня просили совершить. Вскорѣ затѣмъ начались митинги и чтенія на Выборгской сторонѣ въ рабочемъ кварталѣ. Активнаго участія я въ нихъ не принималъ, но дважды

ходилъ туда, чтобы посмотрѣть, что тамъ дѣлается. На лекціяхъ фабриканты, и въ особенности правительство выставлялось въ лучшемъ свѣтѣ и прилагались всѣ усилія, чтобы убѣдить рабочихъ примириться съ современнымъ положеніемъ вещей. Я просилъ своихъ друзей рабочихъ изъ Галерной Гавани ходить на эти лекціи и сообщать мнѣ обо всемъ.

Наступила весна 1903 года и я сталъ усиленно заниматься къ экзаменамъ въ Академіи. Я работалъ много и усидчиво, чтобы написать богословскую диссертацію, что и выполнилъ успѣшно. Затѣмъ явился вопросъ, что же дальше. Ректоръ убѣждалъ меня, что я хорошо сдѣлалъ бы, еслибъ перешелъ въ черное духовенство, которое является сильнымъ и руководящимъ элементомъ во всемъ духовенствѣ и занимаетъ всѣ высшіе посты. На лѣто я нанялъ маленькую комнатку на Васильевскомъ островѣ за 9 рублей и ограничилъ свой ежедневный расходъ нѣсколькими копейками. Мнѣ очень хотѣлось совсѣмъ выйти изъ духовенства, но священническая ряса давала мнѣ свободный доступъ къ рабочимъ, и потому я рѣшилъ не дѣлать этого и сталъ хлопотать о приходѣ въ Петербургѣ. Одновременно въ моемъ мозгу зрѣла мысль оказать такое вліяніе на Рабочіе Союзы, устроенные Зубатовымъ, которое совершенно парализовало бы усилія тайной полиціи использовать ихъ какъ опору самодержавія и самому направить ихъ на другой путь. Если у меня до сихъ поръ и была малѣйшая вѣра въ искренность Зубатовскихъ намѣреній, то теперь она окончательно изсякла. Однажды онъ пригласилъ меня къ себѣ, и во время нашего разговора пришла телеграмма, въ которой сообщалось объ общей, только что состоявшейся стачкѣ на югѣ Россіи, организованной въ ея источникѣ агентомъ Зубатова Шаевичемъ. Добродушное лицо Зубатова при чтеніи телеграммы внезапно измѣнилось, зловѣщее пламя сверкнуло въ его глазахъ и онъ прошипѣлъ: „Убить ихъ всѣхъ, мерзавцевъ". Змѣя показала свое жало, подумалъ я. Мои друзья рабочіе сообщили мнѣ одновременно, что они слышали, что три лица, говорившія на митингѣ, были арестованы. Я все еще колебался воспользоваться Зубатовымъ для своихъ цѣлей. Однажды онъ призвалъ меня и снова спросилъ, буду ли я ему помогать. Въ частности онъ хотѣлъ, чтобы я написалъ докладъ министру финансовъ Витте о митингахъ Рабочаго Союза, чтобы повліять на

него серьезностью рабочаго движенія. „Докладъ, сказалъ Зубатовъ, долженъ быть написанъ такъ, какъ будто сами рабочіе его составляли. Витте можетъ быть намъ очень полезенъ, и вы должны доказать ему, что профессіональная организація рабочихъ классовъ будетъ согласно съ его общей политикой въ государствѣ“.

Я согласился написать такого рода бумагу, но не какъ членъ Союза, а какъ частный наблюдатель, оправдываясь краткостью даннаго мнѣ для этого времени. Въ теченіе долгаго разговора Зубатовъ совершенно выяснилъ свои намѣренія. Витте, какъ авторъ протекціонной системы и связанныхъ съ нею распоряженій, давшихъ громадный искусственный приростъ промышленности и торговли въ текущемъ году, былъ всецѣло на сторонѣ фабрикантовъ, и Зубатову необходимо было обезпечить себѣ его сочувствіе.

Когда нашъ разговоръ окончился, Зубатовъ досталъ изъ стола двѣсти рублей и съ дружественной улыбкой предложилъ мнѣ ихъ, какъ плату за докладъ. Я не смѣлъ отказаться отъ денегъ, чтобы не возбудить подозрѣнія, но сказалъ, что мнѣ слишкомъ много и взялъ только сто рублей.

Читатель, если онъ мирный и честный гражданинъ свободной страны, долженъ несомнѣнно удивляться, какъ могъ я, даже въ такихъ ничтожныхъ размѣрахъ пріобщиться къ такому сомнительному дѣлу, если я видѣлъ его въ его настоящемъ свѣтѣ. Но само существованіе подобной организаціи доказываетъ, насколько условія русской жизни не похожи на условія жизни западныхъ государствъ. Думаю, что ни въ одномъ цивилизованномъ государствѣ не было бы возможно представителямъ полиціи подъ покровительствомъ и при содѣйствіи министровъ замыслить и свободно создать организацію рабочаго движенія, включительно до большихъ стачекъ, только въ цѣляхъ устраненія настоящихъ руководителей рабочаго класса и сохраненія за собой контроля надъ этимъ движеніемъ. Мнѣ было ясно, что лучшія условія жизни наступятъ для рабочаго класса только тогда, когда они организуются. Мнѣ казалось, и мое предположеніе впослѣдствіи подтвердилось, что кто бы ни началъ эту организацію, въ концѣ-концовъ она станетъ самобытной, потому что наиболѣе передовые члены рабочаго класса несомнѣнно возьмутъ верхъ. Вотъ почему, послѣ долгихъ колебаній, я рѣшилъ, несмотря на испытываемое мною отвращеніе, принять уча-

стіе въ начальной организаціи и попытать, пользуясь Зубатовымъ, какъ орудіемъ, постепенно забрать контроль въ свои руки. Сдѣлавъ видъ, что я согласенъ помогать этимъ слугамъ самодержавія, я получу свободу сношенія съ рабочими и избавлюсь отъ необходимости постоянно прятаться отъ полицейскихъ сыщиковъ. Мнѣ было очевидно, что настоящіе революціонеры имѣли мало вліянія на народныя массы только потому, что могли дѣйствовать только тайно и въ ограниченныхъ кругахъ рабочихъ, т. к. остальная масса была имъ недоступна. Какъ священникъ, я имѣлъ еще и то преимущество, что могъ входить въ тѣсное общеніе съ народомъ. Я полагалъ, что, начавъ организацію рабочихъ для взаимной помощи подъ покровительствомъ властей, я могу одновременно организовать и тайныя общества изъ лучшихъ рабочихъ, избранныхъ для этой цѣли, которыхъ и воспитаю, и которыми я буду пользоваться какъ миссіонерами, и такимъ образомъ мало-по-малу, направлю всю организацію къ желаемой цѣли. Когда мои собственные люди замѣнятъ назначенныхъ по указанію полиціи лицъ и заслужатъ уваженіе и довѣріе всѣхъ рабочихъ, у меня будетъ группа помощниковъ, готовыхъ руководить народомъ въ нужный моментъ. Я зналъ, что въ настоящее время отъ меня отшатнется партія политическихъ реформаторовъ, и меня заподозрятъ въ измѣнѣ, но моя любовь къ рабочимъ осилила мои колебанія. Нѣсколько представителей рабочаго союза, согласно желанію Зубатова, доставили мой докладъ Витте. Министръ, прочитавъ его, равнодушно спросилъ:

„Это вы писали, братцы?“

„Да“, отвѣчали они.

— Въ такомъ случаѣ, вамъ бы сдѣлаться журналистами“, сказалъ Витте и откланялся депутаціи.

Такимъ образомъ рушилась попытка Зубатова завербовать Витте, но не долго спустя, Плеве, посредствомъ цѣлаго ряда интригъ, подорвалъ довѣріе государя къ Витте и самъ сдѣлался всемогущимъ. Тѣмъ временемъ, весною 1903 г. Зубатовская организація въ Петербургѣ шла малоуспѣшно, частью потому, что московскіе рабочіе доказали своимъ товарищамъ, что это была только полицейская ловушка, частью потому, что нѣкоторые изъ профессоровъ, обѣщавшихъ читать лекціи рабочимъ, отказались, какъ изъ боязни общественнаго осужденія, такъ и

потому, что члены революціонныхъ партій, приходя на эти лекціи, предлагали докучливые вопросы лекторамъ. Все это очень не нравилось Зубатову, къ тому же у него было много враговъ. Въ концѣ апрѣля 1903 г. пять плотниковъ, умныхъ и честныхъ пришли ко мнѣ въ Академію. Одинъ изъ нихъ, Васильевъ, шедшій въ знаменательный день 9-го января, убитъ, остальныс живы, и я не могу ихъ назвать. Они доказывали мнѣ необходимость примкнуть къ Зубатовской организаціи, для того, чтобы использовать ее въ своихъ цѣляхъ. Затѣмъ мы снова встрѣтились въ квартирѣ одного изъ этихъ рабочихъ и послѣ долгихъ убѣжденій я уступилъ. Понемногу мы стали организовать тайные комитеты. Затѣмъ я ходилъ къ Зубатову, чтобы сказать ему, что я согласенъ помогать ему на условіи, чтобы никто изъ членовъ Союза не былъ арестованъ, т. к. иначе все дѣло погибнетъ, въ особенности въ виду слуховъ объ арестахъ рабочихъ въ Москвѣ. Зубатовъ обѣщалъ это мнѣ, и я спѣшу сказать, что все время, пока онъ былъ у власти, онъ держалъ свое слово. Тогда я сталъ организовывать группу будущихъ вожаковъ, частью изъ Зубатовцевъ, частью изъ своихъ людей и подготовлялъ ихъ путемъ частныхъ собесѣдованій къ ихъ будущей дѣятельности.

Не знаю, долго ли бы мнѣ удавалось морочить Зубатова, такъ какъ несмотря на всѣ свои способности сыщика и смѣлость, онъ былъ недальновиденъ, но сама судьба пришла мнѣ на помощь, положила конецъ царствованію Зубатова.

Однажды онъ пригласилъ меня обѣдать въ домъ своего личнаго и ближайшаго помощника въ дѣлѣ преслѣдованія революціонеровъ, Мельникова. Тамъ меня представили генералу Скандракову, въ числѣ гостей были и другіе агенты Зубатова: докторъ Гуревичъ и Шаевичъ. Шаевичъ доказывалъ мнѣ необходимость мѣстныхъ стачекъ, какъ средства держать рабочихъ въ рукахъ Зубатовъ не раздѣлялъ этого мнѣнія, но я понялъ, что онъ давалъ свободу дѣйствій своимъ агентамъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и вскорѣ послѣ того, нѣкоторые изъ нихъ примѣнили свои теоріи на практикѣ и тѣмъ погубили себя и Зубатова. Одна изъ подобныхъ стачекъ была устроена въ Минскѣ, причемъ полицейскіе агенты Зубатова потеряли надъ рабочими власть и, по требованію мѣстныхъ властей и работодателей, были удалены министромъ внутрен-

нихъ дѣлъ. Въ Одессѣ пошло еще дальше. Докторъ Шаевичъ, дѣйствуя черезъ представителей рабочихъ Союзовъ, создалъ небольшую стачку, но она распространилась подобно пламени и охватила портъ, забастовали тысячи рабочихъ, и городъ былъ близокъ къ анархіи. Шаевичъ окончательно потерялъ голову, отказался руководить стачкой и спрятался. Мѣстныя власти и работодатели, крайне встревоженные и подстрекаемые врагами Зубатова, сдѣлали обыскъ въ домѣ Шаевича и арестовали его. Зубатовъ старался сложить съ себя всякую отвѣтственность въ этомъ дѣлѣ, но, къ несчастью, у Шаевича было найдено письмо, подтверждавшее его участіе въ этомъ дѣлѣ, и это вызвало его паденіе. Шаевичъ былъ сосланъ въ Вологду. Зубатова лишили мѣста и отправили въ одинъ изъ городовъ центральной Россіи. Что съ нимъ теперь, я не знаю, но знаю, что благодаря генералу Трепову, теперешнему диктатору, и великому князю Сергѣю Александровичу, онъ получилъ большую пенсію.

Съ исчезновеніемъ Зубатова, Петербургская организація рабочихъ осталась въ неопредѣленномъ положеніи, такъ что, когда въ августѣ 1903 г. ко мнѣ пришла депутація изъ пяти рабочихъ, членовъ тайнаго комитета, съ просьбой взять все дѣло въ свои руки, я согласился, и въ концѣ августа я приступилъ къ такой организаціи рабочихъ обществъ, въ которой воплотились бы мои собственныя мысли относительно тѣхъ основъ, на которыхъ только и возможно прогрессивное улучшеніе условій рабочаго класса и достиженіе гражданской свободы.

У насъ уже была группа, приблизительно въ 70 человѣкъ, интеллигентныхъ рабочихъ, частью изъ членовъ моего тайнаго комитета, частью изъ выбранныхъ мною во время моихъ собесѣдованій людей, съ которыми можно было начать дѣйствовать. Мы наняли помѣщеніе на Выборгской сторонѣ и устроили тамъ чайную. Завѣдующій былъ избранъ самими рабочими на три мѣсяца. Днемъ онъ работалъ на фабрикѣ, т. к. чайная открывалась только отъ 7 ч. вечера до 12 ночи и въ субботу отъ 2 ч. дня. Платы за это онъ не получалъ никакой. Въ чайной продавались только чай и минеральныя воды, всѣ крѣпкіе напитки были запрещены. Квартира состояла изъ нѣсколькихъ маленькихъ комнатъ и большого зала для митинговъ, въ которомъ собирались три раза въ недѣлю. По средамъ и субботамъ мы собирались и обсуждали книги и статьи

по рабочему вопросу, причемъ я иногда касался политическихъ и экономическихъ вопросовъ. Каждый митингъ начинался и кончался молитвой. Рабочіе со стороны принимались очень дружелюбно и изъ нихъ былъ выбранъ контролеръ надъ чайной. Точность, съ какою велось дѣло отчетности, быстро завоевала довѣріе населенія рабочихъ.

Спустя нѣкоторое время я рѣшилъ поставить дѣло на болѣе твердомъ основаніи. До сихъ поръ оно не было санкціонировано Правительствомъ и подвергалось опасности быть уничтоженнымъ въ любой моментъ. Поэтому я написалъ докладъ министру внутреннихъ дѣлъ о необходимости выработать уставъ для рабочихъ организацій и представилъ его черезъ градоначальника Клейгельса, какъ того требовали установленныя правила. Во время свиданія съ Клейгельсомъ, мы пространно обсуждали этотъ вопросъ. Затѣмъ мнѣ предложили отправиться къ директору департамента полиціи Лопухину, по этому же дѣлу. Тотъ принялъ меня весьма любезно, и, когда я сказалъ, что у насъ нѣтъ библіотеки, и мы нуждаемся въ книгахъ и газетахъ, онъ удивилъ меня вопросомъ, сколько мнѣ надо денегъ для этой цѣли. Вскорѣ я получилъ изъ министерства внутреннихъ дѣлъ около 60 руб. со строгимъ предписаніемъ подписываться только на консервативныя газеты.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Тѣмъ временемъ я окончилъ свою диссертацію, нанялъ маленькую комнатку и сталъ искать мѣста священника, чтобы было чѣмъ жить. У меня было очень мало денегъ и я расходовалъ ихъ съ большою осмотрительностью. Не знаю, какъ митрополитъ Антоній узналъ объ этомъ, но наканунѣ Рождества посланный отъ него принесъ мнѣ маленькій конвертъ со вложеніемъ ста рублей. На другой день я пошелъ поблагодарить его и онъ предложилъ мнѣ свободную вакансію въ пересыльной тюрьмѣ. Я послалъ прошеніе и черезъ нѣсколько дней получилъ отвѣтъ, что несмотря на массу кандидатовъ, я получилъ назначеніе.

Нашъ тайный комитетъ, мы, чтобы не возбуждать подозрѣній, назвали Собраніемъ Петербургскихъ рабочихъ.

Основною цѣлью его было укрѣпленіе въ русскомъ рабочемъ его національнаго самосознанія и развитіе его силъ для самопомощи. Средствомъ для достиженія этой цѣли предположено было устройство чайныхъ, потребительскихъ обществъ, клубовъ, чтеніе на различныя экономическія и другія темы, и устройство взаимопомощи, причемъ при болѣзни, несчастныхъ случаяхъ, или неспособности къ работѣ, помощь должна быть выдаваема возможно скорѣе.

Въ началѣ ноября всѣ агенты Зубатова были единогласно исключены изъ Союзовъ и имъ былъ запрещенъ даже входъ въ учрежденія союза. 9-го Сентября, семнадцать отвѣтственныхъ членовъ нашей организаціи, пришли къ Клейгельсу, чтобы представить ему уставъ, мнѣ и самому приходилось часто бывать въ Департаментѣ полиціи, чтобы сократить обычную волокиту по разнымъ административнымъ инстанціямъ. Обыкновенно утвержденіе уставовъ тормозится годами, нашъ же былъ утвержденъ черезъ три мѣсяца, хотя, увы, въ очень искаженномъ видѣ. Когда состоялось наше первое засѣданіе, одинъ изъ старѣйшихъ рабочихъ, по прозванію дѣдушка Яковъ, предложилъ пригласить отца Іоанна Кронштадтскаго, чтобы отправить торжественное богослуженіе, но это было отвергнуто большинствомъ голосовъ, недовольныхъ тѣмъ, что отецъ Іоаннъ изображалъ изъ себя чудотворца. Не могу не сказать нѣсколько словъ о моихъ встрѣчахъ съ этимъ замѣчательнымъ священникомъ. Его манера раздавать на улицѣ большія суммы денегъ, привлекала въ Кронштадтъ массу нищихъ, которая только и жила подаяніемъ и все болѣе и болѣе теряла охоту къ честному труду Первый разъ я встрѣтился съ нимъ на освященіи церкви въ Ольгинскомъ пріютѣ. Отецъ Іоаннъ былъ приглашенъ совершить богослуженіе вмѣстѣ со мною и еще однимъ священникомъ. Я внимательно всматривался въ него. Онъ небольшого роста, глаза его проницательны, борода короткая, сѣдая, движенія рѣзкія, нервныя; одѣтъ онъ былъ въ великолѣпную рясу. Передъ началомъ богослуженія въ церковь вошелъ какой-то генералъ, и я убѣдился тогда, что отецъ Іоаннъ очень наблюдательный и практичный человѣкъ. Вскорѣ я встрѣтилъ его въ домѣ одного купца, гдѣ онъ также совершалъ богослуженіе. Его сопровождало 12 женщинъ, одѣтыхъ въ бѣлое, и поведеніе которыхъ было скорѣе кривляніемъ, чѣмъ поклоненіемъ. Затѣмъ насъ пригласили къ столу, и отецъ Іоаннъ и я сѣли, а толпа

стала кругомъ насъ на колѣни. Іоаннъ ѣлъ и пилъ съ большимъ аппетитомъ, нисколько не стѣсняясь. Я также былъ голоденъ, но мое вниманіе было вскорѣ отвлечено тѣмъ, что, окончивъ тарелку, или выпивъ стаканъ, отецъ Іоаннъ снова наполнялъ ихъ и передавалъ ихъ ближайшему къ нему лицу, которое, благоговѣйно попробовавъ, передавало его слѣдующему, такимъ образомъ тарелки и стаканы отца Іоанна обходили всю комнату. Зрѣлище это казалось мнѣ унизительнымъ. Иногда онъ пріѣзжалъ въ Академію, гдѣ студенты прямо обожали его. Мнѣ часто приходилось говорить съ Кронштадтцами, хорошо его знавшими, въ общемъ всѣ соглашались въ томъ, что его щедрость и его вліяніе на толпу были развращающими. Особенно поражало его равнодушіе ко всѣмъ предложеніямъ выработать радикальныя мѣры къ улучшенію быта нуждающихся и обездоленныхъ. Онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ со всѣми врагами и притѣснителями народа. Эти 12 барынь, о которыхъ я говорилъ, большинство которыхъ были жены или незамужнія дочери купцовъ, оказывали на него дурное вліяніе. Каждая изъ нихъ дежурила при немъ по недѣлѣ и въ это время направляла общественную жизнь отца Іоанна, стараясь заручиться возможно большимъ числомъ богатыхъ домовъ, посѣщеніе которыхъ оплачивалось по очень высокой цѣнѣ. Такимъ образомъ его молитвы были чисто коммерческимъ предпріятіемъ, бѣдныхъ же онъ посѣщалъ очень рѣдко. Не думаю, чтобы это была его вина, но какъ человѣкъ очень ограниченный, онъ сталъ орудіемъ, въ политическомъ смыслѣ этого слова, въ рукахъ правящихъ классовъ. Онъ очень чувствителенъ къ рекламѣ, и, хотя и раздаетъ большія суммы, но очень богатъ. Его неискренность ясно сказалась послѣ Кишиневскаго погрома. Сперва, подъ вліяніемъ минуты, онъ написалъ воззваніе, въ которомъ строго осуждалъ убійство евреевъ, но затѣмъ подъ давленіемъ властей, написалъ другое, въ которомъ, оправдываясь въ высказанныхъ имъ упрекахъ, обвинялъ евреевъ, какъ иниціаторовъ убійствъ.

Въ Апрѣлѣ 1904 года состоялось открытіе Петербургскаго Союза. Около полутораста человѣкъ собралось на церемонію и послѣ рѣчи ораторовъ рабочихъ начались музыка и танцы. Я съ тревогой всматривался въ ближайшее будущее, но вскорѣ мой страхъ прошелъ. На первомъ же вечерѣ присоединилось къ намъ 37 человѣкъ и сдѣлали взносъ. Къ концу перваго мѣсяца у насъ было уже

триста членовъ. Несмотря на повторные отказы, я былъ выбранъ предсѣдателемъ.

Наконецъ-то, у меня была твердая почва подъ ногами, для осуществленія моихъ плановъ. Я всецѣло отдался организаціи и развитію Союза, присутствовалъ на всѣхъ митингахъ, образовалъ массу рабочихъ кружковъ для изученія исторіи промышленности и политическихъ вопросовъ. Нѣсколько профессоровъ взялись помогать мнѣ въ этомъ дѣлѣ. Но все вниманіе мое было обращено на то, чтобы дѣятельность чайныхъ и сборъ взносовъ стояли внѣ всякихъ подозрѣній и въ то же время находились въ рукахъ самихъ рабочихъ.

Мнѣ часто приходилось ходить къ управляющимъ фабрикъ и въ мастерскія, чтобы добиться какого-либо улучшенія въ условіяхъ труда, или чтобы сгладить возникшія недоразумѣнія, или чтобы найти кому либо мѣсто. Мои маленькія комнатки на Церковной улицѣ далеко за полночь были полны рабочихъ, ихъ женъ и родныхъ. Одни приходили, чтобы поговорить о нашемъ дѣлѣ, другіе, чтобы получить помощь, третьи, наконецъ, чтобы пожаловаться на своихъ мужей, или отцовъ, которыхъ я долженъ былъ убѣждать. И, хотя, у меня не было ни минуты покоя, это было счастливѣйшее время моей жизни.

Самый лучшій день была суббота, когда члены тайнаго комитета и еще нѣсколько вѣрныхъ людей собирались у меня, чтобы потолковать о нашемъ общемъ дѣлѣ. Рабочіе снимали свои пиджаки, а я—свою рясу, и тѣмъ не менѣе было душно. Мы говорили до разсвѣта, такъ что нѣкоторые шли отъ меня прямо на работу. Я сознавалъ, что теперь моя жизнь не безцѣльна и не безполезна. О себѣ мнѣ некогда было думать. Отъ пересыльной тюрьмы я получалъ около 2-хъ тысячъ жалованья и отдавалъ ихъ на дѣло. Одежда моя была въ лохмотьяхъ, но это меня не заботило. Дѣло шло великолѣпно, и, открывая митингъ, я говорилъ рабочимъ, что основаніе нашего Союза станетъ эпохой въ исторіи рабочаго движенія въ Россіи, и если они напрягутъ всѣ усилія, то станутъ орудіемъ спасенія для себя и для своихъ товарищей.

Иногда мнѣ приходилось ходить къ новому градоначальнику Фуллону, замѣнившему Клейгельса, чтобы просить его воздѣйствія для достиженія нѣкоторыхъ уступокъ со стороны работодателей. Фуллонъ отнесся сперва недовѣрчиво ко мнѣ и къ моему дѣлу.

„Все это хорошо, сказалъ онъ, но революціонеры будутъ приходить на ваши митинги и говорить тамъ“.

„Пускай приходятъ, сказалъ я, мы ихъ не боимся, мы дѣйствуемъ открыто, и при этомъ я прибавилъ, что мы нуждаемся въ большемъ чѣмъ сочувствіе генерала, мы нуждаемся въ томъ, чтобы онъ вѣрилъ, что если онъ встрѣтитъ въ нашемъ обществѣ кого либо изъ ранѣе заподозрѣнныхъ, то вѣрилъ бы, что эти люди сами поняли, что лучше примкнуть къ законному образу дѣйствій. Фуллонъ былъ простодушенъ и добръ и ни въ его натурѣ, ни въ его предыдущей карьерѣ не было ничего полицейскаго. Раньше онъ служилъ въ Варшавѣ и такъ относился къ полякамъ, что немедленно былъ вызванъ въ столицу. Чтобы обезпечить свое дѣло я обратился къ генералу Скандракову и агенту полиціи Гуровичу съ просьбою ходатайствовать за меня передъ Фуллономъ. Мало по-малу Фуллонъ сталъ благосклоннѣе ко мнѣ, и мнѣ удалось получить отъ него обѣщаніе, что ни одинъ рабочій изъ Союза не будетъ арестованъ, т. к. это подорвало бы въ корнѣ довѣріе къ дѣлу и вынудило бы меня отказаться отъ него. Насколько была важна для меня поддержка Фуллона въ критическіе моменты послѣдующихъ мѣсяцевъ, вы сами увидите.

Тѣмъ временемъ я продолжалъ исполнять свои обязанности въ пересыльной тюрьмѣ, находящейся недалеко отъ казачьихъ казармъ. Въ этой тюрьмѣ содержатся въ общихъ камерахъ, т. к. она служитъ мѣстомъ заключенія для приговоренныхъ къ ссылкѣ въ Сибирь, или высылаемыхъ изъ столицы по мѣсту жительства. Политическіе преступники тамъ весьма рѣдки.

Директоръ этой тюрьмы былъ отличный человѣкъ, нѣмецъ по происхожденію. Благодаря его высокой гуманности, порядокъ въ тюрьмѣ былъ образцовый. Организованныя работы выполнялись, и заключенные имѣли заработанныя деньги ко дню выхода изъ тюрьмы. Предшественникъ мой устраивалъ собесѣдованія съ заключенными на религіозныя темы, но кажется безуспѣшно. Я продолжалъ эти собесѣдованія, но расширилъ программу, введя различные вопросы изъ текущей жизни, и для большаго интереса, устроилъ волшебный фонарь. Въ каждомъ, даже самомъ закоренѣломъ преступникѣ, я находилъ крупицу добра, т. к. въ ихъ преступленіяхъ ненормальныя условія ихъ предыдущей жизни были болѣе виновны, чѣмъ ихъ злая воля.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Убійство Плеве.

Субботы, Воскресенья и Понедѣльники я проводилъ частью въ тюрьмѣ, частью среди рабочихъ, а остальные дни всецѣло посвящалъ рабочимъ. Въ маѣ 1904 года я послалъ нѣсколькихъ изъ самыхъ благонадежныхъ моихъ людей на Путиловскіе заводы, находя, что наступило время попытать организовать сплоченную массу изъ 13 тыс рабочихъ. Въ концѣ мѣсяца на наши митинги пришло уже 50 человѣкъ съ этихъ заводовъ съ просьбой организовать ихъ такъ же, какъ я организовалъ моихъ рабочихъ, что я и исполнилъ, и это была первая вѣтвь нашего основного Союза. Отказавшись отъ предсѣдательства въ своемъ Союзѣ, я сдѣлался предсѣдателемъ новаго отдѣленія Союза. Первымъ дѣломъ мы наняли большой домъ у Нарвской заставы, въ которомъ была зала, способная вмѣщать двѣ тысячи человѣкъ. Къ моему великому удовольствію генералъ Фуллонъ принялъ мое предложеніе присутствовать на митингѣ при открытіи перваго отдѣленія Союза. Мы сѣли вокругъ большого стола, я на концѣ стола, по правую руку отъ меня градоначальникъ. Затѣмъ я сказалъ нѣсколько словъ, въ которыхъ напомнилъ собранію, что оно не должно забывать, что нашъ Союзъ разрѣшенъ намъ Правительствомъ, и въ заключеніе попросилъ генерала Фуллона сказать отъ себя нѣсколько словъ рабочимъ. Фуллонъ согласился и характернымъ военнымъ языкомъ сказалъ:

„Я счастливъ видѣть васъ на этомъ дружескомъ и разумномъ митингѣ. Я солдатъ. Въ настоящее время родина наша переживаетъ тяжелое время, благодаря войнѣ съ храбрымъ врагомъ на далекой окраинѣ. Чтобы съ честью выйти изъ этого испытанія, вся Россія должна объединиться и напречь всѣ свои силы. Въ единеніи сила“. Эта коротенькая рѣчь была встрѣчена громомъ аплодисментовъ, что очевидно, очень понравилось Фуллону и онъ оставилъ митингъ въ отличномъ расположеніи духа. На всѣхъ послѣдующихъ открытіяхъ отдѣленій Союза Фуллонъ вездѣ повторялъ эту рѣчь буквально. По уходѣ Фуллона, я, воспользовавшись послѣдними словами его, сталъ

съ жаромъ говоритъ собравшимся о необходимости единенія между всѣми рабочими. Въ концѣ Іюня Путиловская вѣтвь Союза насчитывала 700 членовъ. Мои помощники вербовали самыхъ вліятельныхъ людей различныхъ отраслей труда для нашего Союза. На многихъ фабрикахъ были потребительскія Общества, находившіяся въ вѣдѣніи директоровъ и управляющихъ, которые получали громадные барыши, товаръ же продавали плохой и дорогой, вводили рабочихъ въ долги и закрѣпощали рабочихъ этими лавками. И дѣйствительно, это былъ только обманъ. Я объяснилъ рабочимъ, что дѣло это они должны взять въ свои руки. Эта мысль была у насъ однимъ изъ популярнѣйшихъ вопросовъ. Революціонеры и студенты часто приходили на наши митинги съ цѣлью сорвать ихъ и привлечь рабочихъ на свою сторону. Я предоставлялъ имъ свободный доступъ на наши митинги, находя что ихъ аргументація только увеличиваетъ интересъ нашихъ дебатовъ, т. к. лучшіе изъ нашихъ членовъ легко разбивали ихъ.

Одновременно я задумалъ организовать въ Москвѣ и другихъ большихъ городахъ Россіи Союзы, подобные нашему, т. к. неоднократно получалъ подобныя просьбы. Я посѣтилъ Москву, Харьковъ, Кіевъ, Полтаву и другіе города. Въ Москвѣ я убѣдился, что власти были уже предупреждены, и что мнѣ нечего разсчитывать на успѣхъ. Присутствуя на одномъ изъ митинговъ Зубатовскаго союза, я горячо говорилъ противъ вмѣшательства полиціи въ рабочую организацію. Былъ я и у Грингмута, гдѣ встрѣтился съ ренегатомъ Львомъ Тихомировымъ, который произвелъ на меня жалкое впечатлѣніе. Изъ того, что я видѣлъ въ Кіевѣ и Харьковѣ, я убѣдился, что разумнѣе было сперва заняться упроченіемъ Петербургской организаціи рабочихъ, чѣмъ расходовать энергію на организацію рабочихъ въ провинціи. Передъ возвращеніемъ своимъ въ Петербургъ, я провелъ нѣкоторое время въ деревнѣ у своего отца, и, т. к. финансы мои благодаря моимъ расходамъ на Петербургскій Союзъ, были въ весьма плохомъ состояніи, и кромѣ того мнѣ необходимо было нанять гувернантку для моихъ дѣтей, я попросилъ отца заложить его домъ и землю. Отецъ исполнилъ мое желаніе и вручилъ мнѣ 750 руб.

Какъ разъ въ это время принесли телеграмму, сообщавшую объ убійствѣ Плеве 15-го Іюля 1904 г. Я лично

былъ очень огорченъ смертью Плеве, т. к. разсчитывалъ на его содѣйствіе къ полученію денегъ отъ Правительства на устройство училищъ для рабочихъ. Кромѣ того, я уважалъ его за твердость его воли, его энергію и умъ. Лица, съ которыми мнѣ приходилось говорить объ убійствѣ Плеве, въ большинствѣ случаевъ относились къ нему безразлично, и только немногіе высказывали сожалѣніе.

Въ ту минуту ничто не указывало на то, что убійство это внесетъ какія-либо перемѣны въ Правительственную политику. Плеве очень интересовался моимъ дѣломъ, и одинъ изъ моихъ друзей слышалъ, какъ онъ говорилъ: „Я не думаю, чтобы революціонеры представляли какую-либо опасность, ихъ бояться нечего. Чего я боюсь—это рабочаго движенія. Въ настоящее время у насъ двѣ организаціи рабочихъ—Зубатовская, которая всецѣло въ рукахъ полиціи, и Гапоновская, которая тщательно избѣгаетъ полиціи. Какое онѣ будутъ имѣть значеніе, я досихъ поръ не знаю". Что было бы, если бы Плеве остался живъ, невозможно было предвидѣть. Въ теченіе 20 лѣтъ онъ успѣшно подавлялъ всякій порывъ къ свободѣ въ русскомъ народѣ и каралъ тѣхъ, кто хотѣлъ дать ему ее, но несмотря на все его искусство въ пресѣченіи деморализаціи, протестъ все разростался и уже достигъ той точки, когда наступаетъ взрывъ. Понятно, что мнѣ легче было имѣть дѣло съ добрымъ градоначальникомъ. Наша трудовая организація имѣла уже твердое основаніе, и, останься Плеве живъ, кризисъ все-таки наступилъ бы.

Я быстро прервалъ свой отпускъ и вернулся въ Петербургъ, т. к. нѣкоторые члены моего тайнаго комитета написали мнѣ, что началось разногласіе между различными отдѣленіями Союза. Одновременно стало извѣстнымъ, что Вел. Кн. Сергѣй написалъ Плеве доносъ на меня. Къ счастью, доносъ запоздалъ—Плеве былъ уже убитъ, а градоначальникъ Фуллонъ заболѣлъ, и къ тому времени, когда онъ выздоровѣлъ, обстоятельства настолько перемѣнились, что дѣло мое было забыто, и мнѣ легко было вернуть себѣ расположеніе Фуллона. Чтобы возстановить миръ между членами Союза, я устроилъ 6-го августа вечеръ въ большомъ залѣ Павловскаго дома—одномъ изъ лучшихъ помѣщеній въ Петербургѣ. Рабочіе, около тысячи человѣкъ, пришли большой толпой съ ихъ женами и дѣтьми. На этотъ вечеръ я пригласилъ извѣстныхъ артистовъ, чтобы они пѣли и играли. Кромѣ того, у насъ былъ свой

4*

духовой оркестръ. Собраніе открылось многочисленными рѣчами, посвященными дѣлу Союза, на столѣ лежали чертежи и отчетныя книги, чтобы каждый могъ самъ убѣдиться въ честности и цѣлесообразности дѣлопроизводства. Генерала Фуллона, снова посѣтившаго насъ и проходившаго къ столу, рабочіе встрѣтили радостными восклицаніями. Я зналъ, что теперь я могу на него разсчитывать. Мужчины и женщины были весьма довольны, что находятся въ великолѣпномъ залѣ, въ центрѣ города, на своемъ собственномъ вечерѣ и слушаютъ концертъ.

Со всѣхъ концовъ столицы стали поступать ко мнѣ просьбы объ открытіи новыхъ отдѣленій Союза, и, хотя, въ виду скудости средствъ, мы должны были быть разсчетливыми, но въ октябрѣ у насъ было уже 9 отдѣленій съ 5-ю тысячами платныхъ членовъ, а въ слѣдующемъ мѣсяцѣ уже одиннадцать. Два мѣсяца спустя, когда уже началась общая забастовка, мы насчитывали 20 тыс. членовъ, и если бы мы могли дѣйствовать еще нѣсколько мѣсяцевъ безъ помѣхи, то, вѣроятно, что къ намъ примкнули бы всѣ рабочіе всего Петербурга. Не забывайте, что это была единственная прочная рабочая организація въ Россіи.

Для каждаго новаго отдѣленія Союза мы нанимали большое помѣщеніе и излишне описывать то удовольствіе, съ какимъ рабочіе и ихъ семьи собирались въ эти клубы, послѣ дневной работы. Сначала женщины очень возставали противъ этихъ собраній, говоря, что мужчины такъ увлекутся, что будутъ все время проводить тамъ. Тогда мы рѣшили, что женщины каждаго отдѣленія будутъ имѣть для своихъ митинговъ одинъ день въ недѣлю и это успокоило ихъ.

При открытіи Коломенскаго отдѣленія произошелъ непріятный случай. Генералъ Фуллонъ, все болѣе и болѣе интересовавшійся нашими собраніями, пригласилъ фотографа снять весь митингъ, включая его и меня. Мнѣ это очень не понравилось, т. к. я предвидѣлъ время, когда начнется смута, и полиціи эта фотографія будетъ очень полезна; но я счелъ лучшимъ не возбуждать подозрѣнія.

Когда я окончилъ окропленіе новаго зданія святой водой, и рабочіе стали подходить цѣловать крестъ, то нѣкоторые изъ нихъ цѣловали при этомъ руку Фуллона. Это такъ возмутило меня и моихъ помощниковъ, что я на этотъ разъ не могъ скрыть своихъ чувствъ, и, когда

генералъ Фуллонъ уѣхалъ, я горячо сталъ говорить съ рабочими. Разсказалъ имъ исторію бѣднаго Лазаря, разъяснилъ имъ, что на свѣтѣ есть бѣдные и богатые, и отношенія между ними никогда не могутъ быть хорошими. Фуллонъ на сторонѣ богатыхъ и ему нѣтъ никакого дѣла до бѣдныхъ, и если онъ оказываетъ имъ какія-либо милости, то это только Евангельскія крохи Лазаря со стола богатаго, и заключилъ упоминаніемъ о сохраненіи собственнаго достоинства и самоуваженія.

Всѣ отдѣленія Союза были связаны между собой совмѣстной работой, направленной на преуспѣяніе рабочаго движенія. Съ этой цѣлью мы пригласили поляковъ, финновъ и евреевъ примкнуть къ намъ. Черезъ шесть мѣсяцевъ своего существованія, нашъ Союзъ сталъ приносить доходъ, и мы открыли потребительскія лавки и чайныя.

Война въ Манджуріи, длившаяся уже почти годъ, не повліяла на насъ въ томъ размѣрѣ, какъ она повліяла на нѣкоторые города на юго-западѣ и востокѣ Имперіи. Вначалѣ рабочіе хотя и не высказывали интереса къ войнѣ, все же сочувствовали ей, желая побѣдъ русскому оружію и предлагая идти добровольцами. „Япошки навѣрное скоро будутъ разбиты“, съ насмѣшкой говорили они. Но вскорѣ настроеніе измѣнилось. Слухъ о томъ, какъ офицеры въ Портъ-Артурѣ танцовали въ тотъ моментъ, когда японцы минами атаковали нашъ флотъ, вызвалъ большое негодованіе. Позднѣе же, когда выяснилась вся неспособность вожаковъ арміи и флота, всѣ злоупотребленія, вся деморализація, и когда, наконецъ, пораженіе за пораженіемъ стали сыпаться на головы самоотверженнаго войска, рабочіе возненавидѣли войну и все смѣлѣе и смѣлѣе стали критиковать отвѣтственное и во всемъ виновное правительство. Я сталъ разъяснять рабочимъ все происходящее, и они, слушая о томъ, сколько Куропаткинъ взялъ съ собою иконъ, саркастически улыбались.

Большое вліяніе на рабочее движеніе имѣла перемѣна въ отношеніяхъ правительства къ интеллигентнымъ классамъ, такъ называемая „весна“, начавшаяся съ назначеніемъ князя Святополкъ-Мирскаго на мѣсто Плеве.

Въ ноябрѣ 1904 г. состоялся большой съѣздъ земскихъ дѣятелей, сопровождавшійся петиціей присяжныхъ повѣренныхъ о возстановленіи законности и свободы. Я не могъ не видѣть, что близокъ моментъ, когда свобода будетъ вырвана изъ рукъ притѣснителей, и въ то же время

страшно боялся, чтобы, за отсутствіемъ поддержки со стороны народныхъ массъ, борцы за свободу не потерпѣли пораженія. На одномъ изъ совѣщаній съ интеллигентными либералами, я спросилъ ихъ, какимъ образомъ рабочіе могутъ содѣйствовать борьбѣ. Тѣ посовѣтовали мнѣ, чтобы и рабочіе съ своей стороны написали петицію правительству, но я не вѣрилъ, чтобы она имѣла успѣхъ, если не будетъ сопровождаться большой рабочей забастовкой. Я собралъ у себя на дому 32 человѣка изъ наиболѣе просвѣщенныхъ рабочихъ и много читалъ съ ними и обсуждалъ программу того, что мы называли рабочей петиціей. Несмотря на то, что рабочее движеніе началось такъ недавно и развивалось съ такой быстротой, и намъ такъ неожиданно пришлось выступить публично, несмотря на все это мы были крѣпко сплочены и воодушевлены относительно содержанія этой петиціи. Мы отнеслись къ дѣлу очень серьезно и предварительно торжественно поклялись хранить полную тайну, также условились мы, чтобы, въ случаѣ ареста одного изъ членовъ комитета и отказа освободить его, поддержать наше требованіе забастовкой.

Хотя требованіе обществомъ реформъ и разросталось въ колоссальныхъ размѣрахъ, но мнѣ казалось, что наша рабочая петиція должна быть подана только въ одинъ изъ критическихъ моментовъ, вродѣ паденія Портъ-Артура, пораженія эскадры Рождественскаго, казавшагося неизбѣжнымъ, но и при такихъ обстоятельствахъ необходимо было поддержать ее соединенными усиліями рабочаго класса. Въ началѣ декабря, я созвалъ предсѣдателей отдѣленій Союза на совѣщаніе, чтобы выработать содержаніе петиціи.

Та незначительная кучка свободолюбивыхъ людей, которая до того служила идеѣ свободы, была подобна утлому челну, плывущему по бурному морю и несомнѣнно погубила бы непроизводительно рабочихъ, если бы они вздумали поддержать ее. Если же она дѣйствительно шла навстрѣчу требованіямъ рабочихъ классовъ, то для успѣшности дѣйствій, необходимо было измѣнить и расширить программу реформъ. Я сознавалъ, что правительство только въ томъ случаѣ отнесется серьезно къ поданной нами петиціи, когда мы будемъ грозить ему поддержать ее забастовкой всего рабочаго населенія Петербурга. Всѣ согласились съ моимъ мнѣніемъ и занялись выработкой плана пропаганды.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Начало кризиса.

Я лично не видѣлъ еще необходимости спѣшить, но обстоятельства неожиданно заставили насъ дѣйствовать. Кризисъ былъ вызванъ самими фабрикантами. Члены нашего союза, люди интеллигентные и преданные дѣлу, были крѣпко сплочены. На одномъ Путиловскомъ заводѣ было 13 тыс. рабочихъ. Заводъ этотъ считается однимъ изъ величайшихъ по выдѣлкѣ пушекъ большого калибра и пулеметовъ, только заводъ Армстронга и Круппа еще больше. Въ декабрѣ 1904 года на Путиловскомъ заводѣ, безъ видимой причины были уволены 4 человѣка. Два изъ нихъ очень давно служили на заводѣ, а два другихъ уже семь лѣтъ. Несомнѣнно, увольненіе было вызвано тѣмъ, что они принадлежали къ нашему Союзу, т. к. разсчитывая ихъ, имъ сказали: „несомнѣнно вашъ Союзъ поддержитъ васъ“. Въ теченіе двухъ недѣль я лично не вмѣшивался въ это дѣло, ожидая, что разсчитанные рабочіе будутъ снова приняты послѣ всего, что было сдѣлано, чтобы повлiять на фабричную администрацію Когда же всѣ усилія оказались тщетными, я счелъ своимъ долгомъ передъ Союзомъ стать на защиту исключенныхъ и довести дѣло до конца, каковъ бы онъ ни былъ... Если мы оставимъ уволенныхъ на произволъ судьбы, довѣріе къ нашему Союзу неизбѣжно и навсегда поколеблется, не говоря уже о томъ, что это поощрило бы произволъ. Если же намъ удастся отстоять ихъ, престижъ нашего Союза неимовѣрно поднялся бы въ глазахъ рабочихъ. Первымъ дѣломъ я направилъ разсчитанныхъ рабочихъ къ директору завода Смирнову, но тамъ ихъ постигла неудача. 19-го декабря я собралъ 12 делегатовъ отдѣленій Союза, чтобы обсудить этотъ вопросъ. Одновременно пригласилъ и делегатовъ революціонной партіи, и это было впервые, что они были приглашены и присутствовали на нашемъ митингѣ. Послѣ тщательнаго разслѣдованія, было установлено, что рабочіе были уволены несправедливо. Тогда мы рѣшили отправить три депутаціи, каждая изъ семи или девяти человѣкъ. Одну къ Смирнову, другую къ ин-

спектору Чехову, и третью къ градоначальнику Фуллону. Депутаты высказывали большое воодушевленіе и твердость. Смирновъ и Чеховъ отвѣтили депутаціямъ весьма несочувственно и даже грубо. Фуллонъ же отнесся мягче и, послѣ того, какъ я изложилъ ему серьезность положенія, обѣщалъ сдѣлать все отъ него зависящее, чтобы удовлетворить нашу просьбу.

Въ этотъ же день вечеромъ, мы рѣшили, въ случаѣ надобности, объявить забастовку, сперва на Путиловскомъ заводѣ, и, если въ теченіе двухъ дней наша просьба не будетъ уважена, распространить забастовку на всѣ заводы и мастерскія въ Петербургѣ. На случай неудачи переговоровъ рѣшено было немедленно приступить къ приготовленіямъ и предложено рабочимъ не тратить деньги на предстоящіе праздники.

Утромъ 21-го декабря, я пошелъ съ четырьмя уволенными рабочими къ Чехову, но снова безуспѣшно. Изъ дальнѣйшаго свиданія съ Фуллономъ я убѣдился, что намъ ничего не оставалось, какъ сдѣлать послѣднюю ставку. Я разсчитывалъ, что стачка на Путиловскомъ заводѣ немедленно побудитъ администрацію къ уступкѣ, въ виду того, что въ данный моментъ заводъ оканчивалъ чрезвычайно серьезный заказъ для правительства. Въ тотъ же же вечрѣ мы рѣшили сдѣлать забастовку.

Какъ разъ въ это время была получена телеграмма о сдачѣ Портъ-Артура. Извѣстіе это вызвало большое негодованіе среди народа, и рѣшимость дѣйствовать еще болѣе окрѣпла. Когда я собралъ наиболѣе вліятельныхъ рабочихъ завода и спросилъ ихъ, могутъ ли они остановить всю работу, они отвѣтили утвердительно.

Слѣдующіе три дня прошли тихо. Наступилъ праздникъ Рождества. Для каждаго отдѣленія Союза мы устроили елки, на которыхъ веселилось болѣе 5 тыс. дѣтей. Члены Союза имѣли право приводить не только своихъ дѣтей, но и сиротъ и подкидышей, которыхъ такъ много въ Петербургѣ. Каждый получилъ какой-нибудь маленькій подарокъ, а сиротамъ раздавали матерію на платью. На этихъ елкахъ мы говорили съ рабочими и ихъ женами, которыхъ много тысячъ прошло черезъ наши залы, и всюду раздавались рѣчи, въ которыхъ судьба уволенныхъ рабочихъ была преобладающей темой.

Я былъ въ страшной тревогѣ, сознавая, что судьба нашего Союза находится на краю пропасти. Если насъ

вынудятъ забастовать, то мы должны по крайней мѣрѣ сдѣлать изъ этой забастовки событіе государственной важности, придавъ ей политическій характеръ. Сдача Портъ-Артура послужила намъ для этого предлогомъ. Я снова собралъ своихъ 32 помощниковъ и сказалъ имъ, что, по-моему, наступило время подать Царю нашу рабочую петицію. Они согласились со мной и обѣщали начать агитацію въ пользу всеобщей забастовки, я же обѣщалъ приготовить къ тому времени текстъ петиціи. Съ каждымъ днемъ росло воодушевленіе рабочихъ. Наканунѣ новаго года, я въ послѣдній разъ ходилъ къ Смирнову, три часа убѣждалъ его принять рабочихъ, чтобы избѣжать забастовки, но безуспѣшно.

Свою дѣятельность въ пересыльной тюрьмѣ я продолжалъ и заинтересовалъ ею не только заключенныхъ, но и тюремную администрацію. Раньше я былъ приглашенъ на открытіе новой тюрьмы въ Царскомъ селѣ, а также на богослуженіе 7-го января въ Главномъ Тюремномъ Управленіи, но т. к. забастовка была уже въ полномъ разгарѣ, то меня вѣжливо предупредили, что торжество отложено.

1-го января, по моему предложенію, было рѣшено, что забастовка на Путиловскомъ заводѣ начнется завтра. Условлено было, что сперва прекратитъ работу одна часть мастерскихъ, рабочіе которыхъ пройдутъ процессіей по другимъ мастерскимъ, рабочіе которыхъ въ свою очередь оставятъ работу.

Все произошло, какъ было условлено. Въ назначенный часъ 13 тысячъ человѣкъ прекратили работу. Администрація была, конечно, поражена и испугана. Директоръ Смирновъ, весьма гордившійся своимъ краснорѣчіемъ, вышелъ къ толпѣ и сказалъ, что „лучше бы оставили эти шутки и избрали депутацію, т. к., можетъ быть, онъ и можетъ удовлетворить ихъ желанія". Рабочіе отвѣтили, что теперь у нихъ другая программа требованій и что депутацію они пошлютъ только съ условіемъ, что отецъ Гапонъ будетъ въ ней участвовать. Смирновъ на это не согласился и даже не удержался, чтобы не сказать, что „я то и есть врагъ рабочихъ и веду ихъ къ гибели", что едва не привело къ печальному инциденту. Одинъ изъ рабочихъ, малороссъ, высокій, смуглый парень, выхватилъ свой ножъ и бросился на Смирнова, который быстро скрылся. Полицейскій офицеръ также старался убѣдить рабочихъ стать на работу, но безуспѣшно.

Я тѣмъ временемъ сидѣлъ дома, тревожась и волнуясь, не зная, что происходитъ на заводѣ, наконецъ я не выдержалъ, сѣлъ на извощика и поѣхалъ на Путиловскій заводъ. Дорогой я узналъ все отъ одного изъ рабочихъ, съ которымъ и поѣхалъ на заводъ. Когда мы подъѣхали къ заводу, мы увидѣли громадную толпу, наполнявшую дворъ завода и примыкающія къ нему улицы. Меня встрѣтили криками: „отецъ Гапонъ пріѣхалъ". Пока мнѣ не очистили дороги, я не могъ пробиться сквозь толпу. Вставъ на повозку, я обратился къ рабочимъ съ рѣчью. Помню только, что я хвалилъ ихъ за ихъ дѣйствія, сравнивая съ старымъ дубомъ, ожившимъ послѣ мороза подъ теплымъ вѣяніемъ весны. Я говорилъ имъ о томъ, что вниманіе всего города обращено на нихъ, что ихъ желаніе заступиться за своихъ товарищей, выброшенныхъ съ ихъ семействами на голодную смерть, вполнѣ справедливо, а между тѣмъ начальство отвѣчаетъ имъ только репрессіями. „Имѣемъ ли мы или не имѣемъ права защищать своихъ товарищей"? спросилъ я. Вопросъ этотъ вызвалъ громъ аплодисментовъ. Тогда я прочелъ рабочимъ литографированный перечень нашихъ требованій, написанный въ дополненіе къ просьбѣ объ обратномъ пріемѣ четырехъ уволенныхъ рабочихъ.

Содержаніе прочитаннаго было слѣдущее:

1) Цѣна на контрактныя работы (срочныя) должна быть устанавливаема не произвольнымъ рѣшеніемъ директоровъ, а по взаимному соглашенію между начальствомъ и делегатами отъ рабочихъ.

2) Учрежденіе при заводѣ постоянной коммиссіи изъ представителей администраціи и рабочихъ, для разбора всѣхъ жалобъ, причемъ безъ согласія коммисіи никто не могъ быть уволенъ.

3) Восьмичасовой рабочій день; на этомъ пунктѣ не настаивали, откладывая рѣшеніе его до выработки соотвѣтственнаго законодательства.

4) Увеличеніе поденной платы женщинамъ до 70 коп. въ день.

5) Отмѣна сверхъурочныхъ работъ, за исключеніемъ добровольнаго соглашенія.

6) Улучшеніе вентиляціи въ кузнечныхъ мастерскихъ.

7) Увеличеніе платы рабочимъ до 1-го руб. въ день.

8) Никто изъ забастовавшихъ не долженъ пострадать.

9) За время забастовки должно быть заплочено.

Всѣ пункты были приняты подъ единодушныя рукоплесканія, и по моему совѣту немедленно было приступлено къ перепискѣ петиціи, чтобы распространить ее по всѣмъ фабрикамъ и заводамъ въ городѣ. Затѣмъ мы организовали забастовочный комитетъ, имѣвшій цѣлью помогать забастовщикамъ, безъ различія отдѣленій Союза. Денежный сборъ долженъ былъ производиться у воротъ заводовъ и на митингахъ. Съ этого дня наплывъ новыхъ членовъ Союза сталъ страшно увеличиваться, и мы рѣшили между собой, хотя это и противорѣчило утвержденнымъ правиламъ устава, чтобы всѣ поступленія шли на расходы по забастовкѣ. Помощь забастовщикамъ выдавалась не денежная, а припасами. Всѣ отдѣленія Союза несли массу чая, сахара, хлѣба, картофеля для раздачи забастовщикамъ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Стачка разростается.

Мы рѣшили, что если въ теченіе двухъ дней требованіе наше не будетъ удовлетворено, распространить стачку на Франко-русскій судостроительный и Семянниковскій заводы, на которыхъ насчитывалось 14 тыс. рабочихъ. Я избралъ именно эти заводы, потому что зналъ, что какъ разъ въ это время они выполняли весьма серьезные заказы для нуждъ войны.

3-го Января Фуллонъ говорилъ со мною по телефону. Онъ былъ въ большомъ волненіи. Онъ видѣлся съ Витте, который добился возвращенія одного рабочаго и обѣщанія принять еще двухъ. Оставался только одинъ и Фуллонъ просилъ меня прекратить забастовку. Я отвѣтилъ, что поздно; теперь это не было только вопросомъ объ обратномъ пріемѣ 4-хъ рабочихъ. Теперь каждая мастерская предъявляла свои требованія, и я могъ только посовѣтовать администраціи Путиловскихъ заводовъ устроить совѣщаніе съ предсѣдателями отдѣловъ моего Союза и делегатами отъ забастовщиковъ. Какъ гарантію, я просилъ

Фуллона дать мнѣ слово, что ни одинъ изъ делегатовъ не будетъ арестованъ или наказанъ и, такъ какъ несомнѣнно, они попросятъ меня сопровождать ихъ, то чтобы и я былъ гарантированъ отъ ареста. Фуллонъ обѣщалъ и въ то же время признался, что не довѣряетъ мнѣ, и напомнилъ о доносѣ Вел. Кн. Сергѣя Александровича. „Знаете ли, сказалъ Фуллонъ, что если бы Плеве не былъ убитъ, вы бы давно были высланы изъ Петербурга". На это я возразилъ ему, что я всегда говорилъ ему правду, тогда какъ другіе обманывали его. „Въ вашей власти арестовать меня, сказалъ я сознавая, что отъ этого разговора зависитъ все будущее рабочаго движенія, но предупреждаю васъ, что если въ теченіе двухъ дней не будутъ удовлетворены желанія Путиловскихъ рабочихъ, забастовка распространится еще на нѣкоторые заводы и, если и тогда администрація будетъ продолжать упорствовать, рабочіе всего Петербурга присоединятся къ забастовкѣ Въ рабочемъ классѣ масса недовольныхъ. До настоящей минуты всѣ требованія только экономическія, но если вы не пойдете на уступки, чтобы предупредить взрывъ, то дальше будетъ хуже. Но по крайней мѣрѣ не употребляйте силы, не приводите казаковъ. Можетъ быть, рабочіе захотятъ подать петицію царю, такъ не бойтесь, все будетъ тихо и мирно. Рабочіе желаютъ только, чтобы услышали ихъ голосъ".

Въ концѣ разговора, Фуллонъ снова подтвердилъ свое обѣщаніе, что ни я, ни одинъ изъ делегатовъ не будетъ арестованъ. Рабочіе рѣшили не соглашаться на частичныя уступки.

4-го Января правительство сдѣлало новую попытку принудить меня отговорить рабочихъ отъ ихъ намѣренія. Начальникъ Главнаго Тюремнаго Управленія Стремоуховъ, личный другъ министра Юстиціи Муравьева, призвалъ меня къ себѣ и въ присутствіи Инспектора тюремъ сказалъ, что ему поручено уговорить меня убѣдить рабочихъ стать на работу, при этомъ онъ намекнулъ мнѣ, что если я этого не сдѣлаю, то лишусь мѣста священника въ пересыльной тюрьмѣ.

„Если это—угроза, сказалъ я, то я предупреждаю, что буду дѣйствовать только согласно моимъ убѣжденіямъ". Разговоръ рѣзко оборвался послѣ того, какъ я сказалъ, что они могутъ дѣйствовать, какъ найдутъ для себя удобнымъ, но что и я оставляю за собой свободу дѣйствій.

Въ тотъ же самый день вечеромъ я собралъ депутацію изъ ста человѣкъ, и мы на заводѣ ожидали Смирнова. На всемъ заводѣ было только два полицейскихъ. Послѣ долгихъ разговоровъ на различныя темы Смирновъ отказалъ намъ во всѣхъ нашихъ требованіяхъ. Я предупредилъ его, что въ такомъ случаѣ вся отвѣтственность падаетъ на него, и мы оставили заводъ, сопровождаемые полицейскими, и отправились прямо на митингъ, гдѣ и доложили о происшедшемъ. Легко себѣ представить, съ какимъ негодованіемъ было встрѣчено сообщеніе. Рабочіе рѣшили твердо стоять на своемъ.

Такъ окончился второй день забастовки. Фуллонъ снова говорилъ со мной, причемъ сказалъ, что не можетъ больше ничего сдѣлать. Сознавая, что съ своей стороны я сдѣлалъ все, чтобы сохранить миръ, я рѣшилъ, что другого исхода не было, какъ всеобщая забастовка, а такъ какъ забастовка эта несомнѣнно вызоветъ закрытіе моего Союза, то я и поспѣшилъ съ составленіемъ петиціи и послѣдними приготовленіями.

5-го Января забастовали Франко-русскій и Семянниковскій заводы. Рабочіе разошлись по отдѣленіямъ Союза. Исчезло различіе между членами Союза и посторонними лицами и, безъ предварительнаго соглашенія, мы сдѣлались центромъ и представителями всего движенія. Я пригласилъ вожаковъ революціонной партіи присоединиться къ намъ и поддержать забастовку, сознавая, что въ данную минуту всякая помощь, откуда бы она ни была, была хороша. Когда революціонеры пришли на митингъ, то рабочіе вначалѣ отнеслись къ нимъ недружелюбно, но я постарался сгладить отношенія и примирить ихъ.

Какъ въ этотъ день, такъ и на слѣдующій, я ѣздилъ отъ одного отдѣленія къ другому и вездѣ произносилъ рѣчи. Но, т. к. нѣкоторыя помѣщенія не могли вмѣстить всю толпу, то была установлена очередь, и мнѣ приходидилось по 4 и даже по 6-ти разъ говорить въ одномъ и томъ же мѣстѣ. 7-го Января мнѣ пришлось говорить отъ 20 до 30 разъ рѣчи, въ которыхъ я развивалъ основныя идеи программы, выработанной нами въ тайномъ комитетѣ, при основаніи Союза. Всюду толпа давала мнѣ доказательства, что поняла изъ хода событій почему, экономическія требованія неразрывно связаны съ политическими. Весь день отдѣленія Союза изображали изъ себя ульи, гдѣ царило все возраставшее возбужденіе.

Въ ночь на 6-е Января я ушелъ изъ дома изъ боязни быть арестованнымъ и тѣмъ погубить все дѣло. Хотя Фуллонъ и далъ мнѣ честное слово, что меня не арестуютъ, но я не хотѣлъ подвергаться случайности. Мое послѣднее посѣщеніе моего дома навсегда останется въ моей памяти. Нѣкоторые изъ преданныхъ мнѣ людей пошли впередъ посмотрѣть, нѣтъ ли тамъ полиціи и не подстерегаютъ ли меня. Но никого не было, и я вошелъ въ домъ. Тамъ уже находилось нѣсколько литераторовъ и одинъ англійскій корреспондентъ. Я попросилъ моихъ друзей составить проектъ петиціи къ царю, въ которую вошли бы всѣ выработанные нами пункты. Ни одинъ изъ составленныхъ проектовъ не удовлетворилъ меня, но позднѣе, руководясь этими проектами, я самъ составилъ петицію, которая и была напечатана. Также я рѣшилъ, что народъ долженъ самъ подать эту петицію царю. Въ послѣдній разъ я оглядѣлъ свои три комнатки, въ которыхъ собиралось такъ много моихъ рабочихъ и ихъ женъ, такъ много бѣдныхъ и несчастныхъ, комнатки, въ которыхъ произносилось столько горячихъ рѣчей, происходило столько споровъ. Я посмотрѣлъ на висѣвшее надъ моей кроватью деревянное распятіе, которое очень любилъ, потому что оно напоминало мнѣ о жертвѣ, которую Христосъ принесъ для спасенія людей. Въ послѣдній разъ посмотрѣлъ я на картину „Христосъ въ пустынѣ“, висѣвшую на стѣнѣ, на мебель, сдѣланную для меня воспитанниками пріюта, гдѣ я былъ законоучителемъ. Подавленный горемъ, но исполненный твердости и рѣшимости, я оставилъ свой домъ, не надѣясь никогда больше его увидѣть.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Въ Министерствѣ Юстиціи.

Я провелъ остатокъ ночи въ домѣ одного изъ рабочихъ, работая надъ составленіемъ петиціи. Окончивъ ее, я отвезъ ее на слѣдующее утро къ одной дамѣ, которая обѣщала мнѣ напечатать ее, и затѣмъ вернулся домой, чтобы хотя немного отдохнуть. Одинъ изъ моихъ друзей,

разбудивъ меня, сказалъ, что ко мнѣ на домъ приходилъ курьеръ изъ Министерства Юстиціи съ предложеніемъ явиться туда. Отъ Митрополита Антонія была получена записка, также приглашавшая меня явиться, очевидно для объясненій по поводу забастовки. Предчувствуя неудачу, я рѣшилъ не ходить ни въ Министерство, ни къ Митрополиту. Но когда 8-го Января я убѣдился, что правительство намѣрено прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ, въ случаѣ, если мы не откажемся отъ нашихъ намѣреній, снова получилъ отъ Муравьева приглашеніе явиться, я рѣшилъ пойти, чтобы въ послѣдній разъ попытать окончить дѣло миромъ. Я зналъ, что я подвергался опасности быть арестованнымъ и такимъ образомъ оставить рабочихъ безъ руководителя въ такой критическій моментъ, но я долженъ былъ рискнуть, если этимъ можно было предотвратить надвигавшуюся трагедію.

Я рѣшилъ пойти въ Министерство послѣ полудня, а до того времени написать письма въ Министерство внутреннихъ дѣлъ и царю. Послѣднее письмо было немедленно отвезено двумя довѣренными лицами въ Царское Село съ приказаніемъ немедля доставить его въ руки царю.

„Государь, писалъ я, я боюсь, что министры не сказали Вамъ всей правды относительно положенія дѣлъ въ столицѣ. Сообщаю Вамъ, что народъ и рабочіе въ Петербургѣ, вѣря Вамъ, безповоротно рѣшили придти завтра къ 2 мъ часамъ къ Зимнему Дворцу, чтобы подать Вамъ петицію о своихъ и народныхъ нуждахъ. Если Вы колеблетесь и не захотите показаться народу, и будетъ пролита невинная кровь, то узы, связывающіе Васъ съ Вашимъ народомъ, порвутся, и довѣріе, которое имѣетъ къ Вамъ народъ исчезнетъ навсегда. Покажитесь же завтра безбоязненно Вашему народу и великодушно примите нашу скромную петицію. Я, какъ представитель народа, и мои славные товарищи гарантируемъ Вамъ полную безопасность, цѣной нашей жизни.“

Священникъ Гапонъ.

Не знаю, дошло ли мое письмо до государя, т. к. я никогда больше ничего не слышалъ о двухъ моихъ посланцахъ. Вѣроятно, они его доставили и были немедля арестованы. Письмо же къ Святополкъ-Мирскому было ему доставлено, хотя я и не хлопоталъ о его доставкѣ. Собравъ нѣсколько вожаковъ рабочихъ, я прочелъ имъ мое

письмо къ государю. Они одобрили его содержаніе, но послѣдняя фраза вызвала возраженіе. „Какъ можемъ мы гарантировать безопасность царю нашей жизнью“, серьезно спрашивали нѣкоторые изъ нихъ„, если какое нибудь неизвѣстное намъ лицо бросить бомбу, то мы должны будемъ покончить съ собой“. Слова эти доказывали, какая искренность и простодушіе руководили рабочими. Мнѣ пришлось употребить все мое вліяніе, чтобы убѣдить, что мы безусловно должны обѣщать царю эту гарантію. Затѣмъ письмо мое было подписано мною и моими товарищами, и я увѣренъ, что если-бы царь явился къ народу, и что-нибудь случилось бы съ Нимъ, люди эти покончили бы съ собой. Разставаясь съ ними, я сказалъ: „теперь идите къ своимъ и разскажите имъ о нашей петиціи и скажите, чтобы завтра они пришли подать ее царю. Если онъ не явится и будетъ пролита невинная кровь, то у насъ нѣтъ больше царя. Самъ я пойду къ Министру Юстиціи. Если меня арестуютъ, скажите объ этомъ товарищамъ и доведите дѣло до конца, если же меня не арестуютъ, то вечеромъ увидимся на митингѣ. Когда мой другъ К. вернулся изъ Министерства Вн. Д., мы вмѣстѣ поѣхали въ Министерство Юстиціи. Онъ остался въ сѣняхъ, а нѣкоторые изъ моихъ людей держались невдалекѣ, чтобы сообщить рабочимъ, въ случаѣ меня арестуютъ. Очевидно всѣ, т. е. швейцаръ, курьеры и чиновники знали о томъ, что происходитъ и о причинахъ моего посѣщенія т. к встрѣчали меня съ видимымъ любопытствомъ, уваженіемъ и даже низкопоклонствомъ.

„Скажите мнѣ откровенно, что все это значитъ“, спросило меня министръ, когда мы остались одни. Я, въ свою очередь попросилъ его сказать мнѣ откровенно, не арестуютъ ли меня, если я буду говорить безъ опаски. Онъ какъ будто смутился, но затѣмъ послѣ нѣкотораго размышленія, отвѣтилъ „нѣтъ“ и затѣмъ торжественно повторилъ это слово. Тогда я разсказалъ ему объ ужасныхъ условіяхъ, въ которыхъ находятся рабочіе и народъ въ Россіи.

„Страна, сказалъ я переживаетъ серьезный политическій и экономическій кризисъ, каждое сословіе предъявляетъ свои требованія, жалуется на свои нужды, выражая ихъ въ своихъ петиціяхъ къ царю, вотъ почему и рабочіе, жизнь которыхъ очень тяжела, желаютъ также изложить свои нужды царю. При этомъ я вручилъ ему копію нашей

петиціи. Всего было сдѣлано только 15 копій. Одиннадцать было роздано отдѣленіямъ нашего Союза, одна на лучшей бумагѣ для Государя, по одной Министрамъ Внутр. Дѣлъ и Юстиціи и одна для меня. (Я отдалъ ее корреспонденту одной англійской газеты, высказавъ при этомъ надежду, что и намъ Господь даруетъ тѣ права, которыми пользуется англійскій народъ). Поэтому я былъ очень удивленъ, когда Муравьевъ сказалъ мнѣ, что у него уже есть такая копія. Но взявъ мою, онъ внимательно просмотрѣлъ ее и, затѣмъ простеръ руки съ жестомъ отчаянія и воскликнулъ: „Но вѣдь вы хотите ограничить самодержавіе.“—„Да, отвѣтилъ я, но это ограниченіе было бы на благо, какъ самого царя, такъ и его народа. Если не будетъ реформъ свыше, то въ Россіи вспыхнетъ революція, борьба будетъ длиться годами и вызоветъ страшное кровопролитіе. Мы не просимъ, чтобы всѣ наши желанія были немедля удовлетворены, мы удовольствуемся удовлетвореніемъ наиболѣе существенныхъ. Пусть простятъ всѣхъ политическихъ и немедля созовутъ народныхъ представителей, тогда весь народъ станетъ обожать царя“. Глубоко взволнованный, я, пользуясь важностью момента, прибавилъ: „Ваше Превосходительство, мы переживаемъ великій историческій моментъ, въ которомъ вы можете сыграть большую роль. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ вы запятнали себя преслѣдованіемъ тѣхъ, кто боролся за свободу. Теперь вы имѣете случай смыть это пятно. Немедля напишите государю письмо, чтобы не теряя времени, онъ явился къ народу и говорилъ съ нимъ. Мы гарантируемъ ему безопасность. Падите ему въ ноги, если надо, и умоляйте его, ради него самого, принять депутацію, и тогда, благодарная Россія занесетъ ваше имя въ лѣтописи страны“. Муравьевъ измѣнился въ лицѣ, слушая меня, но затѣмъ внезапно всталъ, простеръ руку и, отпуская меня, сказалъ: „Я исполню свой долгъ“.

Когда я спускался по лѣстницѣ, меня поразила мысль, что эти загадочныя слова могли имѣть только тотъ смыслъ, что онъ поѣдетъ къ царю посовѣтовать стрѣлять безъ колебанія. Тогда я подошелъ къ телефону въ сѣняхъ и вызвалъ министра финансовъ Коковцева, разсказалъ ему о случившемся и просилъ его содѣйствія къ предотвращенію кровопролитія.

Отвѣта я не слышалъ, т. к. меня разъединили.

Съ этого момента я былъ убѣжденъ, что произойдутъ

серьезные безпорядки, но остановить движеніе было уже невозможно, не погубивъ всего его будущаго. Чтобы предупредить народъ о томъ, что его ожидаетъ, я послалъ делегатовъ въ Колпино, а самъ объѣхалъ всѣ 11 отдѣленій Союза. Въ каждомъ отдѣленіи я говорилъ рабочимъ, что они должны завтра идти со своими женами и дѣтьми и, что если государь не захочетъ насъ выслушать и встрѣтитъ пулями, то у насъ нѣтъ болѣе царя.

Въ теченіе послѣднихъ трехъ дней возбужденіе въ Петербургѣ все возрастало. Всѣ заводы, фабрики и мастерскія постепенно прекращали работу, такъ что вскорѣ не осталось ни одной дымящейся трубы во всемъ городѣ. Несмотря на то, что открытыя манифестаціи не дозволены въ Россіи, настроеніе народа ясно сказывалось. Тысячи мужчинъ и женщинъ постоянно собирались въ помѣщеніяхъ рабочаго Союза, предсѣдатели и вожаки безпрерывно говорили къ собравшимся, объясняя имъ содержаніе петиціи къ царю и подготовляли процессію къ Зимнему дворцу.

Послѣ каждой рѣчи, присутствующіе приглашались въ сосѣднюю комнату для подписи. Такимъ образомъ было собрано болѣе 100 тыс. подписей и знаковъ за неграмотностью. Что сталось со всѣми этими подписями въ дальнѣйшемъ, я не знаю.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Послѣднія приготовленія.

Свои разъѣзды отъ отдѣленія къ отдѣленію, я дѣлалъ въ санкахъ, запряженныхъ быстрою лошадью, управляемой преданнымъ мнѣ кучеромъ, и чтобы не быть узнаннымъ, я надѣлъ поверхъ рясы шубу и обыкновенную шапку. Въ помѣщеніи второго отдѣленія было до того жарко, что многіе лишались сознанія и митингъ прерывался восклицаніями: „я задыхаюсь!“ А въ помѣщеніи рабочаго клуба за Нарвской заставой, отъ недостатка воздуха погасли лампы и мы должны были продолжать нашъ митингъ на дворѣ. Стоя на бочкѣ, при освѣщеніи фонаря,

подъ открытымъ звѣзднымъ небомъ, я читалъ 10-ти тысячной толпѣ содержаніе нашей петиціи. Это было величественное и трогательное зрѣлище.

До 8-го января, т.-е. до того дня, когда послѣ свиданія съ министромъ юстиціи, я убѣдился, что власти, вѣроятно, захотятъ насъ остановить, я предписывалъ моимъ помощникамъ самимъ не касаться и другимъ не позволять касаться въ рѣчахъ особы Государя, но въ этотъ день я позволилъ имъ говорить открыто, что если къ намъ не отнесутся дружелюбно и миролюбиво, то вся вина въ этомъ падетъ на правительство и на царя. Въ этотъ день возгласы: „не надо царя, если онъ не хочетъ насъ выслушать" впервые раздались на нашихъ собраніяхъ. Вечеромъ 8-го января, въ одномъ изъ помѣщеній рабочаго клуба, собрались многіе представители соціалъ-демократической и соціалъ-революціонной партій. Несмотря на страшную усталость, я не могъ не говорить съ ними о нашемъ дѣлѣ. „Рѣшено, что завтра мы идемъ, сказалъ я имъ, но не выставляйте вашихъ красныхъ флаговъ, чтобы не придавать нашей демонстраціи революціоннаго характера. Если хотите, идите впереди процессіи. Когда я пойду въ Зимній Дворецъ, я возьму съ собою два флага, одинъ бѣлый, другой красный. Если государь приметъ депутацію, то я возвѣщу объ этомъ бѣлымъ флагомъ, а если не приметъ, то краснымъ, и тогда вы можете выкинуть свои красные флаги и поступать какъ найдете лучшимъ". Въ заключеніе я спросилъ, есть ли у нихъ оружіе, на что соціалъ-демократы отвѣтили мнѣ, что у нихъ есть нѣсколько револьверовъ, изъ которыхъ, какъ я понялъ, они приготовились стрѣлять въ войска, если тѣ будутъ стрѣлять въ народъ. Выработать какой-либо планъ не было времени. „Во всякомъ случаѣ, сказалъ я, не трогайте царя, онъ долженъ быть внѣ опасности. Еще лучше, если бы вовсе не было выстрѣловъ. Пусть спокойно возвращается въ Царское Село". Революціонеры мнѣ это обѣщали.

Изъ разговоровъ съ рабочими я вынесъ впечатлѣніе, что большая часть рабочаго населенія столицы собирается принять участіе въ завтрашней демонстраціи. На одномъ изъ митинговъ одна старушка спросила меня: „А что, если царь-батюшка долго къ намъ не выйдетъ. Мнѣ сказали, что его нѣтъ въ Петербургѣ".

„Да, отвѣтилъ я, но онъ недалеко, въ получасѣ ѣзды

отъ Петербурга. Мы должны ожидать его до глубокой ночи и вамъ лучше взять съ собой что поѣсть".

И они взяли съ собой хлѣбъ, а не оружіе.

Въ теченіе вечера я послалъ К. къ извѣстнымъ либераламъ, въ томъ числѣ и къ Максиму Горькому, съ просьбой сдѣлать, что можно, чтобы предотвратить кровопролитіе. Тѣ ходили къ Святополкъ-Мирскому, къ Витте, но безуспѣшно. Мои посѣщенія отдѣленій Союза окончились въ 7 час. вечера. Процессія наша представлялась мнѣ очень внушительной, и я сознавалъ, что сдѣлалъ все, что было въ моихъ силахъ. Въ этотъ день я сказалъ до 5-ти рѣчей.

Всѣ вожаки рабочихъ, всего около 18-ти человѣкъ, собрались въ одномъ изъ трактировъ, чтобы закусить и проститься другъ съ другомъ. Половой, прислуживавшій намъ, прошепталъ: „Мы знаемъ, что завтра вы идете къ царю, чтобы хлопотать о народѣ. Помоги Вамъ Господи". Не чувствуя себя въ безопасности въ этомъ трактирѣ, мы, закусивъ, пошли въ домъ одного изъ моихъ друзей. Меня подавляла мысль о томъ, что неужели я посылаю всѣхъ этихъ славныхъ людей на вѣрную смерть Они создали все это чудное движеніе. Что станетъ съ этимъ движеніемъ, если ихъ всѣхъ убьютъ? Въ концѣ-концовъ я рѣшилъ идти впереди, рѣшилъ и ихъ послать. Ставка была слишкомъ велика, чтобы останавливаться передъ жертвами. Теперь я вижу, что я очень ошибался. Я предложилъ каждому изъ вожаковъ избрать себѣ по два помощника, на случай, если они будутъ убиты, но я сомнѣваюсь, чтобы они это сдѣлали. Васильева я назначилъ замѣнить меня въ случаѣ, если меня убьютъ и еще одного, чтобы замѣнить Васильева Затѣмъ мы стали вырабатывать планъ демонстраціи, причемъ мы выяснили его только въ главныхъ чертахъ, предоставляя каждому отдѣленію Союза свободу самостоятельно дѣйствовать при организаціи своей процессіи. Конечная же цѣль — достигнуть Зимняго дворца, была для всѣхъ обязательна Я поблагодарилъ всѣхъ за оказанную мнѣ помощь въ нашемъ дѣлѣ. „Великій моментъ наступилъ для насъ, сказалъ я, не горюйте, если будутъ жертвы Не на поляхъ Манджуріи, а здѣсь на улицахъ Петербурга пролитая кровь, создастъ обновленіе Россіи. Не поминайте меня лихомъ. Докажите, что рабочіе умѣютъ не только организовать народъ, но и умереть за него". Всѣ были глубоко потрясены и пожимали другъ другу руки. Затѣмъ стали писать адреса

своихъ родственниковъ и родныхъ, чтобы тѣ, кто останется живъ, могъ позаботиться о семействахъ убитыхъ. Потомъ мы послали за ближайшимъ фотографомъ, который и явился не медля, но оказался тѣмъ самымъ, который снималъ насъ съ Фуллономъ, тогда я придумалъ какой-то предлогъ, чтобы отослать его, и мы пошли къ другому фотографу, который и снялъ насъ при свѣтѣ магнія.

Ночь я провелъ въ отдѣленіи Союза за Нарвской заставой. Меня привелъ туда мой тѣлохранитель Филипповъ, кузнецъ, громаднаго роста и хорошо вооруженный. Это былъ парень атлетическаго сложенія, съ большой бородой. Онъ также палъ жертвой „кроваваго воскресенья“. Пока мы шли, мы все время слышали зловѣщіе звуки шаговъ вооруженныхъ солдатъ и конныхъ казаковъ. Улицы кругомъ были пустынны, и только кое-гдѣ случайный прохожій боязливо шагалъ по снѣгу. Придя къ мѣсту назначенія, мы нашли тамъ большую толпу, среди которой находился и инженеръ съ одного изъ большихъ заводовъ. Съ самаго начала забастовки онъ съ большимъ интересомъ слѣдилъ за развитіемъ движенія и моимъ участіемъ въ немъ. Онъ былъ однимъ изъ вожаковъ мѣстной революціонной партіи и хотѣлъ видѣть меня, чтобы спросить, выработалъ ли я опредѣленный планъ дѣйствій на случай столкновенія съ войсками.

Я крѣпко заснулъ въ комнатѣ одного изъ рабочихъ, вѣрный Филипповъ спалъ на порогѣ моей комнаты, а нѣсколько человѣкъ караулили всю ночь на дворѣ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Утро 9-го января.

Ночь прошла спокойно, я всталъ въ 9 часовъ и напился чаю въ обществѣ нѣсколькихъ рабочихъ. Очевидно, полиція не знала, гдѣ я. Въ то время, какъ я пилъ чай, одинъ изъ рабочихъ, отъ котораго всѣ сторонились, подозрѣвая его въ шпіонствѣ, вбѣжалъ въ комнату, и увидѣвъ меня, остановился, пораженный и, прежде чѣмъ его

успѣли схватить, выбѣжалъ. Вскорѣ пришелъ посланный отъ Фуллона, который просилъ меня поговорить съ нимъ по телефону. Отговариваясь недосугомъ, я послалъ вмѣсто себя одного рабочаго, но рабочій вернулся не дойдя до телефона, т. к встрѣтилъ мѣстнаго пристава, который сказалъ ему: „А, такъ отецъ Гапонъ здѣсь". Рабочій понялъ, что мнѣ грозитъ опасность и поспѣшилъ обратно. Тогда я пошелъ въ наше отдѣленіе Союза. Тамъ на двери все еще висѣло большое объявленіе, приглашавшее всѣхъ рабочихъ въ Петербургѣ присоединиться къ процессіи къ Зимнему Дворцу. Объявленіе висѣло уже два дня и полиція не обращала на него вниманія. Фактъ этотъ давалъ мнѣ и моимъ вожакамъ поводъ думать, что или власти не намѣрены препятствовать намъ, или что полиція не знаетъ о намѣреніяхъ правительства. Очевидно и городское населеніе было того же мнѣнія, и это поощряло народъ примкнуть къ рабочей манифестаціи.

Въ 10 час., какъ я назначилъ, собралась огромная толпа. Всѣ безусловно были трезвы и пристойны, очевидно, сознавая все значеніе этого дня, какъ для рабочихъ, такъ и для народа. Тѣ, которые еще не знали содержанія петиціи, брали, чтобы прочесть ее.

Послышались первые раскаты грома готовой разразиться грозы. Пришло нѣсколько рабочихъ, которые съ тревогой, но еще не придавая этому настоящаго значенія, разсказывали, что у рѣшетки за Нарвской заставой, стоятъ войска. Передъ выступленіемъ процессіи, одинъ за другимъ приходили гонцы, со словъ которыхъ намъ стало яснымъ, что за ночь весь Петербургъ превратился въ военный лагерь. По всѣмъ улицамъ двигались войска: кавалерія, пѣхота, артиллерія, сопровождаемыя походными кухнями и лазаретами. Всюду, вокругъ костровъ стояли пикеты съ оружіемъ, поставленнымъ въ козлы. Даже лейбъ-гвардія стояла наготовѣ. „Красные" казаки его величества и синіе атаманцы были разставлены въ предмѣстьяхъ города. Вся площадь передъ Зимнимъ дворцомъ была занята войсками разнаго рода оружія, а въ скверахъ расположились лагеремъ полки. Заняты войсками были и мосты черезъ Неву, въ особенности Троицкій, на которомъ стояли казаки, уланы, гренадеры и Новгородскіе драгуны. Изъ Петропавловской крѣпости были вывезены три пушки и поставлены на мосту, который соединяетъ крѣпость съ городомъ. Даже въ самой крѣпости были сдѣланы разныя

приготовленія, какъ-будто японцы, а не безоружные подданные царя, грозили ей. Очевидно, власти боялись, что народъ сдѣлаетъ попытку напасть на арсеналъ. По дошедшимъ до меня свѣдѣніямъ, всѣ военныя распоряженія исходили отъ вел. кн. Владиміра, но приказы отдавались отъ имени кн. Васильчикова. Всюду были остановлены трамваи, но движеніе на саняхъ и пѣшее продолжалось. Видя все это, я подумалъ, что хорошо было бы придать всей демонстраціи религіозный характеръ и немедленно послалъ нѣсколькихъ рабочихъ въ ближайшую церковь за хоругвями и образами, но тамъ отказались дать намъ ихъ. Тогда я послалъ 100 человѣкъ взять ихъ силой, и черезъ нѣсколько минутъ они принесли ихъ. Затѣмъ я приказалъ принести изъ нашего отдѣленія царскій портретъ, чтобы этимъ подчеркнуть миролюбивый и пристойный характеръ нашей процессіи.

Толпа выросла до громадныхъ размѣровъ. Мужчины приходили съ своими женами и дѣтьми, одѣтыми по праздничному. Случайно возникавшія недоразумѣнія немедленно прекращались словами: „не время спорить“.

Въ началѣ одиннадцаго часа мы двинулись съ юго-западной части города къ центру, Зимнему дворцу. Это была первая изъ всѣхъ процессій, когда-либо шедшихъ по улицамъ Петербурга, которая имѣла цѣлью просить государя признать права народа. Утро было сухое, морозное. Я предупреждалъ людей, что тѣ, которые понесутъ хоругви, могутъ пасть первыми, когда начнутъ стрѣлять, но въ отвѣтъ на это толпа людей бросилась впередъ, оспаривая опасную позицію. Одна старушка, очевидно, желавшая доставить своему 17-ти лѣтнему сыну случай видѣть царя, дала ему въ руки икону и поставила въ первый рядъ. Въ первомъ же ряду стояли и несшіе царскій портретъ въ широкой рамѣ, во второмъ ряду несли хоругви и образа, а посрединѣ шелъ я. За нами двигалась толпа, около 20-ти тыс. человѣкъ мужчинъ, женщинъ, старыхъ и молодыхъ. Несмотря на сильный холодъ, всѣ шли безъ шапокъ, исполненные искренняго желанія видѣть царя, чтобы по словамъ одного изъ рабочихъ „надобно дѣтямъ“ выплакать свое горе на груди царя-батюшки.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Бойня у Нарвской заставы.

„Прямо идти къ Нарвской заставѣ, или окольными путями?“ спросили меня. — Прямо къ заставѣ, мужайтесь, или смерть, или свобода,“—крикнулъ я. Въ отвѣтъ раздалось громовое „ура“. Процессія двигалась подъ мощное пѣніе „Спаси Господи люди Твоя“, причемъ когда доходило до словъ „Императору нашему Николаю Александровичу“, то представители соціалистическихъ партій неумѣстно замѣняли ихъ словами „спаси Георгія Аполлоновича“, а другіе повторяли: „смерть или свобода“. Процессія шла сплошной массой. Впереди меня шли мои два тѣлохранителя и одинъ парень съ черными глазами, съ лица котораго тяжелая трудовая жизнь не стерла еще юношескихъ красокъ. По сторонамъ толпы бѣжали дѣти. Нѣкоторыя женщины настаивали идти въ первомъ ряду, чтобы своими тѣлами защищать меня, и большого труда стоило уговорить ихъ. Не могу не упомянуть, какъ о знаменательномъ фактѣ, что, когда процессія двинулась, полиція не только не препятствовала намъ, но сама безъ шапокъ шла вмѣстѣ съ нами, подтверждая этимъ религіозный характеръ процессіи. Два полицейскихъ офицера, также безъ шапокъ, шли впереди насъ, расчищая дорогу и направляя въ сторону встрѣчавшіеся намъ экипажи. Такимъ образомъ подходили мы къ Нарвской заставѣ. Толпа становилась все больше, пѣніе болѣе внушительнымъ и вся сцена болѣе драматичной. Наконецъ мы находились всего въ двухстахъ шагахъ отъ войскъ. Ряды пѣхоты преграждали намъ путь, впереди пѣхоты стояла кавалерія съ саблями наголо. Неужели они тронутъ насъ? На минуту мы смутились, но затѣмъ снова двинулись впередъ.

Вдругъ сотня казаковъ бросилась на насъ съ обнаженными саблями. Итакъ, значитъ будетъ бойня. Сообразить что-либо, отдать приказаніе, тѣмъ болѣе выработать планъ какой-либо, не было времени. Раздался крикъ ужаса, когда казаки обрушились на насъ. Передніе ряды разступились направо и налѣво и казаки пронеслись по образовавшемуся проходу, рубя на обѣ стороны. Я видѣлъ

какъ подымались сабли и мужчины, женщины и дѣти падали, какъ подкошенные. Стоны, проклятья и выстрѣлы наполнили воздухъ. По моему приказанію передніе ряды снова сомкнулись за казаками, которые проникая все глубже и глубже въ толпу, выѣхали наконецъ съ противоположной стороны. Снова торжественно, но уже съ яростью въ сердцѣ, мы двинулись впередъ. Тѣмъ временемъ казаки, повернувъ лошадей, снова стали прорѣзывать толпу въ обратномъ направленіи. Промчавшись, они направились къ Нарвской заставѣ, гдѣ ряды пѣхоты, разступившіеся, чтобы пропустить казаковъ, снова сомкнулись. Мы все подвигались впередъ, хотя ряды грозно сверкавшихъ штыковъ не сулили намъ ничего добраго. Когда процессія еще только двинулась на путь, мой добрый другъ рабочій К. сказалъ мнѣ: „Мы пожертвуемъ нашей жизнью". Да будетъ такъ.

Мы были не болѣе какъ въ 30-ти шагахъ отъ солдатъ, насъ раздѣлялъ только мостъ черезъ Таракановку (которая считается границей города), какъ вдругъ, безъ всякаго предупрежденія, раздался залпъ. Какъ мнѣ говорили потомъ, сигналъ былъ данъ, но за пѣніемъ мы его не слышали, а если бы и слышали даже, то не знали, что онъ означаетъ. Васильевъ, шедшій со мной рядомъ и державшій меня за руку, внезапно выпустилъ мою руку и опустился на снѣгъ. Одинъ изъ рабочихъ, несшихъ хоругвь, также упалъ. Когда я сказалъ объ этомъ одному изъ двухъ полицейскихъ офицеровъ, сопровождавшихъ насъ, тотъ немедленно крикнулъ: „Что вы дѣлаете, какъ вы смѣете стрѣлять въ портретъ государя". Но это не помогло, и, какъ я узналъ позже, оба офицера пали, одинъ убитый, а другой опасно раненый. Тогда, обернувшись къ толпѣ, я крикнулъ, чтобы всѣ легли на землю и легъ самъ. Пока мы лежали, залпъ раздавался за залпомъ и казалось конца имъ не будетъ. Толпа стала сперва на колѣни, а потомъ легла плашмя, стараясь защитить головы отъ града пуль, задніе же ряды обратились въ бѣгство. Дымъ отъ выстрѣловъ, подобно облаку, стоялъ передъ нами и щекоталъ въ горлѣ. Старикъ Лаврентьевъ, несшій царскій портретъ, выпавшій изъ его рукъ, также былъ убитъ слѣдующимъ залпомъ. Умирая, онъ проговорилъ: „Я умру, но я хочу видѣть царя". Одному изъ несшихъ хоругвь пулей перебило руку. Маленькій 10-лѣтній мальчикъ, несшій фонарь, упалъ пораженный пулей, но продолжалъ

крѣпко держать фонарь, и пытался встать, но былъ убитъ второй пулей. Оба кузнеца, охранявшіе меня, также были убиты, какъ и всѣ тѣ, кто несъ образа и хоругви, теперь валявшіеся на снѣгу. Солдаты продолжали стрѣлять во дворы прилегающихъ домовъ, куда толпа искала скрыться, и, какъ я узналъ потомъ, пули черезъ окна попадали и въ постороннихъ лицъ. Наконецъ стрѣльба прекратилась. Съ нѣсколькими уцѣлѣвшими стоялъ я, и смотрѣлъ на распростертыя вокругъ меня тѣла. Я крикнулъ имъ: „встаньте", но они продолжали лежать. Почему же они не встаютъ? Я снова посмотрѣлъ на нихъ и замѣтилъ, какъ безжизненно лежатъ руки и какъ по снѣгу бѣжали струйки крови. Тогда я все понялъ. У ногъ моихъ лежалъ мертвый Васильевъ. Ужасъ охватилъ меня. Мозгъ мой пронизала мысль: и все это сдѣлалъ батюшка-царь. Мысль эта спасла меня, т. к. теперь я былъ убѣжденъ, что съ этого момента начнется новая глава въ исторіи русскаго народа. Я всталъ и вокругъ меня собрались нѣсколько рабочихъ. Оглянувшись назадъ, я увидѣлъ, что процессія наша разстроилась и многіе бѣжали. Напрасно было взывать къ нимъ, и я стоялъ, дрожа отъ гнѣва, въ центрѣ небольшой кучки людей, на развалинахъ нашего рабочаго движенія. Когда мы стояли, снова раздались выстрѣлы, и мы снова легли. Послѣ послѣдняго залпа, я всталъ невредимъ, но оказался одинъ. Въ эту минуту отчаянія, кто-то взялъ меня за руку и повелъ въ боковую улицу въ нѣсколькихъ шагахъ отъ мѣста бойни. Сопротивляться не имѣло смысла. Что большаго могъ я сдѣлать? „Нѣтъ у насъ больше царя", воскликнулъ я.

Безсознательно отдался я въ руки своихъ спасителей. Всѣ, за исключеніемъ небольшой кучки людей, были убиты, или бѣжали въ ужасѣ. Вѣдь мы были безоружны. Оставалось только ждать дня, когда виновные будутъ наказаны, зло будетъ исправлено, дня, когда мы придемъ безоружными только потому, что въ оружіи болѣе не будетъ надобности.

Изъ сосѣдней улицы къ намъ подошли нѣсколько рабочихъ, и я узналъ въ моемъ спасителѣ того инженера, съ которымъ я видѣлся предыдущею ночью у Нарвской заставы. Вынувъ изъ кармана ножницы, онъ обрѣзалъ мнѣ волосы, и рабочіе подѣлили ихъ между собой. Одинъ изъ нихъ снялъ съ меня рясу и шляпу и далъ мнѣ свою поддевку, но она оказалась въ крови, тогда другой рабочій снялъ

съ себя свое рваное пальто и шляпу и настоялъ, чтобы я надѣлъ ихъ. Все это заняло не больше 2-хъ-3-хъ минутъ. Инженеръ торопилъ меня пойти съ нимъ въ домъ одного изъ его друзей. Я согласился.

Тѣмъ временемъ солдаты стояли у Нарвской заставы и не только не помогали сами, но не позволяли никому помочь раненымъ. Только долго спустя стали укладывать мертвыхъ и раненыхъ на санки и отвозить въ мертвецкую или въ больницы. По свидѣтельству докторовъ подавляющее большинство серьезныхъ ранъ были въ голову и корпусъ и весьма рѣдко въ руки и ноги. Въ нѣкоторыхъ тѣлахъ было по нѣсколько пуль. Ни на одномъ изъ убитыхъ не было найдено никакого оружія, даже камня въ карманѣ. Одинъ изъ докторовъ, въ больницу котораго было привезено 34 трупа, говорилъ, что видъ ихъ былъ потрясающій, лица искажены ужасомъ и страданіемъ, а земля кругомъ покрыта лужами крови.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Первыя баррикады.

Черезъ нѣсколько дней я узналъ, что и остальныя отдѣленія нашего Союза не меньше пострадали въ разныхъ частяхъ города. Не считая маленькихъ группъ рабочихъ, имѣвшихъ мѣстожительство въ центрѣ города, было всего 4 сборныхъ пункта. Нашъ—въ юго-западной части города, другой—на Петербургской сторонѣ, третій—на Васильевскомъ островѣ и четвертый—на Шлиссельбургскомъ трактѣ.

9 го утромъ на Петербургской сторонѣ собралась большая толпа, въ ожиданіи выхода процессіи. Всѣ были настроены весьма мирно, никто не ждалъ бѣды. Къ стоявшей толпѣ подъѣзжало нѣсколько конныхъ солдатъ, просили закурить и дружески разговаривали съ рабочими. Передъ выходомъ процессіи разнесся слухъ, что путь къ Зимнему дворцу прегражденъ, и что казаки будутъ убивать саблями и мужчинъ и женщинъ. Несмотря на это,

процессія направилась къ Троицкому мосту, въ томъ же направленіи шла и другая толпа съ Выборгской стороны, выступившая съ Оренбургской улицы. Никто не мѣшалъ соединенію этихъ процессій до Александровскаго парка, гдѣ онѣ встрѣтили войска, загородившіе имъ путь на Троицкій мостъ. Одинъ офицеръ подъѣхалъ на сто шаговъ къ толпѣ. Видя его махающимъ рукой, первые ряды остановились и выслали трехъ делегатовъ для переговоровъ съ нимъ. Но прежде, чѣмъ они подошли къ нему, онъ крикнулъ: „не подходите, или будемъ стрѣлять.“ Делегаты стали на колѣни и вывернули карманы, показывая, что они безоружны. Тогда офицеръ подъѣхалъ къ нимъ, взялъ у одного изъ нихъ копію петиціи къ царю и повелъ его за собой къ войскамъ, другіе два делегата пошли за нимъ. Полагая, что они получили разрѣшеніе идти, толпа двинулась впередъ Немедленно, безъ всякаго предупрежденія раздался залпъ одинъ, другой, третій. Многіе были убиты и болѣе сотни ранены. Все это со словъ очевидца произошло чрезвычайно быстро, такъ что если-бы толпа даже и желала бы разойтись, то не имѣла-бы времени, да и разбѣжаться не было возможности, потому что всѣ сосѣднія улицы были полны народомъ. Тѣхъ, которые искали спасенія по Дворянской улицѣ, ведущей къ Самсоньевскому мосту на Выборгской сторонѣ, преслѣдовала кавалерія, рубя направо и налѣво. Многіе искали скрыться въ ближайшихъ дворахъ, но по приказанію офицера, всѣ ворота были заперты Даже когда уже улицы были очищены и все было спокойно, безоружные прохожіе не были гарантированы отъ нападеній. Нѣкто Мартинатъ, германскій подданный, получилъ ударъ саблей по головѣ и, когда онъ упалъ, солдатъ продолжалъ рубить его. И это былъ не единственный случай. И здѣсь также убитые и раненые лежали неубранные, т. к. полиція и войска не позволяли никому подходить къ нимъ. Нѣкоторые останавливали проѣзжающихъ извозчиковъ, чтобы увезти пострадавшихъ, но полиція не позволяла этого дѣлать и даже ранила нѣсколькихъ ослушниковъ, но несмотря на это извощики не только помогали увозить пострадавшихъ, но даже не брали за это денегъ.

Событіе 9-го Января не осталось безъ вліянія на народъ. Оно вызвало видимую перемѣну въ его настроеніи. Видъ сотенъ безоружныхъ и невинныхъ жертвъ переполнилъ чашу народнаго терпѣнія. Не успѣвали разгонять

толпу, какъ она снова собиралась въ другомъ мѣстѣ, ораторы-революціонеры, до того дня нежеланный элементъ среди рабочихъ, находили массу слушателей. „Не стоитъ идти къ Зимнему дворцу, говорили они, вы видите, что царь не хочетъ принять вашей петиціи Мы ничего не добьемся отъ него съ пустыми руками. Мы должны быть вооружены“. Въ отвѣтъ на это съ разныхъ концовъ толпа кричала: „дайте намъ оружіе“. Разбившись на малыя группы, толпа двигалась по сосѣднимъ улицамъ, останавливая проѣзжавшихъ офицеровъ и полицейскихъ и отнимала у нихъ оружіе. При всемъ этомъ, толпа старалась сохранить извѣстный порядокъ, и, хулигановъ, пытавшихся громить лавки, можетъ быть даже по наущенію полиціи, рабочіе хватали и прогоняли.

Рабочіе съ Васильевскаго острова, собравшись около своего клуба, на 4-ой улицѣ, между Среднимъ и Малымъ проспектами, намѣревались пройти къ Зимнему дворцу черезъ мостъ, ведущій на Адмиралтейскую набережную.

Выслушавъ приказанія своихъ вожаковъ, и дважды пропѣвъ молитву, толпа въ полномъ порядкѣ двинулась въ двѣнадцатомъ часу по направленію къ Невѣ. Вскорѣ имъ преградили путь войска, пѣхота и кавалерія съ саблями наголо. Толпа, на этотъ разъ небольшая, подошла къ войскамъ на этотъ разъ на разстояніи 20 шаговъ и остановилась. Выступила депутація отъ толпы, и, махая бѣлыми платками и подымая кверху руки, чтобы показать, что она безоружна, старалась объяснить офицеру свои мирныя намѣренія И здѣсь также безъ всякаго предупрежденія, по приказу офицера, отрядъ кавалеріи съ обнаженными саблями, врѣзался въ толпу. Толпа быстро разступилась къ панелямъ. Когда кавалерія проѣхала толпу, пѣхота взяла ружья на прицѣлъ, но на этотъ разъ не стрѣляла. Кавалерія разогнала сабельными ударами толпу по сосѣднимъ улицамъ, гдѣ солдаты и полиція многихъ ранили и убили. Толпа разошлась. Разсказы о бойняхъ въ другихъ мѣстахъ вызвали взрывъ негодованія среди рабочихъ. Когда провозили въ саняхъ раненаго мальчика, толпа кричала: „оружія“. Полицейскихъ разоружали, но желавшимъ грабить лавки не позволяли товарищи. Кто-то вспомнилъ о томъ, что неподалеку есть оружейный магазинъ и толпа бросилась туда. По требованію толпы, дрожащими отъ страха руками, сторожъ съ трудомъ открылъ дверь, а другой, не менѣе испуганный, указалъ на

подвалъ, гдѣ хранилось оружіе. Когда дверь въ подвалъ не удалось открыть, нѣсколько человѣкъ изъ толпы влѣзли въ окно и нашли въ подвалѣ груды старыхъ, ржавыхъ сабель, кавказскихъ кинжаловъ, которые и выкинули на улицу. Также были взяты куски желѣза и все, что могло служить оружіемъ. Когда лавка была разграблена, разнесся слухъ, что идутъ солдаты, и толпа двинулась обратно къ 4-ой улицѣ, гдѣ ее ожидала масса народу, прислушивавшаяся къ залпамъ, раздававшимся по ту сторону Невы. Подходившихъ вооруженныхъ товарищей толпа встрѣчала восторженными криками. Немедленно черезъ улицу была протянута проволока и за нею сдѣланы баррикады, между которыми стояла толпа. Показался отрядъ казаковъ, но, увидѣвъ препятствіе, повернулъ назадъ. Вскорѣ пришла пѣхота и, ставъ въ ряды, стала давать залпъ за залпомъ. Многіе изъ защитниковъ баррикадъ разбѣжались, другіе скрылись по сосѣднимъ домамъ, откуда бросали въ войска камни и другіе предметы. Вскорѣ проволока была перерѣзана, баррикады разрушены, причемъ многіе изъ неуспѣвшихъ разбѣжаться были убиты, или серьезно ранены. Едва-ли въ какой-либо части города была проявлена такая жестокость къ рабочимъ, какъ на Васильевскомъ островѣ. Офицеръ Гурьевъ открыто хвастался своею храбростью. Когда онъ усталъ рубить саблей, онъ спросилъ штыкъ и съ нимъ бросился на молодого рабочаго, стоявшаго у входа въ домъ. Гурьевъ загналъ его въ домъ, и когда тотъ бросился вверхъ по лѣстницѣ, Гурьевъ нагналъ его и закололъ штыкомъ. Убитый былъ почти еще ребенокъ. Гурьевъ самъ разсказывалъ эту исторію. Одинъ изъ уланъ съ восторгомъ разсказывалъ, какъ онъ заставлялъ рабочихъ самихъ разрушать баррикады, и, когда тѣ отказывались, ударилъ одного изъ нихъ саблей, затѣмъ ударилъ другого, а третій уже сталъ растаскивать бревна. Проволока и баррикады имѣли цѣлью защитить рабочій клубъ отъ нежелательнаго вторженія войскъ. Чтобы облегчить отступленіе, были силой раскрыты ворота всѣхъ ближайшихъ домовъ. Рабочіе имѣли смутное представленіе о томъ, какъ строить баррикады, но имъ помогъ въ этомъ дѣлѣ одинъ блѣдный, маленькаго роста офицеръ, посвятившій себя служенію народу. Трогательно было видѣть, какъ они его слушали и съ какимъ увлеченіемъ работали. Напротивъ помѣщенія рабочаго клуба строился домъ и оттуда рабочіе брали всѣ матеріалы для баррикадъ.

Чтобы прекратить правительственное сообщеніе съ этой частью города, были срѣзаны телеграфныя проволоки и спилены столбы. На Маломъ проспектѣ и на 6-ой улицѣ также были спилены столбы.

На баррикадѣ въ первомъ ряду стоялъ одинъ политическій студентъ, недавно выпущенный послѣ долгаго тюремнаго заключенія. Какимъ-то чудомъ онъ не былъ раненъ ни однимъ изъ залповъ и продолжалъ стоять со знаменемъ въ рукѣ, пока его не подняли на штыки и не разорвали. Люди мужественно умирали на баррикадѣ. Послѣ перваго холостого залпа одинъ изъ защитниковъ баррикады, размахивая знаменемъ, крикнулъ солдатамъ: „если совѣсть вамъ позволяетъ, стрѣляйте". И немедленно палъ, пронзенный нѣсколькими пулями.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Около дворца.

Офицеръ, которому было поручено остановить процессію, двигавшуюся по Шлиссельбургскому тракту, дѣйствовалъ болѣе гуманно. Толпа болѣе, чѣмъ въ 10 тыс. человѣкъ двинулась въ 9 час. утра, имѣя въ виду дальность разстоянія отъ города. Велъ ее предсѣдатель отдѣла Союза Петровъ. Какъ и въ другихъ мѣстахъ, въ толпѣ этой было много женщинъ и дѣтей, и процессія растянулась болѣе, чѣмъ на версту. Радостно возбужденная, но мирно настроенная, шла толпа, вѣря въ успѣхъ. У Шлиссельбургскихъ воротъ ей пресѣкли дорогу пѣхота и атаманскіе казаки. Полицейскій офицеръ и казачій полковникъ подъѣхали и убѣждали толпу остановиться, но Петровъ и еще нѣсколько рабочихъ подошли къ нимъ, прося пропустить процессію, т. к. „они не нарушали общественной тишины". Полковникъ не согласился и повторилъ, если толпа не послушается, то онъ вынужденъ будетъ стрѣлять. Послѣ долгихъ препираній, толпа все-таки двинулась впередъ. Тогда раздались три залпа и толпа пала ницъ. Были ли залпы холостые, была ли это случайность,

или солдатами руководило состраданіе, но никто не былъ раненъ. Толпа встала и снова двинулась впередъ. Тогда пѣхота разступилась и пропустила казаковъ, которые врѣзались въ толпу. Нѣкоторые оказались ранеными. Петровъ пострадалъ сильно, сбитый съ ногъ ударомъ и потоптанный лошадью. Фактически наступленіе толпы прекратилось. Къ счастью, солдаты смѣшались съ толпою и стрѣлять нельзя было. Командиръ снова крикнулъ, что получилъ приказъ не пускать процессіи на мостъ. Вожаки поняли эти слова такъ, что черезъ мостъ идти нельзя, а другой дорогой можно и вся толпа бросилась боковой дорогой къ Невѣ, чтобы по льду пройти на противоположный берегъ къ центру города. Многіе разсчитывали дойти такимъ образомъ до Адмиралтейской набережной, позади Зимняго дворца.

И изъ другихъ частей города рабочіе, не смотря на нападеніе войскъ, пробрались въ большомъ числѣ къ центру города и соединились съ группою изъ Центральнаго отдѣленія Союза, около Дворцовой площади и по Невскому проспекту.

Какъ доказало тщательное разслѣдованіе, предпринятое представителями Петербургской адвокатуры, движеніе по Невскому въ это утро, между Знаменской площадью и Полицейскимъ мостомъ, не прекращалось. Съ ранняго утра до часу дня оно совершалось безпрепятственно, хотя и въ большихъ, противъ обычныхъ, размѣрахъ. Рабочихъ сперва было мало, но потомъ количество ихъ возрасло. Дворцовая площадь была превращена въ военный лагерь.

Внезапно въ половинѣ второго, по приказанію капитана Кавалергардскаго полка, эскадронъ солдатъ бросился на женщинъ. Очевидецъ разсказывалъ, что залитое кровью мѣсто бойни имѣло ужасный видъ. Сотни пали на мѣстѣ, и въ то же время стали раздаваться безпрерывные залпы съ боковыхъ улицъ Невскаго. Офицеры и солдаты какъ-будто перестали быть людьми. Одинъ офицеръ, на вопросъ, зачѣмъ стрѣляютъ, отвѣтилъ: „они намъ надоѣли", а другой сказалъ: „я имъ говорю разойтись, а они только смѣются". Въ одномъ мѣстѣ кучка народа, спрятавшаяся въ уголъ, была вся перебита. Одинъ изъ этой кучки, оставшійся въ живыхъ, выступилъ впередъ и, разстегнувъ одежду, обнажилъ грудь и крикнулъ: „стрѣляйте сюда". Раздался выстрѣлъ, и малый палъ мертвымъ. Происхо-

дила бойня и на Малой Морской у Пѣвческаго моста, гдѣ кавалергарды, сбивъ съ ногъ толпу, стрѣляли въ нее. Около Полицейскаго моста мало-по-малу собралась толпа, и когда въ четвертомъ часу на нее напала рота Московскаго полка, одинъ изъ толпы поспѣшилъ выступить впередъ и сталъ говорить солдатамъ, что они также были рабочими, и когда окончатъ службу, снова станутъ ими. Тогда офицеръ бросился на него и сталъ тащить на середину улицы и, когда товарищи стали защищать его, онъ вынулъ револьверъ и выстрѣлилъ въ нихъ. Одинъ изъ рабочихъ упалъ, обливаясь кровью, но это не удовлетворило офицера и онъ приказалъ солдатамъ стрѣлять. Мои несчастные рабочіе все еще думали, что стрѣляютъ холостыми снарядами, но когда раздались три залпа, на землѣ лежали кучи убитыхъ и раненыхъ.

Четверть часа спустя на Полицейскомъ мосту послышался сигналъ. Стоявшая тамъ мирная толпа не знала, что это значитъ. Не было ни безпорядка, ни шума, и войска стали въ 20-ти шагахъ отъ народа. Внезапно раздался залпъ и пало нѣсколько жертвъ. Остальные бросились бѣжать по Невскому и имъ вслѣдъ были сдѣланы еще два залпа. Невскій—такая прямая и широкая улица, что пули бьютъ на очень большое разстояніе и давать тамъ залпы—форменная бойня. Не могу не упомянуть, что во многихъ случаяхъ у раненыхъ выходное отверстіе отъ пули было больше, чѣмъ входное, что по словамъ докторовъ доказываетъ, что употреблялись разрывныя пули. Кромѣ Васильевскаго острова нигдѣ, кажется, не была проявлена офицерами и солдатами такая безпричинная и страшная жестокость, какъ здѣсь. Баронъ Анатолій Остенъ-Сакенъ, не состоявшій даже въ нарядѣ, ударилъ саблей старика на Милліонной улицѣ. Жерве, офицеръ Финляндскаго полка, проявилъ не только жестокость, но и трусость, прячась въ опасные моменты за спины своихъ солдатъ. Очевидно, не всѣ солдаты стрѣляли охотно, т. к. офицеръ Преображенскаго полка Николай Мансуровъ, скомандовавшій первый залпъ на Дворцовой площади и неудовольствовавшійся наличностью кучи убитыхъ и раненыхъ, пошелъ осматривать ружья у солдатъ и нашелъ 8 неразряженныхъ. Эти 8 солдатъ были немедленно арестованы. Много бѣдныхъ дѣтокъ, побуждаемыхъ свойственнымъ имъ любопытствомъ, или желаніемъ лучше видѣть, влѣзло на деревья. Одинъ изъ фельдфебелей подо-

шелъ къ Мансурову и, показывая на дѣтей, спросилъ позволенія его благородія снять ихъ, офицеръ позволилъ, и пули прекратили жизнь этихъ малышей. Полныя сани дѣтскихъ труповъ увозили съ этого мѣста, и, какъ мнѣ говорили, почти у каждаго изъ убитыхъ застыла улыбка на лицѣ, такъ неожиданно постигла ихъ смерть.

Такъ безсмысленны были поступки царскихъ слугъ въ этотъ памятный день. Только позднѣе я узналъ подробности о бойняхъ въ различныхъ частяхъ города. Когда я находился въ переулкѣ около Нарвской заставы, гдѣ моя процессія была разгромлена и разсѣяна, мнѣ стало яснымъ, что то, что произошло здѣсь, должно было произойти и въ другихъ частяхъ города. Я понялъ, что пока народъ не будетъ вооруженъ, ничего нельзя достигнуть. Мой другъ инженеръ убѣждалъ меня идти съ нимъ въ домъ его друга, говоря, что вопросъ о томъ, какъ добыть оружіе, будетъ сегодня же обсуждаться и можетъ быть будетъ рѣшенъ. Я чувствовалъ, что долженъ не медля войти въ общеніе съ тысячами рабочихъ нашего Союза, которые волнуются не только о судьбѣ своихъ родныхъ и знакомыхъ, но и о будущемъ рабочаго движенія. Тогда я рѣшилъ составить прокламацію о значеніи того, что произошло и сдѣлать соотвѣтственный выводъ, и затѣмъ пошелъ за моимъ спасителемъ. На улицѣ, по которой мы шли, лежалъ раненый, въ глазахъ его, когда онъ смотрѣлъ на насъ, не было страданія, они свѣтились сознаніемъ, что онъ пострадалъ за великое дѣло. Рабочій, догнавшій насъ по дорогѣ, сказалъ, что улицы полны войскъ и сыщиковъ. Я предложилъ сопровождавшимъ насъ разойтись въ разныя стороны. Мы сами наткнулись на патруль, но онъ насъ пропустилъ. Немного дальше, мы снова наткнулись на патруль и снова насъ пропустили. Мы шли мимо Балтійскаго и Варшавскаго вокзала, оба кишѣли жандармами. Идя обходнымъ путемъ, мы постоянно встрѣчали кучки народа, съ ужасомъ и возмущеніемъ говорившихъ объ утреннихъ событіяхъ. На каждомъ шагу мы видѣли душу раздирающія сцены. Тутъ, рыдая на колѣняхъ передъ трупомъ ребенка, стояла мать. Тамъ, двѣ дамы перевязывали горло молодой дѣвушкѣ, безъ жалобъ трогательно смотрѣвшей на нихъ. Проходившіе мимо рабочіе останавливались на минуту, и я слышалъ, какъ одинъ изъ нихъ сказалъ: „вы пострадали за насъ, придетъ часъ, когда мы за васъ отомстимъ“. Проѣхалъ из-

возчикъ, боязливо оглядывавшійся на стоявшихъ невдалекѣ солдатъ. На извозчикѣ сидѣлъ студентъ, поддерживавшій другого студента, блѣдное и безжизненное лицо котораго говорило о смерти. Разстегнутая одежда позволяла видѣть страшную рану на груди. Два проходившихъ рабочихъ, сняли шапки и перекрестились. Въ двухъ мѣстахъ мы наткнулись на кучки тѣлъ, лежащихъ на снѣгу. Стоявшія на перекресткѣ войска не позволяли никому подходить къ нимъ. Видѣли много раненыхъ, прятавшихъ свои раны, чтобы добраться до дому. Всюду ходили патрули, разсѣивая народъ, который не медля снова собирался въ группы.

„Трусы, васъ бьютъ въ Манджуріи, а здѣсь вы стрѣляете въ безоружныхъ“, слышалъ я изъ одной толпы. Въ другомъ мѣстѣ, наклонившись надъ тѣломъ парня, можетъ быть своего сына, стояла старуха, причитывая и кляня царя.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Наконецъ, мы пришли къ дому, было около часу. Хозяйка заперла меня въ комнату и принесла мнѣ поѣсть. Къ моему удивленію, я ѣлъ съ аппетитомъ. Затѣмъ мнѣ дали студенческую пару и повели въ домъ, гдѣ я снова переодѣлся въ обыкновенное платье, и гдѣ мнѣ обрили бороду. Послѣ этого меня отвели въ домъ одного извѣстнаго русскаго писателя. Тотъ былъ страшно взволнованъ при видѣ меня и, бросившись ко мнѣ на шею, заплакалъ. Мнѣ дали стаканъ крѣпкаго вина и очень просили меня остаться у нихъ, но меня преслѣдовала мысль, что въ это время народъ убиваютъ, и я долженъ умереть съ ними. Х. убѣждалъ меня лучше пойти немного позднѣе на митингъ интеллигенціи, послѣ котораго состоится тайное засѣданіе, на которомъ будетъ обсуждаться вопросъ, какимъ образомъ добыть оружіе для народа. Я остался и составилъ слѣдующую прокламацію: „Товарищи, русскіе рабочіе, у насъ нѣтъ царя. Между нимъ и русскимъ народомъ сегодня пролился потокъ крови. Настало время русскимъ рабочимъ самимъ бороться за народную сво-

боду. Благословляю васъ на борьбу. Завтра я буду среди васъ, а сегодня я работаю для нашего дѣла“.

Тѣмъ временемъ X. писалъ воззваніе ко всему цивилизованному міру.

Затѣмъ мы поѣхали въ зданіе Вольно-Экономическаго Общества неподалеку отъ Невскаго проспекта. Войдя въ залу, мы застали тамъ большую возбужденную аудиторію; одинъ за другимъ на кафедру всходили ораторы и разсказывали о томъ, что видѣли сегодня въ различныхъ частяхъ города. Услышавъ о томъ, что рабочіе разбили окно во дворцѣ вел. кн. Сергѣя Александровича, аудиторія неистово захлопала. То-же повторилось и при другихъ подобныхъ сообщеніяхъ, но я замѣтилъ, что никто не говорилъ о томъ, что и присутствовавшимъ слѣдовало выйти на улицу и бороться рядомъ съ рабочими. Когда X. взошелъ на кафедру, онъ воскликнулъ: „у меня съ собой письмо отъ отца Гапона. Разнесся слухъ, что онъ убитъ. Это неправда, онъ былъ у меня въ домѣ“, и онъ прочелъ мою прокламацію. Аудиторія начала аплодировать, тогда онъ немедля съ негодованіемъ остановилъ ее вопросомъ, время ли рукоплескать, когда на улицахъ течетъ кровь, при этомъ онъ сказалъ, что въ залѣ находится делегатъ отъ отца Гапона, который желаетъ говорить.

Взойдя на кафедру, я сказалъ, что теперь время не для рѣчей, а для дѣйствій. Рабочіе доказали, что они умѣютъ умирать, но къ несчастью, они были безоружны, а безъ оружія трудно бороться противъ штыковъ и револьверовъ. Теперь ваша очередь помочь имъ. Когда я сѣлъ на мѣсто, ко мнѣ подошелъ почтенный старичокъ и подалъ мнѣ револьверъ, говоря: „вотъ на всякій случай хорошее оружіе“.

Я думаю, что нѣкоторые изъ присутствующихъ догадывались, кто я былъ, но никто не показалъ и виду. По окончаніи митинга, нѣкоторые изъ присутствовавшихъ на немъ, въ томъ числѣ и мой инженеръ, тайно собрались въ сосѣдней комнатѣ. Мы обсуждали вопросъ о томъ, какъ достать оружіе и организовать народное возстаніе. Пока мы говорили, X. стоялъ у двери насторожѣ. Внезапно разнесся шопотъ: „Полиція идетъ“. Одинъ изъ писателей, бывшихъ на митингѣ, поспѣшно подошелъ ко мнѣ и, взявъ меня за руку, быстро вывелъ меня изъ дому. Онъ привелъ меня къ себѣ домой, гдѣ я и написалъ двѣ прокламаціи, одну къ рабочимъ, а другую къ солдатамъ. Въ по-

слѣдней я говорилъ: „Офицеровъ и солдатъ, убивавшихъ своихъ невинныхъ братьевъ и ихъ женъ и дѣтей, и всѣхъ притѣснителей народа—проклинаю. Солдатамъ, помогающимъ народу завоевать свободу, шлю свое пастырское благословенiе и освобождаю отъ военной присяги, принесенной измѣннику царю, по приказу котораго была пролита невинная народная кровь“.

Немедленно было сдѣлано нѣсколько копiй и подписано мною, одна копiя была послана въ тайную типографiю, гдѣ и была напечатана въ большомъ числѣ экземпляровъ.

Написавъ прокламацiю, я сидѣлъ подавленный горемъ, какъ вдругъ мое вниманiе привлекъ шумъ на улицѣ. Посмотрѣвъ въ окно, я увидѣлъ толпу, бѣжавшую по направленiю къ Невскому. Многiе въ ужасѣ кричали. Затѣмъ я снова услышалъ отвратительный звукъ залповъ. Я не могъ больше оставаться въ бездѣйствiи, и, несмотря на уговоры моего хозяина, вышелъ изъ дому. Очутившись на улицѣ, я впервые почувствовалъ неловкость отъ несвойственной мнѣ одежды. Вскорѣ я былъ на Невскомъ проспектѣ, гдѣ царила пустота. Очевидно, только что проскакали казаки и оставили послѣ себя пустыню. Дойдя до Знаменской церкви, я сѣлъ на извозчика и приказалъ везти себя на уголъ Обводнаго канала, гдѣ находилось помѣщенiе одного изъ отдѣловъ Союза. Во всей мѣстности, по которой мы проѣзжали, было тихо, какъ въ могилѣ. Кромѣ патрулей и военныхъ постовъ, я никого не встрѣтилъ. Выйдя изъ саней и подойдя къ воротамъ, я нашелъ дворника. Было страшно темно, а у меня еще были надѣты черные очки, чтобы замаскировать себя. Я сказалъ дворнику, что я корреспондентъ одной газеты и просилъ разсказать, что произошло въ отдѣленiи Союза. Онъ отвѣтилъ мнѣ, что все было тихо и спокойно.

„Есть тамъ солдаты?“ спросилъ я.

— Нѣтъ, баринъ, нѣтъ.

Въ это время изъ-за дворника высунулся маленькiй мальчикъ и звонкимъ голосомъ сказалъ: „какъ же, дяденька, и на дворѣ и въ домѣ солдаты“.

Очевидно, здѣсь была ловушка для меня, или для вожаковъ нашего Союза. Я не спѣша, вернулся обратно, говоря: „если нельзя ничего узнать, то нечего и оставаться“, и не медля сѣлъ въ сани и уѣхалъ окружнымъ путемъ.

Мы поѣхали къ другому отдѣленію Союза, находившемуся на углу Невскаго и Дегтярной, но и тамъ были войска. Было около полночи, и я рѣшилъ вернуться домой. Мой хозяинъ былъ очень обезпокоенъ моимъ долгимъ отсутствіемъ. Въ домѣ его я провелъ ночь.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Конецъ бойни.

На слѣдующій день я послалъ къ нѣсколькимъ членамъ революціонной партіи, чтобы найти наиболѣе вліятельныхъ рабочихъ, ведшихъ процессіи отдѣленій Союза. Но они не нашли ни одного. Одни были убиты, а другіе скрылись изъ дому, боясь ареста. Весь этотъ день и слѣдующую за нимъ ночь, убійства мужчинъ и женщинъ на улицахъ столицы продолжались, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ. Всю ночь въ воскресенье по всѣмъ улицамъ и мостамъ стояли солдаты. По моему подсчету въ воскресенье было убито отъ 600 до 900 человѣкъ и не менѣе 5 тыс. раненыхъ. Городъ былъ какъ-будто осажденный. Рестораны, лавки, театры были закрыты. Царя и его семейства не было въ городѣ, никто не зналъ, гдѣ они.

11-го Января казаки и полиція замѣнили пѣхоту. Не было больше массовыхъ убійствъ, были только нападенія на отдѣльныхъ прохожихъ въ различныхъ частяхъ города и на Васильевскомъ островѣ. Я имѣю основаніе думать, что войска были напоены и отправлены безъ предварительныхъ указаній. Эти пьяные солдаты, казаки и полиція, натравленные на народъ, совершали жестокости, корыя при другихъ условіяхъ были невѣроятны.

Хочу привести два или три примѣра изъ множества мною узнанныхъ и которые были подтверждены слѣдствіемъ, произведеннымъ Петербургской адвокатурой. Каменьщикъ Быковъ вышелъ вечеромъ изъ дому на Малый проспектъ. Улица была пустынна и не освѣщена. Внезапно 4 пѣхотинца сбили его съ ногъ и уже лежачаго кололи штыками. Онъ потерялъ сознаніе, потомъ, придя въ себя,

доползъ до дому. Товарищъ немедля доставилъ его въ Маріинскій госпиталь, гдѣ на немъ было найдено 11 колотыхъ ранъ на груди и бокахъ и оба легкія повреждены. Студентъ Починковъ, пріѣхавшій изъ Архангельска, сѣлъ на конку на углу Малаго проспекта и 14-ой улицы. Не успѣлъ онъ сѣсть, какъ кто-то крикнулъ и нѣсколько сыщиковъ бросились въ вагонъ, вытащили его оттуда, и били и терзали его до тѣхъ поръ, пока онъ не потерялъ сознанія. Только въ больницѣ, куда его привезли, онъ пришелъ въ себя. Двое, заступившихся за него, подверглись той же участи. Одного изъ нихъ, Козлова, проходившаго мимо и закричавшаго: „стойте, вы его убьете", полицейскій ударилъ шашкой по головѣ и только мѣховая шапка спасла его. Онъ бросился бѣжать и хотѣлъ перелѣзть черезъ заборъ, не видя другого спасенія. Городовой схватилъ его и снова сталъ бить, пока казакъ не закричалъ: будетъ. Тогда его положили въ сани и повезли въ больницу. Другой рабочій, Степановъ, видя какъ приблизительно десять красныхъ драгунъ и нѣсколько хулигановъ, вѣрнѣе переодѣтыхъ полицейскихъ, били студента, спросилъ, за что бьютъ. Въ отвѣтъ Степановъ былъ сбитъ и на него посыпались сабельные удары по головѣ, шеѣ и спинѣ, затѣмъ его взяли въ участокъ и оттуда отвезли въ больницу, гдѣ онъ пролежалъ двѣ недѣли.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Въ теченіе двухъ слѣдующихъ дней я нѣсколько разъ мѣнялъ мѣстожительство, т. к. со всѣхъ сторонъ до меня доходили слухи, что власти, желая схватить меня, усердно ищутъ. Я оставался въ Петербургѣ въ надеждѣ, что рабочіе найдутъ какимъ-либо путемъ оружіе, и произойдетъ возстаніе. Все доказывало, что населеніе города, за исключеніемъ лицъ, близко стоящихъ къ царю, не только созрѣло для революціи, но горѣло желаніемъ сбросить самодержавіе. Тѣ факты, которыхъ я былъ свидѣтелемъ, и тѣ, о которыхъ мнѣ передавали очевидцы относительно дѣйствій власти въ эти ужасные дни, доказываютъ, что они сдѣлали все, что было въ ихъ власти, чтобы подать

поводъ къ такому желанію. Вотъ почему я думалъ, что возстаніе возможно, и, конечно, считалъ своею обязанностью стать во главѣ движенія. Я организовалъ и повелъ народъ на мирную демонстрацію, тѣмъ болѣе моею обязанностью было вести его тѣмъ единственнымъ путемъ, который намъ оставался. Но всѣ расположенные ко мнѣ люди и друзья, прятавшіе меня въ теченіе этихъ двухъ дней, и въ особенности упомянутый писатель, были убѣждены сами и меня старались убѣдить, что въ настоящій моментъ не было надежды на вооруженное возстаніе, и что лучшее, что я могу сдѣлать для будущаго моихъ рабочихъ, это уѣхать изъ города, чтобы избѣжать ареста, одинаково пагубнаго какъ для меня, такъ и для нихъ.

„Вы необходимы для революціи въ тотъ моментъ, когда для народа настанетъ часъ отмщенія. Уѣзжайте, а мы пока подготовимъ возстаніе“. Я все еще не рѣшался уѣхать, желая подождать, чтобы положеніе выяснилось. Но вечеръ 11-го Января положилъ конецъ моимъ колебаніямъ. Въ этотъ день генералъ Треповъ, который, какъ я уже говорилъ, отнесся ко мнѣ недоброжелательно, и котораго я всегда зналъ за жестокаго деспота и самоуправца, былъ назначенъ Петербургскимъ Диктаторомъ и водворенъ въ Зимнемъ дворцѣ. Я ясно понялъ, что правительство вступило на путь репрессій, и что бойня послѣднихъ дней была только первой страницей этой политики. Въ ночь на 11-ое всѣ члены либеральной партіи, которые по моей просьбѣ ходили къ Святополкъ-Мирскому и къ Витте, т. е. Максимъ Горькій, присяжный повѣренный Гессенъ, извѣстный историкъ Короваевъ, писатель Пѣшехоновъ, профессоръ Мякотинъ, гласный Думы Кедринъ, Писаревъ, Ситниковъ были арестованы и заключены въ крѣпость. Одновременно начались массовые аресты въ столицѣ и лучшіе мои рабочіе, счастливо избѣжавшіе смерти, были также заключены въ тюрьму. Такимъ образомъ всякое сообщеніе съ моимъ Союзомъ стало невозможнымъ въ данное время. Я сдѣлалъ все, что могъ, чтобы получить свѣдѣнія о томъ, насколько осуществимо вооруженное возстаніе, но все, что я слышалъ отъ своихъ друзей прогрессистовъ и революціонеровъ, было одно другого неутѣшительнѣй. Комитетъ, собиравшійся въ Вольно-Экономическомъ Обществѣ, не могъ ничего сдѣлать. Мнѣ было ясно, что, хотя въ данный моментъ революціонное настроеніе въ народѣ и было интенсивнѣе, чѣмъ когда либо, но не

было способа проявить его. „Теперь вы видите, сказалъ мнѣ мой хозяинъ, что предпринимать что либо немедля, значитъ жертвовать безполезно собственною жизнью и насъ подвергать непріятностямъ. Уѣзжайте изъ столицы, а мы будемъ поддерживать сношеніе съ вами" Хотя я сознавалъ, что противиться далѣе было безуміемъ, но неохотно уступилъ. Но куда же ѣхать? Друзья указывали мнѣ на Финляндію и другія мѣста вблизи Петербурга, но отовсюду приходили вѣсти, что вездѣ рыщутъ сыщики, что паспорта строго провѣряются и полиція всюду меня ищетъ. Наконецъ мы выбрали мѣсто, куда бѣжать и стали разрабатывать планъ бѣгства. Одинъ изъ присяжныхъ повѣренныхъ далъ мнѣ свой паспортъ, который я обѣщалъ ему возвратить, какъ только буду внѣ опасности.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Снова я измѣнилъ свою внѣшность, надѣлъ пенснэ, новую пару и великолѣпную шубу. Утромъ 12-го я поѣхалъ на станцію въ сопровожденіи одной дамы. Въ карманѣ у меня былъ револьверъ, которымъ я рѣшилъ защищаться въ случаѣ надобности. Было условлено, что одинъ изъ моихъ знакомыхъ возьметъ для меня билетъ на Царскосельскомъ вокзалѣ и незамѣтно передастъ мнѣ его, а другой знакомый будетъ меня тамъ ожидать и наблюдать за желѣзнодорожной полиціей, чтобы въ случаѣ опасности предупредить меня. Когда я вышелъ изъ саней, я увидѣлъ, что станція кишитъ жандармами и переодѣтыми сыщиками, которые впивались глазами въ лица пріѣзжавшихъ. Нѣкоторые пристально смотрѣли на меня, но трудно было теперь узнать во мнѣ знакомаго имъ бородатаго священника. Нѣсколько жандармскихъ офицеровъ ходило взадъ и впередъ, какъ бы высматривая кого-то. Сознавая, что только полнѣйшее самообладаніе можетъ спасти меня, я остановилъ одного изъ жандармскихъ офицеровъ и попросилъ огня, чтобы закурить. Тотъ далъ мнѣ спичку, я поблагодарилъ его и продолжалъ гулять по вокзалу, покручивая усы. Вскорѣ я увидѣлъ своего друга, который незамѣтно сунулъ мнѣ въ руку мой билетъ. Какъ только

подали поѣздъ, два жандарма и сыщикъ стали у дверей на платформу провѣрять билеты выходившихъ пассажировъ. Я счастливо прошелъ мимо ихъ и сѣлъ въ вагонъ второго класса. Поѣздъ тронулся. Все шло хорошо. Мой другъ сидѣлъ въ сосѣднемъ отдѣленіи, и, хотя мы и дѣлали видъ, что незнакомы другъ съ другомъ, но нѣкоторое разстояніе ѣхали вмѣстѣ. Когда мы подъѣхали къ извѣстной станціи, мы вышли изъ вагона. Мой другъ взялъ билетъ и снова тѣмъ же способомъ, какъ и раньше, передалъ мнѣ его, и мы поѣхали обратно. Мы такъ продѣлали не меньше 4-хъ разъ. Наконецъ поздно ночью, мы пріѣхали въ назначенное мѣсто, проведя цѣлый день въ разъѣздахъ взадъ и впередъ и, въ сущности, отъѣхавъ весьма недалеко отъ Петербурга. Несмотря на позднее время, мой другъ уѣхалъ съ обратнымъ поѣздомъ въ Петербургъ, мнѣ же предстояло нанять лошадей и ѣхать въ окруженную лѣсомъ усадьбу, гдѣ я и долженъ былъ скрываться. Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, друзья надавали мнѣ массу разныхъ вещей, которыя, какъ они думали, могли быть мнѣ полезны, такъ что багажа у меня было много. Я отправился въ сосѣдній со станціей домъ и просилъ дать мнѣ лошадей. Хозяинъ спросилъ меня, кто я и куда ѣду, и когда я отвѣтилъ, что хочу купить имѣніе X, лицо его просіяло. Онъ сталъ разспрашивать меня и я долженъ былъ крайне подробно отвѣчать объ урожаяхъ, рыночныхъ цѣнахъ и т. д. Наконецъ, мы поѣхали. Озябшій, усталый, я пріѣхалъ къ усадьбѣ за полночь. Домъ былъ двухъэтажный и хозяинъ помѣстилъ меня во второмъ этажѣ, гдѣ былъ балконъ, съ котораго лѣстница вела прямо на землю, на случай какого-либо нежелательнаго посѣщенія. На слѣдующій день хозяинъ повезъ меня въ саняхъ по лѣсу, для того, чтобы я на всякій случай зналъ дорогу. Были приняты всѣ мѣры, чтобы мое мѣстопребываніе не было открыто. Было условлено, что мнѣ пришлютъ изъ Петербурга два паспорта: одинъ для пребыванія въ Россіи, другой для бѣгства заграницу въ томъ случаѣ, если надежда на вооруженное возстаніе окончательно рухнетъ. Но дни проходили за днями, и я не получалъ никакихъ извѣстій изъ Петербурга. Цѣлую недѣлю прожилъ я въ страшной тревогѣ Днемъ катался на лыжахъ, а по ночамъ мнѣ не давали спать воспоминанія о пережитомъ на прошлой недѣлѣ и безпокойство о томъ, что дѣлается въ Петербургѣ. Я не понималъ, почему молчатъ мои друзья.

Неужели они были вынуждены къ этому грубой силой? Неужели возможно, чтобы Россія не сумѣла достойно отвѣтить на такую небывалую въ лѣтописяхъ человѣчества, жестокость. Увы, я скоро узналъ, что, хотя отвѣтъ и послѣдовалъ со стороны крестьянъ, но что сила гнета была еще неодолима. Черезъ 7 дней внезапно пріѣхалъ гонецъ изъ Петербурга. „Вы должны бѣжать немедля, сказалъ онъ, мы имѣемъ основаніе думать, что власти напали на вашъ слѣдъ“. И онъ въ такихъ мрачныхъ краскахъ обрисовалъ мнѣ современное положеніе, что я рѣшилъ бѣжать, не ожидая паспорта, который долженъ былъ придти завтра. Правда, всюду въ Россіи шло броженіе, во всѣхъ большихъ городахъ происходили стачки, но за недостаткомъ оружія, всѣ онѣ носили мирный характеръ. Мнѣ предстояло или бѣжать, или быть арестованнымъ. Этотъ же гонецъ составилъ мнѣ мой маршрутъ и далъ адресъ того лица, которое должно было провести меня черезъ границу. Я долженъ былъ ѣхать до Пскова, а тамъ пересѣсть на Варшаву, но доѣхавъ до Вильно, долженъ былъ возвратиться на Двинскъ, а оттуда черезъ Ш., ѣхать къ границѣ. Поѣздъ, съ которымъ я долженъ былъ ѣхать, отходилъ отъ сосѣдней станціи черезъ нѣсколько часовъ. Вскорѣ лошади и сани были готовы. Ночь была страшно темная и завывала снѣжная буря. Вѣтеръ шумѣлъ вѣтвями голыхъ деревьевъ. Буря сметала мѣстами снѣгъ въ кучи, съ другихъ же сдувала до льда. Мы ѣхали очень тихо, съ трудомъ различая дорогу. Казалось, что вѣтеръ проникалъ даже въ кости, и я сталъ окоченѣвать. Вѣтеръ съ дьявольской силой крутился вокругъ насъ. Хотя намъ надо было проѣхать всего нѣсколько верстъ, но намъ казалось, что мы ѣдемъ безъ конца Я крикнулъ кучеру, чтобы онъ ѣхалъ скорѣе, и, хотя онъ сидѣлъ на разстояніи 2-хъ-3-хъ футовъ отъ меня, но меня не слышалъ. Нетерпѣніе все болѣе и болѣе овладѣвало мною. Вдругъ лошади остановились и, повернувшись ко мнѣ, кучеръ сказалъ: „баринъ, мы потеряли дорогу“. Мной овладѣло отчаяніе. „Что же дѣлать?“, спросилъ я, трогая его за руку“.—Подождите здѣсь, баринъ, а я пойду искать дорогу.“ Я согласился, прося его не отходить далеко и обѣщалъ кричать, чтобы онъ зналъ, гдѣ я. Вѣроятно, онъ отсутствовалъ не болѣе десяти минутъ, но мнѣ онѣ показались вѣчностью. Несомнѣнно я не поспѣю къ поѣзду. Вокругъ саней и лошадей вѣтеръ быстро навѣялъ цѣлыя горы снѣ-

гу. Лошади дышали тяжело и время отъ времени поднимали ноги, чтобы отряхнуть снѣгъ. Я кричалъ, но не получалъ отвѣта. Внезапно кучеръ вынырнулъ около меня и сказалъ: „Мы сбились съ дороги и сдѣлали по крайней мѣрѣ шесть верстъ крюку". Онъ сѣлъ на козлы, ударилъ по лошадямъ, которыя съ трудомъ сдвинули сани и мы поѣхали дальше. Путь казался мнѣ безконечнымъ Наконецъ, полузамерзшіе, мы пріѣхали на станцію, опоздавъ на нѣсколько часовъ. Оказалось, что мы не были единственными жертвами снѣжной бури. Заносы по линіи желѣзной дороги задержали поѣздъ и намъ предстояло ожидать его. Какъ я уже сказалъ, я долженъ былъ сѣсть на поѣздъ, но опоздалъ, а слѣдующій поѣздъ отходилъ черезъ семь часовъ. Вскорѣ я обратилъ вниманіе на странное поведеніе станціонныхъ жандармовъ, они какъ будто наблюдали за мною. Меня это очень обезпокоило, т. к. каждую минуту у меня могли спросить паспортъ, а его у меня не было и меня немедленно арестовали бы. Отдавъ на храненіе свой багажъ носильщику, я со станціи отправился въ городъ, гдѣ закусилъ и долго гулялъ по улицамъ, потомъ вернулся на станцію, гдѣ мнѣ предстояло ожидать еще 2 съ половиной часа. Я вошелъ въ залъ второго класса, легъ на скамью и глубоко задумался. Вдругъ, какъ бы подъ вліяніемъ магнетической силы, я поднялъ глаза и увидѣлъ устремленный на меня взглядъ человѣка, одѣтаго въ штатское платье. Его пронзительные глаза, его носъ и вся внѣшность напоминали мнѣ фоксъ-терьера. По тому, какъ онъ смотрѣлъ на меня, я заключилъ, что онъ сыщикъ. Я всталъ и, спокойно пройдя мимо него, пошелъ въ залъ 3-го класса, гдѣ и легъ на скамью и закрылъ глаза. Спустя нѣкоторое время, все еще притворяясь спящимъ, я пріоткрылъ глаза и снова увидѣлъ этого сыщика, пристально смотрящаго на меня. Безпокойство охватило меня, въ особенности когда вошелъ жандармъ и поздоровался съ сыщикомъ. Ко мнѣ они не подходили, можетъ быть не находя нужнымъ теперь же арестовать меня, т. к. могли это сдѣлать на каждой станціи, а до того времени могли выслѣдить моихъ сообщниковъ. Предположеніе мое подтвердилось, когда я увидѣлъ сыщика, стоящимъ около моего носильщика и разсматривающимъ мои билеты. Вторично пришлось мнѣ идти мимо сыщиковъ и жандармовъ, чтобы сѣсть въ вагонъ.

Когда я проходилъ, одинъ изъ нихъ спросилъ друго-

го: „Это онъ?“—Да, отвѣтилъ тотъ. Я сѣлъ въ вагонъ и поѣздъ тронулся. Я все еще былъ свободенъ. Я былъ убѣжденъ, что сыщикъ телеграфировалъ въ Варшаву, или въ Вильно, или на одну изъ промежуточныхъ станцій, чтобы меня тамъ арестовали. Тогда я рѣшилъ выйти изъ поѣзда раньше, чѣмъ это случится. Нѣкоторое время я не могъ исполнить своего намѣренія, т. к. въ вагонѣ были и другіе пассажиры. Мало-по-малу, одинъ за другимъ, они вышли. Тогда я взялъ карту, чтобы оріентироваться, гдѣ я. Очень трудно было рѣшить, куда направиться. Наконецъ, я рѣшилъ выйти на станціи С., не доѣзжая городка Ш., и тамъ попытать счастья.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Незадолго до пріѣзда на указанную станцію, ко мнѣ въ отдѣленіе вошелъ рабочій, который показался мнѣ однимъ изъ тѣхъ честныхъ и простыхъ людей, которые всегда вызывали мое расположеніе и внушали довѣріе. На мой вопросъ, куда онъ ѣдетъ, онъ отвѣтилъ: „въ С.“ „И я туда же“, сказалъ я. „У меня тамъ серьезное дѣло, касательно женитьбы, но я не знаю, гдѣ бы мнѣ остановиться, не можете ли посовѣтовать“. Рабочій отвѣтилъ мнѣ, что, какъ уроженецъ мѣстечка, онъ можетъ съ закрытыми глазами найти каждый домъ. Тогда я сталъ говорить рабочему о томъ, что желалъ бы неожиданно пріѣхать къ невѣстѣ, чтобы провѣрить, справедливо ли все, что мнѣ о ней говорили. На станціи у меня есть знакомый, такъ нельзя ли выйти заднимъ ходомъ, чтобы меня не видѣли и пройти на постоялый дворъ“. Рабочій сперва приглашалъ меня къ себѣ, но потомъ вспомнивъ, что у него въ домѣ ночуетъ много народу, сказалъ, что проведетъ меня на сосѣдній постоялый дворъ. Я обѣщалъ ему за труды полтинникъ, чѣмъ онъ былъ видимо доволенъ. Когда мы подъѣзжали къ станціи, онъ взялъ мои вещи и, выйдя изъ вагона, мы очутились въ темной улицѣ; измѣнивъ свое намѣреніе, рабочій отвелъ меня въ домъ своего знакомаго, поляка. „Хорошій человѣкъ, сказалъ онъ, и жена у него хорошая“. И дѣйствительно жена его была очень го-

степріимна. Вскорѣ вернулся домой ея мужъ. Хотя уже былъ часъ ночи, когда я пріѣхалъ, но мы еще долго разговаривали съ хозяевами и, чѣмъ больше говорили, тѣмъ больше мнѣ нравились эти простые люди. Когда вопросъ коснулся Польши, и я высказалъ сочувствіе къ незаслуженнымъ страданіямъ этой несчастной страны, глаза хозяина засверкали. „Я вижу, что вы любите свой народъ и свою родину и хотѣлъ спросить васъ, что бы вы сдѣлали человѣку, который не словами только, но и дѣйствіями участвовалъ въ борьбѣ русскаго народа за свою свободу". „Съ восторгомъ сдѣлаю все", отвѣтилъ онъ.—Человѣкъ этотъ я, сказалъ я. Сыщики преслѣдуютъ меня по пятамъ. Я долженъ бѣжать изъ Россіи на нѣкоторое время. Идти на станцію я не могу, единственный для меня путь, это ѣхать на лошадяхъ до Ш. Далеко это?"—Около 200 верстъ.—„Возьметесь ли вы отвезти меня туда?"—Повезу васъ куда вамъ будетъ угодно."—Утромъ рано мы выѣхали. Было страшно холодно, и выпалъ снѣгъ. Шуба моя, съ виду очень нарядная, не защищала меня отъ холода, и хотя хозяинъ и далъ мнѣ бурку, но я все-таки зябъ. Мы поѣхали окольнымъ путемъ и потому часто сбивались съ дороги. Съ трудомъ добравшись до ближайшей деревни, мы тамъ отдохнули, перемѣнили лошадей и кучера еврея замѣнили полякомъ. Такимъ образомъ ѣхали мы день и ночь отъ деревни къ деревнѣ, выбирая уединенные хуторки, чтобы закусить колбасой, хлѣбомъ и водкой. Въ одной изъ деревень мы остановились у корчмы, чтобы обогрѣться и поѣсть. Не успѣли мы сѣсть за столъ, какъ отворилась дверь, вошелъ жандармъ и подозрительно посмотрѣлъ на насъ. Это заставило насъ поторопиться съ отъѣздомъ и я приплатилъ лишнее, чтобы имѣть лучшихъ лошадей. Въ слѣдующей корчмѣ, гдѣ мы остановились, чтобы дать отдохнуть лошадямъ, хозяинъ корчмы, еврей, внимательно вглядываясь въ насъ, сказалъ:

„Понимаю! Но этотъ кучеръ не годится, доѣзжайте съ нимъ до К. и тамъ отпустите, а я вамъ дамъ адресъ, и тамъ устроятъ вамъ все, что нужно". Несомнѣнно, онъ догадался, что я собираюсь бѣжать черезъ границу.

Такое участіе тронуло меня и я предложилъ ему нѣсколько рублей.

Онъ съ негодованіемъ отказался, сказавъ: „Дѣло не въ деньгахъ".

Мы благополучно добрались до городка К. и отправи-

лись по данному намъ адресу. Отпустивъ кучера, я сѣлъ обѣдать съ сопровождавшимъ меня полякомъ. Хозяинъ нашъ, также еврей, и его двѣ дочери прислуживали намъ. Очевидно, что они понимали въ чемъ дѣло и старались выказать намъ сочувствіе. Тѣмъ временемъ бушевавшая два дня буря стихла, и погода прояснилась. Поданная намъ жареная индѣйка, теплая комната, оказанное намъ участіе были для меня наслажденіемъ послѣ 3-хъ-дневнаго тяжелаго путешествія. Вскорѣ хозяинъ привелъ къ намъ нашего новаго кучера, человѣка среднихъ лѣтъ, со строгимъ и интеллигентнымъ лицомъ. Пока мы съ нимъ условливались, въ комнату вошелъ жандармъ. „Чортъ побери, прошепталъ хозяинъ, почесывая голову, но не бойтесь, онъ пришелъ только за своими тремя рублями". Жандармъ подошелъ къ намъ, я предложилъ ему папироску, и вскорѣ мы всѣ четверо дружески разговорились. Черезъ нѣсколько минутъ хозяинъ отвелъ жандарма въ сторону, сказалъ ему нѣсколько словъ и что-то сунулъ ему въ руку. Лицо жандарма просіяло, и онъ подошелъ проститься съ нами, пожимая намъ руки и говоря, что былъ радъ познакомиться и пожелалъ намъ успѣха. Хозяинъ объяснилъ мнѣ, что въ деревнѣ было не менѣе 8-ми жандармовъ, и всѣ они были въ стачкѣ съ контрабандистами и взыскивали съ каждаго проѣзжающаго черезъ деревню къ границѣ по три рубля, которые и дѣлили между собой. Доходъ этотъ былъ настолько значителенъ, что рѣдкій изъ жандармовъ бывалъ трезвъ. Лошади были поданы, мы тронулись въ путь, и тутъ выяснилось, что нашъ кучеръ былъ страшный пьяница. Онъ не пропускалъ ни одной монопольки, чтобы не выпить. Отпуская насъ, хозяинъ далъ намъ подробныя и точныя указанія, какихъ деревень избѣгать, въ какихъ останавливаться и т. д. Всю ночь мы ѣхали по лѣсистымъ и гористымъ мѣстамъ, было такъ темно, что намъ приходилось брать съ собой мужиковъ, которые указывали намъ дорогу. На слѣдующій день мы пріѣхали послѣ 4-хъ дневной непрерывной ѣзды въ деревню, отстоявшую въ нѣсколькихъ верстахъ отъ границы, и гдѣ мой полякъ долженъ былъ меня покинуть. Разставаясь, мы обнялись дружески, и я отправился къ тому лицу, которое было мнѣ указано моими друзьями въ Петербургѣ и которое должно было перевести меня черезъ границу. Лицо это оказалось весьма осторожнымъ и хотя я и провелъ у него нѣсколько ча-

совъ днемъ, но на ночь онъ повелъ меня къ сосѣду. Мы условились, что я оставлю у него свой багажъ и онъ дошлетъ мнѣ его впослѣдствіи, если мнѣ удастся благополучно перейти границу.

На слѣдующій день я переодѣлся въ крестьянское платье и поѣхалъ въ пограничную деревеньку Т. Было воскресенье и мои спутники пошли въ церковь, оставивъ меня отдохнуть въ избѣ. Этотъ день едва не сталъ послѣднимъ въ моей жизни. Страшные холода заставляютъ крестьянъ герметически закрывать свои избы, замазывая двойныя рамы. Я легъ спать, радуясь теплу отъ печки, и когда два часа спустя, за мной пришли контрабандисты, они нашли меня въ полубезсознательномъ состояніи. Немедленно были открыты форточки и меня вынесли на дворъ, гдѣ я вскорѣ пришелъ въ себя Мы всѣ впятеромъ и поѣхали къ дому, стоящему у самой границы. Здѣсь меня поручили одному молодому поляку, который, какъ оказалось въ послѣдствіи, не заслуживалъ довѣрія. Онъ пошелъ предупредить дежурнаго солдата о нашемъ пріѣздѣ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Я долженъ объяснить, что вдоль всей западной границы Россіи живетъ населеніе, значительная часть котораго — профессіональные контрабандисты, занимающіеся одновременно и переводомъ бѣглецовъ черезъ границу, входя для этого въ сдѣлку съ пограничной стражей. Вечеромъ, желающіе перейти границу собираются въ одиночку, или партіями и платятъ пограничникамъ отъ одного до трехъ рублей съ человѣка Опасность грозитъ только со стороны сыщиковъ, живущихъ по сосѣднимъ деревнямъ, а также въ случаѣ внезапной замѣны прежней пограничной стражи новою, съ которою еще не успѣли войти въ сдѣлку, и потому она стрѣляетъ въ каждаго, желающаго перейти границу. Случается также, что, узнавъ о злоупотребленіяхъ, изъ Петербурга присылаютъ офицера, спеціально для наблюденія и тогда всѣ планы рушатся.

Раньше контингентъ бѣжавшихъ черезъ границу со-

стоялъ преимущественно изъ крестьянъ, рабочихъ, евреевъ, поляковъ, литвинъ и другихъ, гонимыхъ отчаяніемъ и всякаго рода неурядицами изъ Россіи въ свободныя страны и преимущественно въ Америку. Взять паспортъ стоитъ большихъ для нихъ денегъ, и они предпочитаютъ болѣе дешевый, хотя и болѣе рискованный способъ перескочить границу. За послѣдніе годы контингентъ бѣгущихъ черезъ границу состоитъ большею частью изъ политическихъ, изъ преступниковъ, изъ бѣгущихъ отъ воинской повинности и дезертировъ резервистовъ. Всѣ эти люди не могутъ конечно получить законнаго паспорта, и предпочитаютъ заплатить большія деньги контрабандистамъ, которые и берутъ за это очень дорого, потому что въ случаѣ поимки, ихъ заключаютъ въ тюрьму и подвергаютъ строгимъ карамъ, чѣмъ и разоряютъ ихъ и ихъ семьи. Кромѣ того на границѣ живутъ люди, которые, принадлежа сами къ революціонной партіи, способствуютъ бѣгству политическихъ черезъ границу. Доставка контрабанды и въ томъ числѣ и запрещенной литературы производится тѣмъ же путемъ и, какъ занятіе очень опасное, оплачивается дорого. Такъ, напримѣръ, провести въ Россію пудъ нелегальной литературы стоитъ не менѣе 50 р., а иногда и 100 и болѣе. Если принять во вниманіе, какъ часто эти тюки арестовываются, бросаются въ рѣку, или уничтожаются какимъ либо другимъ способомъ, то можно себѣ представить, какіе большіе расходы доставка этой литературы накладываетъ на революціонную партію.

Мой проводникъ долго не возвращался, оказалось, что онъ въ это время пилъ съ солдатами и это занятіе такъ имъ понравилось, что когда онъ вернулся, то былъ такъ пьянъ, что не былъ способенъ ни къ какому дѣлу. Со словъ его семьи я понялъ, что онъ пропилъ всѣ деньги, которыя я далъ ему на дѣло. Онъ забился въ уголъ спать и когда нѣсколько часовъ спустя онъ проснулся и пришелъ въ себя, оказалось, что солдатъ былъ уже смѣненъ. Это извѣстіе взволновало всю его семью, т. к. она сознавала свое обязательство передо мною. Другого исхода не было, какъ остаться у нихъ ночевать. На другое утро проводникъ мой, на этотъ разъ трезвый, разбудилъ меня и предложилъ слѣдовать за нимъ. Мы взяли съ собой мальчика лѣтъ 12-ти. Черезъ нѣсколько минутъ проводникъ мой встрѣтилъ товарища, который сказалъ ему, что перейти границу въ данную минуту было невозможно, т. к.

тамъ стояли два новыхъ солдата, но я настаивалъ идти дальше, т. к. утро было туманное и мы находились всего въ 100 шагахъ отъ проволочнаго забора, отдѣляющаго Россію отъ Германіи. Я остался одинъ съ мальчикомъ, и мы бросились бѣжать отъ одного зданія къ другому. Я видѣлъ, что дѣло не безопасное и держалъ наготовѣ свой револьверъ. Вдругъ мальчикъ схватилъ меня за руку и испуганнымъ голосомъ закричалъ: „За нами бѣжитъ солдатъ". Затѣмъ я услышалъ крикъ: „стой!" и оглянувшись назадъ увидѣлъ въ 20-ти шагахъ солдата, бѣгущаго по глубокому снѣгу. Мы бросились бѣжать, но солдатъ догонялъ насъ. Когда онъ былъ уже въ нѣсколькихъ шагахъ, онъ упалъ. Это была необыкновенно счастливая случайность. Въ слѣдующую минуту мы уже подлѣзали подъ проволочную изгородь, и въ первый разъ въ моей жизни я стоялъ на чужой землѣ. Я ожидалъ выстрѣла, но его не послѣдовало и мы продолжали свой путь. Сперва это показалось мнѣ страннымъ, но позднѣе я узналъ, что мѣсяцъ тому назадъ одинъ человѣкъ былъ убитъ русскимъ солдатомъ по ту сторону границы. Прусскіе пограничники донесли объ этомъ своимъ властямъ.

Это повело къ серьезнымъ осложненіямъ и вызвало болѣе точныя инструкціи для русской пограничной стражи. Тѣмъ временемъ мы продолжали бѣжать къ ближайшему дому. Когда я почувствовалъ себя въ сравнительной безопасности, я спросилъ моего маленькаго спутника, не испугался ли онъ. „Испугаться солдата? Никогда", отвѣтилъ онъ съ сердцемъ. Тотъ домъ, къ которому мы бѣжали и гдѣ насъ гостепріимно встрѣтили, принадлежалъ одному нѣмцу. Здѣсь я попросилъ дать мнѣ другую одежду, взамѣнъ которой оставилъ свою. Когда были поданы лошади, хозяйка сѣла въ сани со мною и съ мальчикомъ и отвезла насъ въ сосѣднюю корчму, находившуюся на разстояніи полумили. Сюда контрабандисты должны были доставить мой багажъ, но его еще не было. Наконецъ, я вздохнулъ свободно, и подкрѣпивъ себя ѣдою, простился съ мальчикомъ, давъ ему 5 рублей, которые онъ тщательно спряталъ за пазуху. Послѣ нѣкотораго размышленія, я рѣшилъ ожидать свой багажъ. Спустя нѣсколько часовъ въ гостинницу вошелъ человѣкъ высокаго роста съ нахальной физіономіей и подойдя ко мнѣ, обратился по-русски съ вопросомъ: „Куда вы ѣдете? и какъ идутъ дѣла въ Петербургѣ." Я отвѣтилъ: „я ничего о Пе-

тербургѣ не знаю“. Но онъ настойчиво продолжалъ разспрашивать: кто я? на что я ему отвѣтилъ, что я дезертиръ. „А, сказалъ онъ, такъ я приведу вамъ вашихъ соотечественниковъ, которые будутъ очень рады васъ видѣть“, и съ этими словами онъ вышелъ изъ комнаты. Хозяйка, поманивъ меня пальцемъ, прошептала: „Это агентъ русской полиціи, вамъ бы лучше сейчасъ уѣхать“, и приказала кучеру приготовить лошадей, но прежде чѣмъ она вернулась, снова появился агентъ, но на этотъ разъ съ двумя другими. Меня предупреждали, что Германія выдаетъ дезертировъ, но это слово случайно сорвалось съ моего языка. Очевидно необходимо было бѣжать. Я видѣлъ въ окно, что лошадей уже зануздали. Хозяйка вошла въ комнату и заняла агента разговоромъ. „Я забыла отдать вамъ письмо“, внезапно сказала она, многозначительно кивнувъ мнѣ головой, увела агентовъ въ сосѣднюю комнату. Сдѣлавъ видъ, что я слѣдую за ними, я бросился къ двери, прыгнулъ въ сани и помчался. Оглянувшись назадъ, я увидѣлъ, какъ агентъ выбѣжалъ изъ гостинницы, но другихъ лошадей не было, и я скоро потерялъ гостинницу изъ виду и направился въ Тильзитъ.

День прошелъ безъ приключеній. Пріѣхавъ въ Тильзитъ, я первымъ дѣломъ обрился и затѣмъ отправился въ домъ, который былъ мнѣ рекомендованъ моими петербургскими друзьями. Весь домъ былъ наполненъ книгами русскихъ революціонныхъ изданій. Любопытство мое было крайне возбуждено, но мой хозяинъ не зналъ ни слова по-русски, а я ни на какомъ другомъ не умѣлъ говорить. Вскорѣ онъ привелъ своего друга, весьма симпатичнаго юношу X., который умѣлъ по-русски, и я узналъ, что я находился въ разсадникѣ русской революціонной дѣятельности. Въ домъ входили и выходили люди, задѣлывали въ тюки запрещенную литературу и уносили изъ дому.

Меня удивляли тѣ свѣдѣнія, которыя мой хозяинъ имѣлъ обо мнѣ и о недавнихъ событіяхъ, и я навелъ на нихъ разговоръ. Очевидно, онъ очень интересовался отцомъ Гапономъ и высказывалъ ему большое сочувствіе. Я рѣшилъ довѣриться ему и, обязавъ его сохранить тайну, сказалъ ему, кто я. Онъ былъ пораженъ и очевидно не довѣрялъ мнѣ, принимался разспрашивать меня. Наконецъ, убѣдившись въ правдѣ, онъ сказалъ, что какъ онъ самъ, такъ и его другъ X. оба принадлежатъ къ Литовской соціалъ-демократической Лигѣ. Они дали мнѣ паспортъ и X. со-

провождалъ меня до Берлина, откуда я намѣревался поѣхать въ Швейцарію, боясь, что въ Германіи я не въ безопасности отъ ареста и выдачи. Переночевавъ въ Берлинѣ, причемъ за меня расписался X., я черезъ сутки былъ свободнымъ человѣкомъ въ свободной странѣ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Я былъ въ Швейцаріи, Парижѣ, Лондонѣ и всюду видѣлъ ту атмосферу свободы, которая способствуетъ мирному развитію народныхъ массъ и дѣлаетъ невозможными тѣ событія, въ которыхъ я принималъ участіе въ послѣднее время. Я жилъ въ новомъ для меня мірѣ, но только для того, чтобы преобразовать тотъ старый міръ, который я оставилъ позади себя. Дважды я избѣжалъ смерти: первый разъ отъ солдатскихъ пуль у Нарвской заставы, а второй разъ избѣжалъ ареста, который несомнѣнно кончился бы для меня весьма печально, заключеніемъ въ Петропавловской или Шлиссельбургской крѣпости.

Болѣе чѣмъ когда либо, я чувствовалъ, что жизнь моя принадлежитъ моему народу, и что я долженъ напречь всю свою энергію къ тому моменту, когда мнѣ можно будетъ вернуться къ моимъ рабочимъ, чтобы вывести ихъ на стезю свободы и благоденствія.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и день этотъ сталъ ближе. Январскія убійства были откровеніемъ, совершенно измѣнившимъ настроеніе націи. Этотъ поступокъ царскаго правительства былъ послѣднимъ штрихомъ въ дѣлѣ народнаго воспитанія. Долгіе годы нестроенія, и вытекающія изъ него горе и нищета, и наконецъ, эта преступная и безсмысленная война столь же ненавистная, какъ и пагубная, подготовили почву для пропаганды революціонныхъ партій. Самодержавіе послѣдняго столѣтія сдѣлало у насъ голодъ обычнымъ явленіемъ, довело наши финансы почти до банкротства, въ корнѣ разорило народное хозяйство, погубило тысячи и тысячи молодыхъ жизней. Въ то время, когда весь народъ кричалъ о необходимости перемѣнить политику и требовалъ хотя бы отдыха отъ того гнета, который такъ долго его давилъ, царское пра-

вительство, въ своей отеческой заботливости о благѣ народномъ не нашло ничего лучше, какъ тратить милліоны на постройку желѣзныхъ дорогъ, крѣпостей и заказовъ броненосцевъ заграницей и, наконецъ, начать эту небывалую по позору войну, обнаружившую всю нашу неспособность и развращенность. Повторяю, что 9-е января было послѣднимъ штрихомъ, вызвавшимъ въ народномъ умѣ правильную оцѣнку всѣхъ этихъ фактовъ. Это былъ послѣдній неизбѣжный урокъ, подтвержденный всѣми последующими событіями. Съ безпримѣрнымъ единодушіемъ городъ за городомъ отзывался на крикъ ужаса Петербургскихъ рабочихъ и бастовать стали всѣ — учителя, адвокаты, журналисты, крестьяне, начиная съ Москвы и Риги. Забастовки охватили всѣ промышленные районы на югѣ, не исключая степей Чернаго моря и Кавказа.

Чтобы правильно оцѣнить это движеніе, нужно принять во вниманіе то страданіе, которое оно вызываетъ; надо вспомнить, что громадное большинство русскихъ рабочихъ не имѣетъ сбереженій, живетъ отъ мѣсяца до мѣсяца и даже рѣдко имѣетъ одежду, которую можетъ заложить или продать. Забастовки, длящіяся недѣли и мѣсяцы, проходятъ среди плача дѣтей и рыданій страдающихъ матерей.

Вскорѣ и крестьяне примкнули къ революціи. Аграрные безпорядки стали вспыхивать повсюду и преимущественно въ Остзейскомъ краѣ, центральныхъ губерніяхъ, около Одессы и на Кавказѣ. Подавляемые силой и кровопролитіемъ въ одномъ мѣстѣ, они съ еще большей силой и въ большихъ размѣрахъ вспыхивали въ другомъ. И здѣсь правительство сдѣлало все, чтобы усугубить ужасъ положенія. По приказанію министровъ и главы православнаго духовенства, деревенскіе священники и сельская полиція возбуждали крестьянъ противъ „интеллигенціи", противъ докторовъ и студентовъ, которые имъ служили въ тяжелые годы голодовокъ и эпидемій, противъ помѣщиковъ, которые имъ не нравились. Во многихъ мѣстахъ высшая администрація организовала кучки хулигановъ, такъ называемыя „черныя сотни", которые называли себя „истинно русскими людьми", и натравливали ихъ на интеллигентные классы и на все, что не было православнымъ, т. е. евреевъ, армянъ, разсказывая имъ, что всѣ они подкуплены Японіей и Англіей, чтобы погубить Россію.

Въ результатѣ получилось, что помѣщики должны были

бѣжать въ города, но и тамъ, не считая себя въ безопасности, стали пріобрѣтать себѣ оружіе и организовать самооборону.

Аграрный кризисъ былъ одной изъ причинъ, почему крестьянское движеніе обрѣло такую силу, и интеллигентные либералы примкнули къ нему. Евреи, поляки и армяне проявили еще большую энергію. Массовыя убійства последнихъ были систематически и искусно организованы правительствомъ. Убійства армянъ—въ Баку, Батумѣ, Тифлисѣ и другихъ городахъ. Убійства евреевъ, свѣдѣнія о которыхъ мы постоянно получаемъ, избіеніе евреевъ-поляковъ въ Лодзи, гдѣ народъ открыто возсталъ, всѣ эти преступленія создали гражданскую войну во всей Россіи.

Но это еще только начало. Вынуждая всѣ классы населенія, каждую національность на самозащиту противъ военной силы, и дѣлая изъ этого вопросъ жизни и смерти, правительство готовитъ намъ революцію, передъ которой великая французская революція покажется борьбоіі лилипутовъ. Что сдѣлалъ царь и бюрократія, чтобы избѣжать этой бѣды? Абсолютно ничего. Каждый указъ о реформѣ немедленно дискредитировался какой-нибудь уловкой и еще больше тѣмъ, что исполненіе его поручалось тѣмъ самымъ лицамъ, преступленія которыхъ вопіютъ къ небу о мщеніи. Такъ напримѣръ въ февралѣ царь издалъ Указъ о свободѣ совѣсти, но указъ этотъ не разрѣшалъ свободу религіозныхъ диспутовъ, онъ не касался шести милліоновъ евреевъ, многихъ милліоновъ магометанъ и другихъ нехристіанскихъ вѣроисповѣданій. И эта частичная свобода, данная христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ, въ большинствѣ случаевъ была сведена къ мертвой буквѣ мѣстными чиновниками, не получившими инструкцій. Что же можетъ принудить къ осуществленію указа, когда гласность не существуетъ? Затѣмъ, Земская Дума, дарованная въ августѣ, развѣ это не наглая насмѣшка надъ настоящимъ парламентомъ и надъ требованіемъ народа конституціи. Дума эта не даетъ народу никакихъ правъ и задумана такъ, чтобы быть новымъ орудіемъ для укрѣпленія самодержавія и бюрократіи. И теперь, когда я пишу, я узналъ, что въ 28 ми губерніяхъ неурожай, и большей половинѣ Россіи грозитъ голодъ. Кто придетъ на помощь десяткамъ милліоновъ голодающихъ крестьянъ? И откуда придетъ помощь, если не встанетъ вся Россія, чтобы съ оружіемъ въ рукахъ сбросить самодержавіе и бюрокра-

тію, не останавливаясь передъ жертвами. Къ счастію, жертвы не будутъ столь велики, какъ ихъ можно было ожидать еще нѣсколько времени тому назадъ. Есть много признаковъ, которые указываютъ намъ, что правительство все болѣе и болѣе слабѣетъ въ братоубійственной войнѣ. „Князь Потемкинъ“, „Георгій Побѣдоносецъ“, Прутъ и другіе суда и, можетъ быть скоро и весь флотъ, лишатъ царя одного изъ могущественныхъ орудій. Кромѣ того каждый день получаются свѣдѣнія, что и другое, еще болѣе сильное орудіе—армія, начинаетъ поддаваться окружающей ее революціи. Если не въ городахъ, то въ деревняхъ, солдаты братаются съ крестьянами, и, въ виду этого, аграрные безпорядки будутъ пагубно вліять на нихъ. Поэтому нельзя считать всеобщее возстаніе невозможнымъ до тѣхъ поръ, когда вся армія встанетъ. Стихійная сила, чѣмъ больше ее сдавливаютъ, тѣмъ сильнѣе она становится и увеличивается отъ самаго давленія. Вожакамъ революціи остается только организовать эту силу такъ, чтобы нанести ударъ скорѣе, сдѣлать время борьбы наиболѣе короткимъ, чтобы избѣжать напраснаго кровопролитія и достигнуть наибольшихъ результатовъ, какіе только позволятъ обстоятельства. Чтобы привести къ такому концу я и направляю всю свою дѣятельность, съ тѣхъ поръ какъ я покинулъ Россію. Но меня спросятъ, какъ долго борьба можетъ продолжаться и, что получатъ тѣ классы населенія, которыми я наиболѣе интересуюсь—рабочіе и крестьяне? Если царь обнаружитъ мудрость и предоставитъ народу свободу самому устроить свою жизнь, то революціи можно было бы и теперь еще избѣжать и спасти династію для конституціонной монархіи. Но какое же мы имѣемъ основаніе ожидать такого мудраго и мужественнаго шага со стороны царя? Онъ ни одной минуты не былъ внѣ вліянія всякихъ Побѣдоносцевыхъ, Плеве, Треповыхъ и имъ подобныхъ угнетателей.

Есть еше и другой исходъ. Если царь не рѣшится дать полную политическую свободу всѣмъ своимъ подданнымъ, то онъ можетъ уступить часть своей власти на условіи извѣстныхъ уступокъ себѣ и своимъ прежнимъ слугамъ. Онъ можетъ разумно распредѣлить права и правленіе между различными классами населенія. Этими мѣрами, а также основательной земской реформой, уменьшеніемъ платежей, падающихъ на крестьянина, уменьшеніемъ покровительственныхъ пошлинъ, преобразованіемъ админи-

страціи, онъ можетъ очень ослабить оппозицію. Этимъ путемъ онъ пріобрѣтетъ поддержку высшихъ и среднихъ классовъ и смягчитъ озлобленіе крестьянъ. Но все это только отдалитъ, но не устранитъ революцію, такъ какъ главная поддержка революціи въ рабочемъ классѣ, который съ неослабленной энергіей будетъ продолжать агитацію. Земельная реформа скоро окажется несостоятельной, потому что парламентъ, состоящій изъ помѣщиковъ и купцовъ, убьетъ всякую серьезную попытку въ этомъ направленіи. Кромѣ того такая политика требуетъ наличности истинно умныхъ и смѣлыхъ государственныхъ людей. Въ обѣщанной 6-го Августа, такъ называемой конституціи, не видно и слѣда этихъ качествъ.

По всему этому я могу съ увѣренностью сказать, что борьба идетъ быстро къ концу, что Николай II готовитъ себѣ судьбу одного изъ англійскихъ королей, или французскаго короля недавнихъ временъ, что тѣ изъ его династіи, которые избѣгнутъ ужасовъ революціи, въ недалекомъ будущемъ будутъ искать себѣ убѣжища на Западѣ.

6

